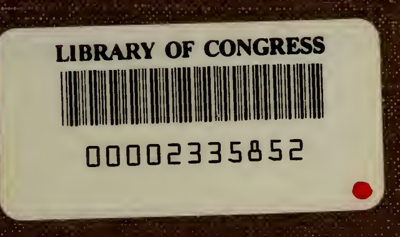

LIBRARY OF CONGRESS
00002335852

THE LIBRARY OF CONGRESS

СОЧИНЕНІЯ
ДМИТРІЕВА

ЧАСТЬ I.

Москва
1810 Года.

Dmitriev, Ivan Ivanovich

СОЧИНЕНІЯ ДМИТРІЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il à chéris.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

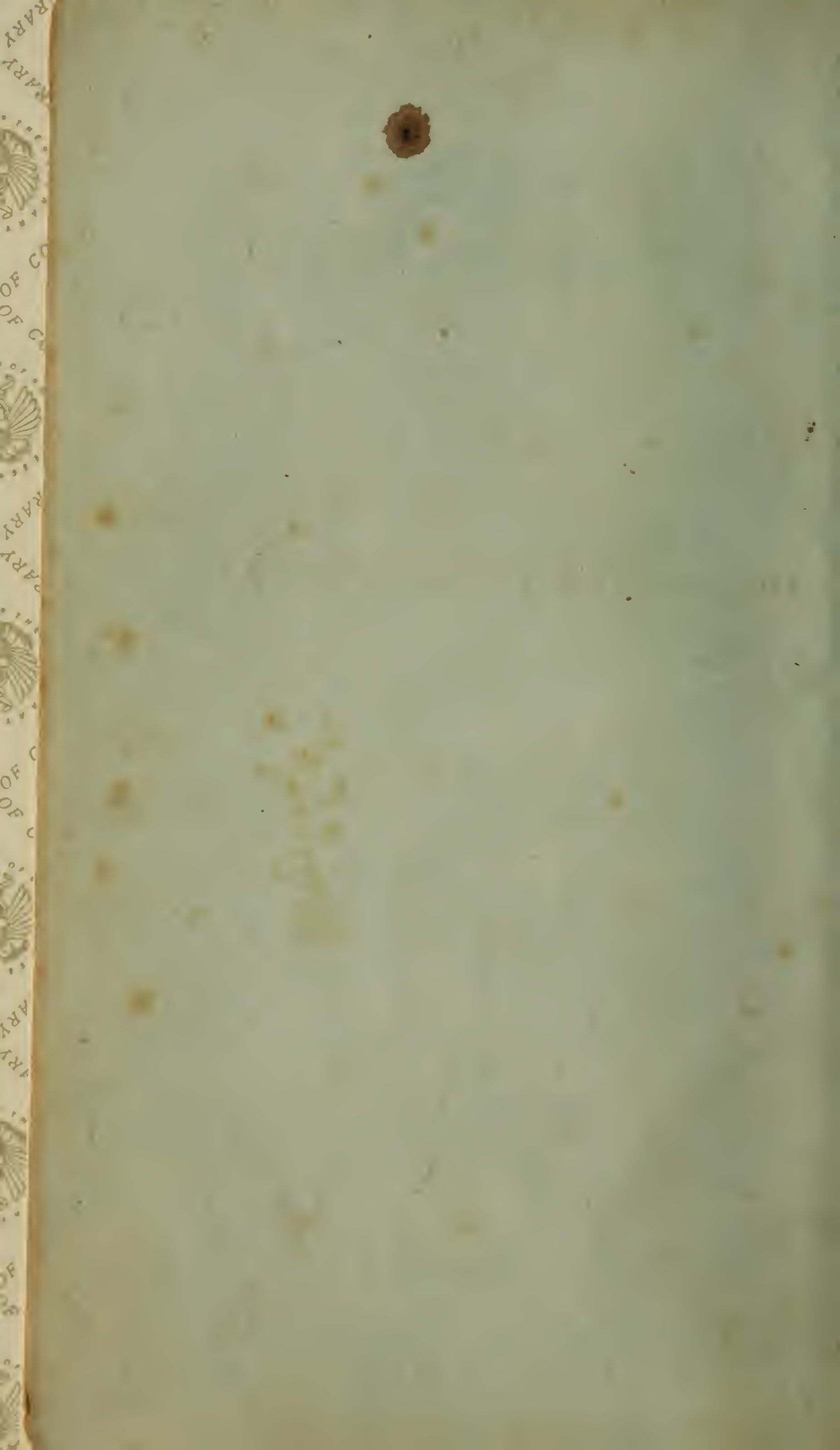
Изданіе третіе.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1810.

PG3321
D53
1810

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.



ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, Древность, мнѣ!
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышь: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ, и пѣной подмываетъ
Высокой берегъ и крутой;
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни, въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой;
Единый младъ, другій съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей;
На каждомъ вижу я нарядъ,

Во ужасъ сердце приводящей!
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшена ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
У стопъ же два лежатъ тимпана
И два повержены копья. —
То два Сибирскіе Шамана,
И ихъ слова внимаю я.

Старецъ.

Шуми, Иртышь! реви ты съ нами,
И вторь плачевнымъ голосамъ!
На вѣкъ отвержены богами!
О горе намъ!

Младый.

О горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

Старецъ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа (1),
Гремѣвши міра по конецъ —
О сильна, древняя Держава!
О матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, изчезла слава!
Сибирь, и ты познала плѣнъ!

---

(1) Татары, Остяки и Вогуличи.

Младый.

Твои народы разточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ!
И самъ Кучумъ (1), гроза вселенны,
Твой Царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

Старецъ.

Священные твои Шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На толь судили вы, Шайтаны (2),
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ и въ прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячь вашихъ чадъ!

Младый.

И отъ когожъ, о боги, пали!

Старецъ.

Отъ горсти Русскихъ! . . . Моръ и гладъ,
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучшебъ трусъ, потопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

Младый.

Бичемъ и ужасомъ Природы! . . .
Клянитe вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

---

(1) Кучумъ изъ царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и убитъ ими.

(2) Такъ назывались Сибирскіе кумиры.

Старецъ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мразъ, все вкругъ мертвящій!
Куда стрѣлу ни посылалъ —
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

Младый.

И Царскій братъ предъ нимъ упалъ.

Старецъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула (1),
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящшимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну;
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ! онъ сказалъ —“
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! они сразились!
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ,
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ;
Уже во нихъ сердце страшно бьется,

---

(1) Царскій братъ, котораго Ермакъ плѣнилъ и отослалъ къ Царю Іоанну Васильевичу; отъ него произошли Князья Сибирскіе.

И ребра обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнется;
Крутятся, и — Ермакъ сломилъ!
„Ты мой теперь! онъ возопилъ,
И все отнынѣ мнѣ подвластно!"

Младый.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ! . . .
Но что! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ . . . .

Старецъ.

Вѣчный! вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился,
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою Богамъ молился —
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Столѣтни дубы заскрыпѣли,
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ!
Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукротимъ, ужасенъ *Рача* (1);
Когда казнитъ вселенну онъ.
Сибирь, отвергша мой законъ!
Пребудь вовѣкъ, стоная, плача,
Рабыней *Бѣлаго Царя!*
Да свѣтлая тебя заря

---

(1) Главной Остяцкой Идолъ. Кучумъ, родившійся въ Магометанской вѣрѣ, частію уговорилъ, частію же принудилъ большую половину Сибири вѣрить Алкорану.

И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ!
А слава грозна Ермака
И чадъ его да вѣкъ не вянетъ,
И будетъ подъ луной громка!“
Умолкнулъ гласъ, и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ. — —
Увы! погибли невозвратно!
О горе намъ!

Младый.

О горе намъ!“ —
Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И, снявъ орудія съ земли,
Они вдоль брега потекли,
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири източенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна!
Что рекъ въ усердіи моемъ!
Гдѣ обелискъ твой? — Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или Остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, Герой!
Парящій стихотворства Геній

Всякъ день съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:

„Великій! гдѣбъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ
Твой подвигъ жизни совершился,
Хотябъ изчезъ твой самый прахъ,
Хотябъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками:
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ Полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучь твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И Время на косу падетъ."

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца Музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Цитерскихъ узъ;
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ —
И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, Царствъ великихъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верьхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И твой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земнаго круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ — и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
И кровь ихъ братьевъ потекла!
„Я гибну, гибну! ты рекла,
Вращая устрашенно око;
Спасай меня, о Геній мой!“ — —
Увы! молчанье вкругъ глубоко,
И мечь висящій надъ главой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, Россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осення ночь. —
Возстала! все восколебалось!
И Князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуномъ возблисталъ булатъ! —
Но кто изъ тысячь видимъ мною,
Въ сѣдинахъ, бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою —
Пожарскій то, Россіи щитъ! . . .
Восторгъ, восторгъ я ощущаю!
Пылаю духомъ и лечу!

Гдѣ лира? Смѣло начинаю!
Я подвигъ предка пѣть хочу!

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столпомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ — и взоромъ лучь отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою въ слѣдъ!

„Откуда шумъ? приникши ухомъ
Рекъ воинъ, въ думу погруженъ."
Взглянулъ — и блѣденъ, съ робкимъ духомъ,
Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ.
„Къ щитамъ, къ щитамъ, гласитъ, Сарматы!
Погибель намъ минута траты!
Я видѣлъ войско Супостатъ:
Какъ змій, хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось вратъ,
Хвостомъ всё поле покрываетъ." —
Вдругъ стогны ратными сперлись —
Мятутся, строются, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ на встрѣчу.

И се — зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ —
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Тамъ вождь добычею Эревѣ;
Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежетъ, стонъ и вой.

Пируетъ Смерть, и ужасъ мещетъ
Во градъ, и въ долы, и въ лѣса!
Тамъ дѣва юная трепещетъ;
Тамъ старецъ смотритъ въ небеса
И къ хладну сердцу выю клонитъ;
Тамъ пустника страхъ въ дебри гонитъ;
И ты, о труженикъ святой!
Живымъ погребшійся въ могилѣ,
Еще воспомнилъ міръ земной
При блѣдномъ дней твоихъ свѣтилѣ,
Воспомнилъ горесть, и слезой
Ланиту блѣдну орошаешь,
И къ Богу, сущему съ тобой,
Дрожащи руки простираешь!

Трикраты день возсіявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла,
Но бой еще не преставалъ

И Смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскій мещетъ громъ;
Вездѣ летаетъ онъ орломъ —
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь Литовскихъ силъ;
Сторукій исполинъ трясется —
Падетъ — издохъ! и вопль несется:
„Ура! Пожарскій побѣдилъ!"
И въ градѣ отдалось стократно:
„Ура! Москву Пожарскій спасъ!"

О утро памятно, пріятно!
О вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ;
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
На кровахъ, — и съ высотъ къ Герою
Вѣнки летящи на главу;
Сигклитъ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ Хоругви въ срѣтенье идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву!...

Но гдѣ Герой? Куда сокрылся?
Гдѣ сонмъ и Князей и Бояръ?
Откуда звучный кликъ пустился?
Не Царство ль онъ пріемлетъ въ даръ? —
О! что я вижу? Побѣдитель,
Москвы, Отечества спаситель,

Забывши древность, подвигъ дня,
И вкругъ его гремящу славу,
Вручаетъ юношѣ державу,
Предъ нимъ колѣно преклоня!
„Ты кровь Царей! вѣщалъ Пожарскій:
Отецъ твой въ узахъ у враговъ;
Прими вѣнецъ и скипетръ Царскій;
Будь Рускихъ радость и покровъ!"

А ты, Герой, пребудешь ввѣки
Ихъ честью, славой, образцомъ!
Гдѣ горы небо прутъ челомъ,
Тамъ шумныя помчатся рѣки;
Изъ блатъ дремучій выйдетъ лѣсъ;
Въ степяхъ возникнутъ вертограды;
Родятся и изчезнутъ грады;
Натура новыхъ тьму чудесъ
Откроетъ взору изумленну;
Освѣтитъ новый лучь вселенну:
И воинъ, отъ твоей крови,
Тебя вознпомнитъ, возгордится,
И паче, паче утвердится
Въ прямой къ Отечеству любви!

КЪ ВОЛГѢ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рѣкъ, озеръ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости! . . . Но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспѣтаго тобой!

Исполнены мои обѣты;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣты,
Когда я руки простиралъ
Къ тебѣ изъ отческія кущи,
Взирая на суда бѣгущи
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ!
Свершилось, и блажу Судьбину!
Великолѣпну зрѣлъ картину! —
И я былъ на твоихъ волнахъ!

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
То ревомъ бури и валовъ
Подъ черной тучей оглушаемъ
И отзывомъ твоихъ бреговъ,
Я плылъ, скакалъ, летѣлъ стрѣлою —
Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
И спрашивалъ: который вѣкъ
Засталъ ихъ въ молодости сущихъ?
Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
И дикихъ пустыней я текъ.

Тамъ веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цвѣты и травы ароматны,
Растущи средь твоихъ зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А тамъ Сиренъ пернатыхъ хоры,
Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
Пространство пѣньемъ оглашали —
И два Сайгака имъ внимали
Съ крутыхъ стремнинъ, не шевелясь.

Тамъ кормчій, руку простирая
Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
„Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!"
Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
Холодный потъ по немъ разлился,
И перстъ на воздухѣ дрожалъ.
А твой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
На крыліяхъ воображенья,
Въ протекшихъ временахъ леталъ.

Леталъ, и будто сквозь тумана
Я видѣлъ твой веселый токъ
Подъ ратью Грозна Іоанна,
И видѣлъ Астрахани рокъ.
Вотще Ордынцы безотрадны
Бѣгутъ на холмы виноградны,
И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
Безстрашный Россъ на брегъ ступаетъ —
И гордо Царство упадаетъ
Со трепетомъ къ его стопамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдова
Пророческій, громовый гласъ:
„Страшитесь, Персы, рока злова!
Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
Его и Югъ и Нордъ трепещетъ;
Онъ тысячьми перуны мещетъ,
Затмилъ Луну и Льва сразилъ! . . .
Внемлите шумъ: се Волжски волны
Несутъ его, гордыни полны!
Увы, Дербентъ! . . . Идетъ Царь силъ!“

Прорекъ — и хлынули рѣками
У бога воды изъ очесъ;
Вдругъ море вздулося буграми,
И влажный Каспій въ нихъ изчезъ.
О какъ ты, Волга, ликовала!
Съ какимъ восторгомъ поднимала
Побѣдоноснаго Царя!
Въ сію минуту предъ тобою
Казались малою рѣкою
И Белтъ, и Каспій, всѣ моря!

Но менѣе ль ты знаменита
Въ благодѣяніяхъ своихъ!
Почто безсиліе Піита
Начатый прерываетъ стихъ!
О естьлибъ вдохновенъ былъ Фебомъ,
Ты бъ первою рѣкой подъ небомъ,
Знатнѣйшей Гангеса была!
Ты бъ славою своей затмила
Величіе Эфрата, Нила,
И всю вселенну протекла.

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Уныл҃ внезапу лавр҃ зеленый,
Уныл҃, и долу преклонен҃!
Возстани, свыше вдохновенный,
Возстани, Бард҃, сын҃ всѣх҃ времен҃!
Бери обвиту крепом҃ лиру;
Гласи на ней, повѣдай міру
Печаль чувствительных҃ сердец҃,
Стон҃ воинов҃ непобѣдимых҃,
В҃ слезах҃ днесь на трофеях҃ зримых҃;
Гласи . . . Потемкина конец҃!

О коль ужасную картину
Печальный Геній мнѣ открыл҃!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крыл҃
Ни здѣсь, ни там҃ любимца Флоры;
Все томно, что ни встрѣтят҃ взоры!
Поникнул҃ злак҃, ручей молчит҃,
И тот҃, кого весь Юг҃ страшится,
Увы! простерт҃ на холм҃ зрится,
Простерт҃, главу склоня на щит҃!

Герой геройски умираетъ
Въ виду попранныхъ имъ градовъ;
И духъ свой Небу возвращаетъ
Средь ратниковъ, своихъ сыновъ!
Почилъ; и вопль вокругъ раздался,
И шумный гласъ молвы помчался
Вливать въ сердца печаль и страхъ!
Синилъ (1), Бендеры изумленны,
Героевъ слыша вопль плачевный
Въ поверженныхъ отъ нихъ стѣнахъ;

Очаковъ, гордый и подъ прахомъ,
Чудится, и сомнѣнья полнъ;
Чтобъ тотъ, кто былъ дракону страхомъ
Въ степяхъ, вертепахъ, среди волнъ,
Кто рану далъ ему глубоку;
Былъ общему подвластенъ року!
И черный Понтъ, надувъ хребетъ;
Валитъ; реветъ во слухъ Селиму,
Объяту думой, нерѣшиму:
„Воспрянь! уже Перуна нѣтъ!“ . . .

Но чьй тамъ слышу томны лиры
Съ Днепровыхъ злачныхъ береговъ?
Чей сладкій гласъ несутъ Зефиры?
То гласъ не смертныхъ, но Боговъ!
То вопіютъ Херсонски Музы:
„Увы! расторглись наши узы;

(1) Древнее названіе Измаила.

Любезный Князь, на вѣкъ съ тобой!
Давноль бесѣдовалъ ты съ нами
И лиру изпещрялъ цвѣтами (1),
Готовясь въ кроволитный бой?

,,Давноль Херсонъ, тобой украшенъ,
Цвѣтущъ на брегѣ быстрыхъ водъ,
Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
На твой со славою приходъ?
Давноль тебя мы здѣсь встрѣчали
И путь твой лавромъ устилали?
Давноль?" . . . и болѣ не могли;
Изъ рукъ цѣвницы покатились,
Главы къ колѣнамъ ихъ склонились,
Власы упали до земли.

Гдѣ, гдѣ не плачутъ и не стонутъ
Во мзду Ираклoвыхъ заслугъ?
Въ слезахъ тамъ родственники тонутъ;
Тамъ одолженныхъ страждетъ духъ;
Тамъ, подъ соломеннымъ покровомъ,
Зрю воина въ вѣнкѣ лавровомъ
Среди родимыя семьи;
Онъ жадно-внемлющей супругѣ
Разсказываетъ: ,,какъ на Югѣ
Князь подвиги творилъ свои;"

(1) Кн. Потемкинъ подъ стѣнами Очакова писалъ, сказываютъ, Стихи, и переводилъ Церковную Исторію Аббата Флёри.

„Какъ въ полѣ бился съ сопостатомъ,
Какъ во стѣнахъ его каралъ,
Какъ кончилъ жизнь". . . Тутъ бѣлымъ платомъ
Текущи слезы утиралъ.
Слеза безцѣнная, священна,
Изъ сердца чиста извлеченна! —
О Витій! что твоя хвала!
Но сеюль жертвою одною
Воздашь, Россія, днесь Герою,
Которымъ славима была?

Нѣтъ! сынъ твой вѣчно будетъ громокъ!
Потемкина Геройскій ликъ
Увидитъ поздный твой потомокъ,
И возгласитъ: „Онъ былъ Великъ!"
И вольный Грекъ, забывъ желѣзы,
Прольетъ предъ нимъ сердечны слезы;
И самый Туркъ, нахмуря взоръ,
Сынамъ своимъ его покажетъ —
„Се бичь нашъ былъ!" вздохнувъ онъ скажетъ —
И Музъ его прославитъ хоръ.

ГЛАСЪ ПАТРІОТА

на взятіе Варшавы.

Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астреи дни?
Стремглавъ низвержены, попраны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла, . . . и гдѣ они?
Вопи, союзница лукава,
Отнынѣ ставшая рабой:
„Изчезла *Собіесковъ* слава!"
Ходи съ поникшею главой;
Шатайся, рвись вкругъ селъ нещастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

А Ты, гремѣвшая со трона,
Любимица самихъ Боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтъ Своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна!

Воззри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?
Они къ стопамъ Твоимъ бросаютъ
Лавровы, свѣжіе вѣнки;
,,Твои они, Твои! вѣщаютъ:
Съ Тобой намъ рвы не глубоки;
Съ Тобою низки страшны горы!
Скажи, скажи, о Матерь! намъ,
Склоня величественны взоры:
Куда еще летѣть орламъ?" =

Куда летѣть? Кто днесь возстанетъ,
Всей Польши зря ужасну часть?
Твой громъ вотще нигдѣ не грянетъ:
Страшна Твоя, Царица, власть!
Страшна Твоя и прозорливость
Врагу, злодѣю Твоему!
Вездѣ найдетъ его строптивость
Препонъ неодолимыхъ тьму;
Вездѣ обрящутся преграды:
Твои, какъ мѣдною стѣной,
Бойницами прикрыты грады,
И каждый въ оныхъ стражъ герой;
Предѣлы царствъ Твоихъ щитами,
А седьмь, рабынь Твоихъ, морей
Покрыты быстрыми судами,
И жезлъ судьбы въ рукѣ Твоей!
Речешь — и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ:

Таврідецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,
Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ,
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами
И прахъ поднимутъ до небесъ!
Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ;
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ!

СТИХИ

на Высокомонаршую милость, оказанную Императоромъ Павломъ Первымъ потомству Ломоносова.

О радость! дайте, дайте лиру!
Я вижу Пинда Божество!
Да возвѣщу въ восторгѣ міру
Славянской Музы торжество,
И новый блескъ Монаршей славы!
Талантамъ возвратились правы:
Герой, Вельможа, Судія!
Не презирайте днесь Пѣвцами:
Самъ Павелъ ихъ равняетъ съ вами,
Щедроты лучь и къ нимъ лія.

Се гласъ Его, гласъ благотворный,
Несется до морскихъ валовъ,
При коихъ, жребію покорный,
Кидаетъ мрежи рыболовъ;
„Возвысь чело! ему вѣщаетъ:
Царь иго съ плечь твоихъ снимаетъ;
Твой предокъ Ломоносовъ былъ!" —
О Павелъ! Ты единымъ словомъ,
Не потрясая міра громомъ,
Себя къ безсмертнымъ пріобщилъ.

Падутъ надмѣнны пирамиды
Съ размаху Кроновой руки;
Сотрутся обелисковъ виды;
Изчезнутъ Ксерксовы полки
И Царства, ими покоренны:
Но дарованія нетлѣнны!
Въ потомствѣ Сѣверный Орфей,
Вторый возникнетъ Ломоносовъ, —
И поздный родъ узнаетъ Россовъ
О благости души Твоей.

ПѢСНЬ

на день коронованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, *Государя Императора* АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Поэтъ.

И я, питомецъ Аполлоновъ,
Не умолчу въ сей важный часъ!
Судьба рѣшится милліоновъ;
Взоръ міра обращенъ на насъ
И свыше Громовержецъ внемлетъ;
Младый Сподвижникъ воспріемлетъ
Обѣтъ, который всѣхъ святѣй:
Быть стражемъ и отцемъ Полсвѣта! —
Утѣшь насъ радугой завѣта,
О Богъ судебъ! о Царь Царей!

Хоръ.

Даруй Твой судъ Царю младому,
Да будетъ другомъ правды Онъ;
Любезенъ добрымъ, грозенъ злому,
Дальнѣйшаго услышитъ стонъ;
Народовъ разныхъ Повелитель,
Да будетъ Геній-просвѣтитель,

Краса и честь Своимъ странамъ!
Да будутъ дни Его правленья
Для Россовъ днями прославленья
И преданы отъ нихъ вѣкамъ!

Поэтъ.

МОНАРХЪ! подъ сими небесами,
На семъ же мѣстѣ Іоаннъ
Пріялъ геройскими руками
Вѣнецъ, которымъ Ты вѣнчанъ.
Благоговѣй къ Своей порфирѣ:
Ее носилъ Великій въ мірѣ,
Самъ Петръ на мочныхъ раменахъ!
Благоговѣй предъ сей державой:
Она горитъ, блистаетъ славой
Премудрыя, *одной* въ женахъ!

Хоръ.

Да низпошлетъ Безсмертна Внуку
Свой даръ сердцами обладать;
Да укрѣпитъ Монаршу руку
Кормиломъ Царства управлять!
О вѣтвь, о кровь Екатерины!
При Ней корабль нашъ (1) чрезъ пучины
Отважно къ щастію летѣлъ;
При Ней Россіянинъ, сынъ славы,
Вселенной подавалъ уставы;
И жребіемъ ея владѣлъ.

---

(1) Корабль правленія.

Поэтъ.

Не измѣнимся и съ Тобою:
Тебѣ душа Ея дана!
Я вижу, вижу предъ собою,
МОНАРХЪ! грядущи времена:
Россія въ силѣ возрастаетъ
И обелиски воздвигаетъ
Во мзду заслугъ своихъ сыновъ;
Гремятъ въ ней Пиндары, Платоны —
О дни златые! . . . Миліоны,
Несите сердце вмѣсто словъ!

Хоръ.

Гряди на тронъ Россіи съ Богомъ,
Гряди, Отечества Отецъ!
Будь щастья нашего залогомъ
И утѣшеніемъ сердецъ!
Цари всемочны и священны:
Хотятъ — и смертные блаженны,
И на земли вкушаютъ рай! —
Имъ Небо власть *свою* вручило:
Всходи, о новое Свѣтило!
И благостью въ вѣкахъ сіяй.

ГИМНЪ БОГУ.

Парю душей къ Тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый!
Блажу Тебя, Непостижимый,
Всемощный, Безначальный, Сый!
Блажу, и сердцемъ восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
Въ твореніи Твоемъ чудесъ!
Великъ равно Ты въ насѣкомомъ,
Какъ въ буряхъ, къ намъ ревущихъ съ громомъ
Съ недосягаемыхъ небесъ!

Гдѣ пунктъ начатія Вселенны?
Что въ солнцѣ огнь питаетъ Твой?
Чѣмъ звѣзды въ тверди утверждены,
И что вращаетъ шаръ земной?
Откуда сонмы водъ пустились
И вкругъ земли совокупились
Въ неизмѣримый Океанъ?
Что внѣ его, что внѣ эфира?
Кто въ тайнахъ сихъ, о Творче міра,
Участникомъ Твоимъ избранъ?

Никто, никто въ Твоемъ совѣтѣ!
Непроницаемъ Твой покровъ!
Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ,
Надъ міріадами міровъ,
Ты взоромъ солнцы возжигаешь,
Ты маніемъ міры вращаешь,
Ты духомъ Ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслію одною —
Сію пылинку предъ Тобою —
Громаду Свѣта истребишь!

РАЗМЫШЛЕНІЕ

по случаю грома.

Гремитъ! . . . благоговѣй, сынъ персти!
Се *Ветхій деньми* съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли! —
Всесильный, съ трепетомъ младенца,
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И . . . изчезаю предъ Тобой!

Что человѣкъ! паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по земли:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ, на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ, и мчится на скалу.

Ты дхнешь — и двигнешь Океаны!
Речешь — и вспять они текутъ!
А мы! . . Одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!

Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучь блѣдный утренней зари.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

ПРЕЛОЖЕНІЕ 49 ПСАЛМА.

Кто въ блескахъ молніи низходитъ,
Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
Природы ль вижу я Творца? —
Онъ! Онъ! се мечь въ десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчныя вѣсы;
Се къ вамъ, народы, Онъ вѣщаетъ — —
О страхъ! о грозные часы!

,,Не мни, гласитъ, о родъ строптивый
Загладить жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изречь на смертныхъ всѣхъ!
Что Мнѣ до вашихъ всесожженій,
До вашихъ жертвъ и тучныхъ стадъ?
Богъ пьетъ ли кровь своихъ твореній?
Безсмертный чувствуетъ ли гладъ?

,,Я всю Вселенную объемлю
И въ длани жизнь ея ношу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
Хощу — и солнце погашу!
Пожри же Мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ устъ хвалою
Да будетъ славимъ Богъ боговъ!

„Но да прильпнетъ языкъ къ гортани
Твоей, о грѣшный человѣкъ!
Не простирай ко Мнѣ ты длани
И не блажи Меня во вѣкъ!
Тебѣ ли Бога пѣснословить,
Коль духомъ не живешь о Немъ,
Коль адъ спѣшишь себѣ готовить
Въ порочно́мъ житіи твоемъ?

„Изъ устъ твоихъ течетъ ядъ лести
И злоба ухищренныхъ змѣй;
Ты брату ковъ творилъ изъ мести,
Корысти раздѣлялъ татей.
О лицемѣры! вѣчно ль стану
Я громъ удерживать въ рукахъ?
Возтрепещите! гряну, гряну,
И уничтожу яко прахъ!"

КЪ ГАВРІИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ (1).

Бардъ безъимянный! тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ.

Тщетно Поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ;
Тщетно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой Геній
Близь свѣтлыхъ ручьевъ.

Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
Рдяныхъ Сатировъ (2) и Вакховыхъ жрицъ,
Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ отвагѣ
Вкругъ древнихъ гробницъ.

---

(1) Это былъ отвѣтъ на Стихи, присланные въ Вѣстникъ Европы. Почтенный Авторъ ихъ, неподписавшій своего имени, думалъ, что я въ деревнѣ, и пенялъ мнѣ за мою лѣность.

(2) Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки, которые во все лѣто промышляютъ въ Марьиной рощѣ пѣснями и пляскою. Для тѣхъ, кои не живали въ Москвѣ, можно прибавить, что въ этой рощѣ было кладбище для иностранныхъ; теперь же надгробные камни служатъ гуляющимъ вмѣсто столовъ и стульевъ.

Гулъ ихъ *Эвое* (1) несется вдоль рощи,
Гонитъ пернатыхъ скрываться въ кустахъ;
Даже далече наводитъ средь нощи
На путника страхъ.

О Пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
Пѣть, и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ —
Языкомъ Боговъ!

---

(1) Эвое, или Эванъ, былъ употребительной припѣвъ Вакханокъ, при отправленіи ихъ Оргій. Это примѣчаніе для дѣтей, незнающихъ еще Миѳологіи.

ПОДРАЖАНІЯ ГОРАЦІЮ.

ОДА VII ИЗЪ КНИГИ XIII.

Пловецъ, подъ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды ему свѣтившей,
Покоя проситъ у Боговъ.
Къ покою простираютъ длани
И Мидіи роскошный сынъ,
И мужественный витязь въ брани
Пространныхъ Фракіи долинъ.

При старости и жизни въ цвѣтѣ
Всегда въ отраду намъ покой,
Непокупаемый на свѣтѣ
Ниже и пурпура цѣной!
Не рѣдко грусть и сильныхъ гложетъ
Въ ихъ позлащенныхъ теремахъ;
И ревность Ликторовъ не можетъ
Отгнать отъ нихъ заботы страхъ.

Но кто же болѣе проводитъ
Въ покоѣ кругъ летящихъ дней?
Лишь тотъ, кто щастіе находитъ
Среди семейства и друзей;
Пріютной хижиной доволенъ,
Наслѣдьемъ скромнымъ отъ отца;
Въ желаньяхъ строгъ, въ дѣяньяхъ волснъ,
И безъ боязни ждетъ конца;

Чуждъ зависти, любостяжанья,
Днемъ веселъ, въ ночь покойно спитъ!
Почто намъ лишнія желанья,
Коль смерть внезапу насъ разитъ:
Почто отъ пристани пускаться
Во треволненный Океанъ,
Бездомнымъ сиротой скитаться
Подъ небосклономъ чуждыхъ странъ?

Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убѣжишь:
Умолкнуть сердце не заставишь,
И мукъ его не усмиришь!
Ни день, ни часъ не въ нашей волѣ;
Щастливцевъ совершенныхъ нѣтъ:
Такъ будемъ же въ смиренной долѣ
Сносить равно и мракъ и свѣтъ.

Ахиллъ толь рано жизнь оставитъ,
Титанъ два вѣка будетъ жить;
Кто знаетъ, чью изъ насъ прибавитъ,
Иль укоротитъ Парка нить?

На пажитяхъ твоихъ красивыхъ
Пестрѣетъ стадомъ каждый лугъ,
И ржаніе коней строптивыхъ
Разноситъ гулъ далече вкругъ.

Тебя богатство, знатность рода
Въ червлену ризу облекли;
А мнѣ фортуна и природа
Послали въ даръ клочокъ земли;
Таланта искру къ пѣснопѣнью
На ладъ любимыхъ мной творцовъ,
И равнодушіе къ сужденью
Толпы Зоиловъ и глупцовъ.

ОДА III ИЗЪ I КНИГИ.

Лети, корабль, въ свой путь съ Виргиліемъ моимъ!
Да сохранятъ тебя свѣтилы благотворны:
И Поллуксъ и Касторъ, и тотъ, кому покорны
Всѣ вѣтры на водахъ; и та, котору чтимъ
Богиней красоты, всѣхъ радостей душою!
Лети! и принеси безвредно по волнамъ
Ты друга моего къ Аттическимъ брегамъ:
Дражайшу часть меня я отпустилъ съ тобою!

Конечно твердою, дубовою корой,
Тройнымъ булатомъ грудь была вооруженна
Того, въ комъ перва мысль родилась дерзновенна:
Невѣрной поручать стихіи жребій свой!
Ни дожденосныя, зловѣщія Гіады,
Ни Африканскій вѣтръ, ни бурный Аквилонъ,
Ни Нотъ, незнающій пощады,
Не сдѣлали ему препонъ —
И что они! какой родъ смерти былъ ужасенъ
Тому, чей смѣлый взоръ былъ неподвиженъ, ясенъ,
Когда зіяла хлябь, горой вздымался валъ,
Изъ волнъ чудовища скакали,
И стрѣлы молній обвивали
Верхи Эпирскихъ грозныхъ скалъ?

Такъ! втуне отъ Небесъ народы раздѣленны,
Обширныя моря въ предѣлъ имъ положенны!
Афетовъ дерзкій сынъ все смѣетъ одолѣть:
Хотѣлъ, и могъ сіи пространства прелетѣть;
Хотѣлъ, и святость всѣхъ законовъ нарушаетъ,
И даже огнь съ небесъ коварно похищаетъ.
О святотатство! сколь твой гибеленъ былъ слѣдъ!
По свѣту океанъ разлился новыхъ бѣдъ,
И неизбѣжна смерть, но медленна дотолѣ,
Удвоила свой шагъ и всѣхъ разитъ по волѣ!
Но только ли? Дедалъ, родившійся безъ крылъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ;
Алкидъ потрясъ предѣломъ ада!
Гдѣ нашей дерзости преграда?
Мы, въ буйствѣ, даже въ брань вступаемъ съ Божествомъ,
И Діевъ никогда не отдыхаетъ громъ.

ОДА I ИЗЪ III КНИГИ.

Служитель Музъ, хощу я истинны воспѣть
　　Въ стихахъ — неслыханны до нынѣ:
　　Фебъ движетъ — прочь, враги Святынѣ!
А вы, о юноши! ... внимать, благоговѣть!

Царямъ подвластенъ міръ, Цари подвластны Богу,
　　Тому, Кто съ облачныхъ высотъ
　　Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу;
Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Владѣй по всей земли ты рудами злата̀ыми;
　　А ты народовъ будь отцомъ;
　　Хвались ты предками своими,
А вы талантами, геройствомъ и умомъ —

Умрете всѣ! законъ Судьбины не преложенъ:
　　Ктобъ ни былъ — малъ, или великъ,
　　Предъ смертью всякъ равно ничтоженъ;
Въ сосудѣ роковомъ нѣтъ жребіямъ отликъ!

За Царскою ль себя трапезой насыщаетъ,
　　Пернатымъ внемлетъ ли весной,
　　Ко сну ль главу на пухъ склоняетъ:
Злодѣй всегда зритъ мечь висящій надъ собой.

Сонъ сладкій только данъ оратаямъ въ отраду;
Онъ любитъ ихъ смиренный кровъ,
Тѣнистой рощицы прохладу,
Цвѣты и злакъ долинъ, журчанье ручейковъ.

Пусть грозный Океанъ клокочетъ подъ валами;
Пусть буря черными крылами
При блескѣ молній возшумитъ:
Мудрецъ на брань стихій спокойно съ брега зритъ.

Одинъ громадами стѣсняетъ рыбъ и давитъ,
Казною пропасти бутитъ,
И на зыбяхъ чертоги ставитъ —
Но гдѣ онъ отъ заботъ, печали будетъ скрытъ?

Безумецъ, ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно:
Тиранъ твой сердца въ глубинѣ;
Она съ тобою повсечасно
Летитъ на кораблѣ и скачетъ на конѣ.

Чтожь пурпуръ, ароматъ и мраморы Фригійски?
Къ чему Фалернское вино?
Почто взносить мнѣ обелиски,
Когда спокойствія намъ съ ними не дано?

Нѣтъ! злату не бывать души моей кумиромъ;
Мои желанья: скромно жить,
Не съ завистью — съ сердечнымъ миромъ,
И щастье въ уголку Сабинскомъ находить.

СМѢСЬ.

САТИРЫ.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

„Что за диковинка? Лѣтъ двадцать ужь прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ всё Оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ!
Уже ли выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жь, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь! . . . вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ . . . нечего читать!
Листочикъ, много три, а любо какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ щастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилѣжнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлой годъ сидитъ надъ Одою одной!
И подлинно ужь весь приложитъ разумъ свой!

Ужь прямо самая торжественная Ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судитежь, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ томужь, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, на примѣръ, я Оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы!
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно! . . . а зѣваю!
Я бросивши ее, другую разкрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и вѣкъ: *зари багряны персты*,
И *райскій кринъ*, и *Фебъ* и *небеса отверсты*!
Такъ громко, высоко! . . . а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!" —

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною;
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но, къ щастью — ежели назвать то щастьемъ можно,

Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

„На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю:
Я самъ языкъ боговъ, Поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожь здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межь нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ;
Большая часть изъ нихъ — Лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ всё нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему щастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ,
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону (1),
А тутъ и ночь..., когдажь заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ — ужь билетъ:
На пробу въ пять часовъ... куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю;
До Оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю (2);

(1) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ Маскерадовъ.
(2) Петербургской портной.

Потомъ опять домой : здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять
простись !

„Къ томужь, у древнихъ цѣль была, у насъ
другая :
Горацій, на примѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ ? О ! онъ — онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала !
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ Князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова ;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ.
Судяжь, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ Русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи Лирической Поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ *Меркурій* нашъ и *Зритель* (1)
И книжный магазинъ и лавочки полны :
„Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;

---

(1) П. Б. Журналы.

Такъ не смѣшно ли намъ Поэтамъ согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать всё, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ всё науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ.“ —
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный Оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *Ода!*
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*
„Тутъ какъ? . . . *Пою!* . . . Иль нѣтъ, ужь это старина!
„Не лучшель: *даждь мнѣ, Фебъ?* . . Иль такъ: *не ты одна*
„*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?*
„Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
„Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
„И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.“ —
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
„Что хочешь, то мѣли! Вотъ штука, какъ хвалить
„Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
„Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —

„Не ловко что-то всё. — Да просто напишу:
„*Ликуй Герой! ликуй! Герой ты!* возглашу:
„Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
„*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
„*И то, и то* . . . А тамъ? . . Извѣстно: *многи лѣта?*
„Брависсимо! и планъ и мысли, всё ужь есть!
„Да здравствуетъ Поэтъ! осталося присѣсть,
„Да только написать, да и печатать смѣло!“ —
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И Оду ужь его тисненью предаютъ,
И въ Одѣ ужь его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы, чтобы Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ,
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не Поэтъ!“ —

Да вѣдаетъ же всякъ по Одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ Лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи, къ столу, за перья! Отомстимъ,
Надуемся, напрёмъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную Сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ ЮВЕНАЛОВОЙ САТИРЫ о БЛАГОРОДСТВѢ.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами;
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?
Здѣсь Галба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ, въ торжественной Эмилій колесницѣ,
Съ лавровой вѣтвiю и копiемъ въ десницѣ;
Иль Курiи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ!
Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ иль хлыстикомъ на вѣтхiе портреты,
Которы у тебя коптятся многи лѣты,
Надувшись, говоришь: „смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ Римскихъ войскъ — великiй былъ Герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ Диктаторъ!
А это дѣдушка, вотъ прямо былъ Сенаторъ!“ —
А самъ ты внучекъ что? Герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пирахъ;
А ты ложишься спать тогда, какъ тѣ вставали
И къ бою со врагомъ знамена развивали;

Возможно ль Фабію гордиться только тѣмъ,
Что предъ Иракловымъ (1) взлелѣянъ олтаремъ,
И съ жизнью получилъ названье Альборога,
Когда сей правнучекъ законный полубога.
Честолюбивъ и гордъ лишь славой праотца,
А самъ вялѣе, чѣмъ Падуйская овца?
Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ Героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?
Надмѣнный! титлы, родъ . . . пустое превосходство!
Но духъ, великій духъ — вотъ наше благородство!

Будь Кассій, Павелъ, Друзъ, но будь по дѣламъ;
Показывай ихъ духъ, а не портреты намъ!
Когда въ тебѣ ихъ умъ, ихъ дѣльность, добры нравы:
То, Консулъ ты, иль нѣтъ, достоинъ вѣчной славы;
Ты знатенъ! и тогда съ Силаномъ на-равнѣ
Ты честь Отечеству, и милъ, безцѣненъ мнѣ;
Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду (2)!
Но чтобы, истиннымъ Героямъ я въ обиду,
Ихъ недостойное исчадіе почтилъ?
Не будетъ! я бъ себя тѣмъ вѣчно посрамилъ.
Что имя? Развѣ нѣтъ вседневнаго примѣра,
Что говорятъ, сойдясь съ старухой: вотъ Венера!
А съ карлой: вотъ Атлантъ! и кличутъ тигромъ, львомъ
Негоднаго щенка съ обрубленнымъ хвостомъ?
Рубеллій! трепещи гордиться предковъ чиномъ:
Не долго и тебя прозвать намъ Камериномъ.

Ты столь возносишься породою своей,
Какъ будто самъ и блескъ и знатность придалъ ей.
Я родъ мой, говоришь, съ Цекропа начинаю;
А ты изъ подлости, изъ черни! Уступаю;
Честь предку твоему и должная хвала!
Однакожь эта чернь намъ Витію дала,
Защитника въ правахъ безграмотна дворянства;
Однакожь эта чернь, скажу еще безъ чванства,
Даетъ блюстителей законовъ намъ, судей,
Которы тщаніемъ и тонкостью своей
Для пользы общества ихъ узлы разрѣшаютъ,
Иль темный оныхъ смыслъ не рѣдко объясняютъ;
И ежели Ефратъ среди своихъ бреговъ
Мятется и дрожитъ отъ имени Орловъ;
Когда Вселенная покорствуетъ Римлянамъ:
То тѣмъ одолжены мы храбрымъ Плебеянамъ.
А ты, скажи мнѣ, чемъ Отечеству служилъ,
И что отъ древняго Цекропа сохранилъ?
Лишь имя . . . о бѣднякъ! о знатный мой повѣса!
Ты то же для меня, что истуканъ Гермеса:
Тотъ мраморный, а ты, къ безславію, живой —
Вотъ вся и разница у статуи съ тобой.

Чѣмъ отличаются животны, какъ не силой?
Одинъ конь быстръ, горячь; другой лѣнивой, хилой;
Того, который всѣхъ на скачкѣ передитъ,
Слѣдами сыплетъ огнь и вихремъ пыль крутитъ,
Мы хвалимъ, бережемъ и ежедневно холимъ;
А клячу за ничто продать на торгъ отводимъ,
Хотябъ Гирпинова отродія была:
Равно и ты презрѣнъ, коль знатныя дѣла,

Которыми твои прапрадѣды сіяютъ,
Лишь только намъ твою ничтожность озаряютъ.
Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы, — оно падетъ;
А скромный плющъ растетъ безъ страха, и не
гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

И такъ желаешь ли уваженъ быть, любимъ?
Знай долгъ свой: въ брани будь искусенъ и рѣшимъ,
Въ семействѣ другъ, въ судѣ покровъ, защитникъ
правыхъ;
И лжесвидѣтелей, ктобъ ни были, лукавыхъ,
Забывъ и родъ и санъ и мощь ихъ, обличай;
За истинну на все безтрепетно дерзай!
Хотя бы Фаларидъ, подвигнутъ адскимъ гнѣвомъ,
Грозилъ тебѣ за то вола разженнымъ чревомъ:
Нѣтъ нужды! извергъ тотъ, уродъ, не человѣкъ,
Кто думаетъ продлить безчестіемъ свой вѣкъ!
Пускай для нихъ полетъ свой остановитъ время;
Но жизнь, должайша жизнь безъ чести тяжко бремя!
Такъ жизни ль жертвовать, симъ нѣсколькимъ
часамъ,
Тѣмъ самымъ, для чего и жизнь любезна намъ?
Рубеллій! тотъ ужь мертвъ, кто казни сталъ
достоинъ,
Хотя онъ и по днесь надъ устрицами воинъ,
Которыхъ сотнями глотаетъ на пирахъ;
Хоть всякой день еще купается въ водахъ,
Настоенныхъ цвѣтовъ и амбры ароматомъ.

Когда же, наконецъ, ты хитростью, иль
златомъ,
Иль и заслугами взойдешь на верхъ честей,
Ставъ, на примѣръ, главой обширныхъ областей:
Не будь, не будь своимъ предмѣстникамъ подобенъ,
Толикожь, какъ они, мздоименъ, гордъ и злобенъ;
Не лей союзныхъ кровь, смягчай ихъ горьку часть,
И въ правосудіи являй свою лишь власть;
Твори, что гласъ тебѣ законовъ возвѣщаетъ,
И помни, что Сенатъ въ возмездье обѣщаетъ:
Отлику, или громъ! Такъ, громъ! которымъ онъ,
За слезы вдовъ, сиротъ, за ихъ сердечный стонъ,
Сразилъ Нумитора съ жестокимъ Капитономъ,
Сихъ алчныхъ кровопійцъ . . . Увы! что пользы въ
ономъ,
Коль Панса грабитъ то, что Натта пощадилъ?
Не долго ты, Керипъ, спокойствіе хранилъ;
Неси скорѣй, бѣднякъ, домашніе уборы,
Весь скарбъ подъ молотокъ, пока не придутъ воры;
Продай все и молчи, а съ прозьбой не тащись;
Иль и съ послѣдними ты крохами простись.
Хотя и въ старину не болѣе щадили
Друзей, которыхъ мы мечемъ усыновили;
Но имъ сноснѣй была отеческая власть;
Въ то время было что у дѣтокъ и украсть;
Дома ихъ красились Мироновой работой,
Сіяли золотомъ еще, не позолотой;
Гдѣ кисть Парразія, гдѣ Фидія рѣзецъ
Оставили вѣкамъ въ изящномъ образецъ,
А Верресу соблазнъ; такъ! все сіе богатство
Украдкой перешло — какое святотатство! —

Безстыдна Верреса съ Антоніемъ въ суда.
Нещастнымъ симъ принесъ миръ болѣе вреда,
Чѣмъ самая война! Но что похитишь нынѣ?
Заростія поля, подобныя пустынѣ,
Съ десятокъ кобылицъ, иль пары двѣ воловъ . . .
Быть можетъ, пастуха, отеческихъ боговъ,
Быть можетъ, индѣ бюстъ — кумиръ уединенный;
Добыча бѣдная! но имъ уронъ безцѣнный,
За тѣмъ, что это ихъ послѣднее добро!
Грабитель! смѣло грабь и злато и сребро
Трусливыхъ Родіянъ, Коринѳянъ умащенныхъ —
Чего бояться ихъ, всѣхъ въ роскошь погруженныхъ?
Но пощади жнецовъ, питающихъ нашъ градъ,
Столицу праздности, позорищъ и прохладъ!
Но Галла ты не тронь, Ибернца также бойся;
И что взять въ Африкѣ? О! тамъ, не безпокойся,
Давно ужь Марій (3) былъ. Страшись, страшись привесть
Въ отчаянье людей, въ которыхъ сердце есть!
Ты можешь захватить и домы ихъ и селы;
Но вырвешь ли изъ рукъ ихъ щитъ, ихъ мечь и стрѣлы?
Булатъ, булатъ еще останется при нихъ.

Но обратимъ къ тебѣ, о Понтикусъ! нашъ стихъ.
Когда подвластные въ тебѣ увидятъ друга,
Отца и судію; когда твоя супруга
Не будетъ города и веси обтекать,
Чтобы, какъ Гарпія, нещастныхъ хлѣбъ снѣдать:
Тогда хоть Пикусовъ будь внучекъ, я согласенъ;
Пожалуй выбирай изъ повѣстей и басенъ

Любова въ прадѣды: пусть будетъ онъ Титанъ,
Хоть самый Промиѳей — почту твой родъ и санъ.
Но естьли, ослѣпясь своимъ высокимъ саномъ,
Ты будешь, не судьей, мздоимцемъ и тираномъ;
Когда ты Ликторовъ сѣкиры притупишь
И руки кровію союзныхъ обагришь —
Тогда твой знатный родъ противъ тебяжь возстанетъ,
Онъ первый на тебя проклятьемъ страшнымъ грянетъ,
И первый мерзости, ты коими покрытъ,
Какъ яркій пламенникъ, предъ міромъ озаритъ.
Преступникъ чемъ знатнѣй, тѣмъ болѣе онъ виненъ!

Смотри, какъ Дамазипъ и гнусенъ и безчиненъ:
Вдоль мѣста, гдѣ его почіетъ предковъ прахъ,
Летитъ на шестернѣ, имѣя бичь въ рукахъ!
Смотри, какъ званіемъ возницы онъ гордится!
И кто же? Консулъ самъ! Кто болѣ осрамится?
Конечно въ ночь его не сторожитъ никто;
Но мѣсяцъ съ небеси, но звѣзды видятъ то!
Увидимъ, погоди, и всѣ, коль скоро минетъ
Срокъ Консульству его; тогда онъ тогу скинетъ
И въ бѣлый день во всей предстанетъ славѣ намъ,
Возжами бья коней усталыхъ по бокамъ;
Тогда онъ станетъ самъ ходить уже за ними,
И клясться будетъ онъ богами не иными,
Какъ лишь Гипоною (4), висящей на стѣнѣ
Въ конюшнѣ у него! Онъ молодъ, скажутъ мнѣ;
„И мы вѣдь были тожь." — Я и не спорю, были!
Но съ первой бородой себя перемѣнили.

Срокъ буйства юныхъ лѣтъ быть долженъ коротокъ.
Согласенъ я и въ томъ, что слишкомъ тотъ жестокъ,
Который молодость ни въ чемъ ужь не прощаетъ;
Но Консула ль простить? Тоголь, кто посѣщаетъ
Всѣ подлыя мѣста, какія въ Римѣ есть,
Тогда, какъ молодость, порода, долгъ и честь
Зовутъ его на Рейнъ, на берега Дуная,
Въ Арменію, на Нилъ, гдѣ, лавры пожиная,
Онъ могъ бы заслужить безсмертія вѣнецъ?
О Цезарь! гдѣ найдешь вождей ты наконецъ?
Ищи, ищи ихъ впредь не въ сонмѣ отличенныхъ,
Не въ Остіи — въ мѣстахъ, разврату посвященныхъ;
Тамъ, тамъ ты ихъ найдешь въ толпѣ бродягъ, рабовъ,
Между Цибелиныхъ неистовыхъ жрецовъ,
При бубнахъ на полу простертыхъ и храпящихъ;
Всякъ первый, всякой братъ въ вертепахъ сихъ смердящихъ,
И все тамъ общее: столъ, чаша и постель;
Забыть самихъ себя, есть главная ихъ цѣль.
Когдабъ ты, Понтикусъ, узналъ, что твой служитель,
Послѣдній самый рабъ, попалъ въ сію обитель,
Скажи мнѣ, какъ бы съ нимъ за это поступилъ?
Конечно бы его на долго заключилъ
Въ Луканію, или въ Тосканскія (5) темницы!
Чтожь тѣмъ, которые безчестятъ багряницы?
О вѣкъ! что и бойцу вмѣняютъ въ срамъ и студъ,
Тѣмъ могутъ щеголять Воллезіусъ и Брутъ!

Кто родомъ былъ знатнѣй Цетега, Катилины?
Казалось, не было завиднѣй ихъ судьбины!
Какой просторный былъ имъ къ славѣ предковъ слѣдъ!
Но чтожь? Въ свирѣпости и Галловъ превзошедъ,
Они острятъ мечи и раздуваютъ пламя,
Чтобъ ночью, развернувъ мятежническо знамя,
Разрушить, сжечь дома и храмы, и весь Римъ!
Но Консулъ бодрствуетъ, преграды ставитъ имъ;
Стрежетъ ихъ всѣ шаги, согражданъ ободряетъ,
И, словомъ, не мечемъ республику спасаетъ.
Ктожь этотъ, кто отвелъ отъ насъ враждебный рокъ?
Маркъ Тулліусъ, пришлецъ Арпинской, *новичокъ* (6)!
Но Римъ его почтилъ не тѣми именами:
Онъ лавры Августа всегда кропилъ слезами,
А Туллія отцемъ отечества нарекъ.
Ктожь, Понтикусъ, теперь твой знатный человѣкъ?
По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Терсита (7),
Но съ мужествомъ, съ душой Ахилла именита!

Примѣчанія къ Ювеналовой Сатирѣ.

(1) *Что предъ Ираклозымъ взлелѣянъ олтаремъ.* Эвандръ въ честь Геркулесу воздвигнулъ храмъ, препоруча смотрѣніе надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ отъ сего Полубога.

(2) *Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду.* Египтяне обожали Озирида въ образѣ своего Аписа, или вола; когда они его находили, то всѣ кричали въ голосъ: радость! радость! нашли его!

(3) *Давно ужъ Марій былъ* и проч. Сей Марій — не тотъ, который разбилъ Тевтоновъ и Кимвровъ, — былъ Проконсуломъ въ Африкѣ. Сенатъ осудилъ его за грабительство въ ссылку; но область, имъ разоренная, никакого болѣе удовлетворенія не получила; половина изъ похищеннаго у него сокровища описана была въ казну, а другая осталась у Марія, и онъ, будучи въ ссылкѣ, жилъ еще великолѣпнѣе, нежели въ своей Губерніи.

(4) *Гипона*, богиня покровительствующая конскимъ заводамъ.

(5) *Въ Луканію, или въ Тосканскія темницы.* Это были подземелья, называвшіяся у Римлянъ ergastulae; почти каждый Римскій владѣлецъ имѣлъ въ помѣстьѣ своемъ подземелье, куда онъ, въ наказаніе, сажалъ своихъ невольниковъ.

(6) *Маркъ Туллiусъ* и проч. Цицеронъ родился въ мѣстечкѣ Арпинумъ. Римляне называли *новичками* всѣхъ тѣхъ, которые вышли въ знатность сами по себѣ, а не по предкамъ.

(7) *По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Терсити.* Это былъ безобразный и малодушный Князь, упоминаемый въ Иліадѣ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Мнѣ Лѣкарь говорилъ: Нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной! —
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ!
Смерть всякому языкъ привяжетъ!"

II.

За что Ликаста осуждаютъ,
Что вяло пишетъ онъ!
Имъ изданъ только Сонъ —
Когда же складны сны бываютъ?

III.

авидна, я сказалъ, Терситова судьбина:
инъ знатный, и что годъ, то дочь ему иль сына! —
Да! онъ не безъ друзей, отвѣтствовали мнѣ,
И при Дворѣ и при женѣ."

IV.

Я разорился отъ воровъ!
„Жалѣю о твоемъ я горѣ!“
Украли пукъ моихъ стиховъ. —
„Жалѣю я объ ворѣ!“

V.

Увы! Дамонъ кричитъ, мнѣ Нина невѣрна!
Лукавый полъ! твой даръ лишь только лицемѣрить!
Давно ли *мужемъ* мнѣ своимъ клялась она? —
И *мужемъ*? . . . можноль не повѣрить!

VI.

О Бардусъ! не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ (1);
Молвь просто: человѣкъ . . . смѣсь Бардуса съ Невтономъ.

VII.

Хорошъ бы Фока былъ, да много говоритъ;
Привыкши Турковъ бить, онъ и своихъ моритъ.

VIII.

„Онъ вралъ — теперь не вретъ.“ —
Вотъ эпитафія, когда Бурунъ умретъ.

(1) Авторъ поэмы на человѣка.

IX.

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
„Отнынѣ будетъ всѣмъ Поэтамъ моднымъ смѣна!
Всѣ Классики уже переводимы мной,
Такъ я и самъ ученымъ свѣтомъ
Достоинъ признанъ быть классическимъ Поэтомъ!"
Такъ, Бавій, такъ! стихи конечно и твои
На лекціяхъ пойдутъ въ примѣръ галиматьи.

X.

На дурныя оды, по случаю рожденія именитой Особы.

О тяжкой жизни договоръ!
О дщерь Полубоговъ! нѣтъ и тебѣ свободы!
Едва родилась ты, что твой встрѣчаетъ взоръ?
Свивальники, сиропъ и оды!!

XI.

Кто какъ ни говори, а Нина безподобна!
Прелестна — въ сторону; но какъ она умна!
Съ какимъ познаньемъ! какъ скромна!
Какъ горлинка незлобна!
Какая добра мать! какъ любитъ всѣхъ друзей! —
„И мужа?" — Ну . . . онъ сносенъ ей.

XII.

Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ —
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ,
И эпиграмму на Венеру!

XIII.

Что легче перышка? — „Вода, я отвѣчаю."
А легче и воды? — „Ну, воздухъ!" — Доброй знакъ!
А легче и его? — „Кокетка." — Точно такъ!
А легче и ее? — „Не знаю."

XIV.

Какъ! Риѳминъ живъ еще и тѣломъ и душой?
А я уже сказалъ: ему и намъ покой!

ПЛАНЪ
ТРАГЕДІИ съ ХОРАМИ.

Содержаніе.

Лапландской Князь, женихЪ Гренландскія Княжны,
ВЪ день свадьбы простудясь, горячкой умираетЪ.
Тревога, брачныя свѣчи погашены,
СтонЪ, слезы; наконецЪ любовникЪ оживаетЪ.

ПРОЛОГЪ.

(Музыкантъ, приближаясь къ кулисамъ, даетъ Актерамъ знакъ къ выходу.)

Внемли и выступи, народЪ,
Попарно свой устроя ходЪ! —
(къ Актерамъ.)
Вы помнить роль свою старайтесь!
(къ фигурантамъ)
А вы! — вы сЪ такты не сбивайтесь!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Князь и Княжна.

Княжна.

О Князь! и такъ ты мой!

Князь.

А ты моя, Княжна!
Актъ кончится, и ты со мной сопряжена!
О боги! о судьба! о щастіе! о сладость!
Народъ! пляши и пой! дѣли со мною радость!

Хоръ.

Воспляшемъ, воспоемъ, докажемъ нашу радость!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Княжна.

Ты боленъ, милый Князь.

Князь.

Ознобъ во мнѣ и жаръ!

Княжна.

Увы!

Князь.

Прости! . . . прости!

(*умираетъ*)

Княжна.

Несноснѣйшій ударъ!
Завистливая смерть! о рокъ безчеловѣчной!
Народъ! пляши и пой, въ знакъ горести сердечной!

Х о р ъ.

Воспляшемъ, воспоемъ, въ знакъ горести сердечной!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Геній спускается съ облаковъ посреди грома и молніи.)

Г е н і й.

Супругъ твой оживетъ : прерви, Царевна, стонъ!
Невинною трехъ Паркъ ошибкой умеръ онъ.
О Царь! будь паки живъ!

К н я з ь. (встаетъ)

Мои ли это ноги?
Княжну ль еще я зрю? ... О милосерды боги!

К н я ж н а.

Дражайшій Князь! пойдемъ, пойдемъ скорѣе въ храмъ!
Народъ! пляши и пой похвальну пѣснь богамъ!

Х о р ъ.

Воспляшемъ, воспоемъ похвальну пѣснь богамъ!

ТРИССОТИНЪ и ВАДІУСЪ.

Отрывокъ изъ Мольеровой Комедіи:
Les Femmes ſavantes.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ V.

Вадіусъ.

Вы истинный Поэтъ! скажу я безпристрастно.

Триссотинъ.

Вы сами риѳмы плесть умѣете прекрасно.

Вадіусъ.

Какой высокій духъ въ Поэзіи у васъ!
Я часто вашу мысль отгадываю съ часъ.

Триссотинъ.

А вашъ въ Эклогахъ стихъ какъ простъ, невиненъ, плавенъ!
И самый Теокритъ едваль вамъ будетъ равенъ.

Вадіусъ.

Ахъ, въ вашихъ Басенкахъ не меньше красоты;
Мы какъ условились срывать *одни* цвѣты.

Триссотинъ.

Но ваши *бу-риме* ... о! это верхъ искуства!

Вадіусъ.

А въ вашихъ Мѣлочахъ какой языкъ и чувства !

Триссотинъ.

Когда бъ отечество хотѣло васъ цѣнить . . .

Вадіусъ.

Когда бъ нашъ вѣкъ умѣлъ таланты ваши чтить . . .

Триссотинъ.

Конечно бъ васъ листомъ похвальнымъ наградили.

Вадіусъ.

А вамъ бы монументъ давно соорудили !

Триссотинъ.

Дождемся, можетъ быть. — Хотите ль, мой Поэтъ,
Послушать строфы двѣ ? . . .

Вадіусъ.

Прочесть ли вамъ Сонетъ
На прыщикъ Деліи ?

Триссотинъ.

Ахъ, мнѣ его читали.

Вадіусъ.

Извѣстенъ Авторъ вамъ ?

Триссотинъ.

Прозванья не сказали ;
Но видно по стихамъ, что онъ семинаристъ ;
Какія плоскости ! языкъ довольно чистъ ,
Но вкуса вовсе нѣтъ ; вы согласитесь сами.

Вадіусъ.

Однакожь онъ хвалимъ былъ всѣми знатоками.

Триссотинъ.

А я и имъ и вамъ еще сказать готовъ,
Что славный штотъ Сонетъ собранье — риѳмъ и словъ.

Вадіусъ.

Не много зависти. . . .

Триссотинъ.

Во мнѣ? Избави Боже!
Завидовать глупцамъ, и быть глупцомъ — все тоже.

Вадіусъ.

Сонетъ, сударь, хорошъ! скажу вамъ наконецъ;
А доказательство . . . я самъ его творецъ.

Триссотинъ.

Вы?

Вадіусъ.

Я.

Триссотинъ.

Не можетъ быть; по чести это чудо!
Конечно мнѣ его читали очень худо,
Иль я былъ развлеченъ. — Но кончимъ этотъ споръ;
Я вамъ прочту Рондо.

Вадіусъ.

Парнасскій, старый соръ,
Надъ коимъ лишь себя Педантамъ сродно мучить.

Триссотинъ.

Такъ слѣдственно и вамъ не можетъ онъ наскучить.

Вадіусъ.

Прошу, сударь, своихъ именъ мнѣ не давать.

Триссотинъ.

Прошу и васъ равно меня не унижать!

Вадіусъ.

Пошолъ, тащись, тугой, надутой умоборецъ!

Триссотинъ.

Пошолъ, ползи ты самъ, водяной риэмотворецъ!

Вадіусъ.

Пачкунъ!

Триссотинъ.

Вѣтошникъ!

Вадіусъ.

Враль!

Триссотинъ.

Ругатель подъ рукой!

Вадіусъ.

Когда бы не былъ трусъ, ты былъ бы самъ такой.

Триссотинъ.

Пошолъ провѣтривать лежалыя творенья!

Вадіусъ.

А ты ступай, бѣги просить у Музъ прощенья
За нестерпимый свой, проклятый переводъ,
За изувѣченье Горація . . .

Триссотинъ.

Уродъ!
А ты каковъ съ твоимъ классическимъ поэтомъ?
Стыдись предъ справщикомъ, стыдись предъ цѣлымъ свѣтомъ!

Вадіусъ.

Но ни одинъ Журналъ меня не оглашалъ,
А ты уже давно добычей критикъ сталъ.

Триссотинъ.

Я тѣмъ-то и горжусь, риѳмачь, передъ тобою;
Во всѣхъ Журналахъ ты пренебреженъ съ толпою
Вралей, которые не стоютъ и суда;
А я на вострeѣ пера ихъ завсегда,
Какъ ихъ опасный врагъ!

Вадіусъ.

Такъ будь и мой отнынѣ;
Сей часъ иду писать въ стихахъ о Триссотинѣ!

Триссотинъ.

И только ихъ прочтутъ зѣваючи друзья;
Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я,
И гряну самъ въ стихахъ!

Вадіусъ.

А мы имъ посмѣемся.

Триссотинъ.

Довольно! я молчу; на Пиндѣ разочтемся!

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

ПОСЛАНІЯ.

I.

Отъ Англійскаго Стихотворца Попа къ Доктору Арбутноту.

Иванъ! запри ты дверь, защолкни, заложи,
И кто бы ни стучалъ, отказывай! Скажи,
Что очень болѣнъ я; скажи, что умираю;
Увѣрь, что умеръ я! Какъ спрятаться, не знаю!
Откуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ?
Я вижу весь Парнассъ, весь сумасшедшихъ домъ!
И тамъ, и здѣсь они встрѣчаются толпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловятъ, всѣхъ къ себѣ и тянутъ и тащатъ,
И слушай ихъ иль нѣтъ, а оду прокричатъ!
Какой стѣной, какой древъ тѣнью защититься,
Чтобъ этотъ скучный рой не могъ ко мнѣ пробиться?
Безпрестанно онъ копышется вездѣ;
Гоняется за мной на сушѣ, по водѣ;
Заползываетъ въ гротъ, встрѣчается въ алеѣ;
Я въ церковь, онъ тудажь! и что всего мнѣ злѣе,

Гонимый голодомъ и стужей съ чердака,
Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба съѣсть куска!

То подлый стиховраль, въ которомъ, безъ рожденья
Иль смерти богача, нѣтъ силы вображенья;
То крупный господинъ, слагатель мѣлочей;
То авторъ въ чепчикѣ, то бѣдный дуралей,
Который, бывъ лишенъ чернильницы, въ замѣну
На привязи углемъ исписывалъ всю стѣну;
То молодой судья, на мѣсто чтенья правъ,
Кропающій *Экспромтъ*, до полночи не спавъ:
Всѣ, всѣ — кто, возгордясь моими похвалами,
Ктожь не доволенъ мной — дождятъ въ меня стихами!
И яжь еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ:
Артуру, для чего охоты въ дѣтяхъ нѣтъ
Къ судейству! всё стихи мои тому виною!
А Корну, для чего онъ не прельщаетъ Клою.

О ты, безъ коего не могъ бы міръ узнать,
Что станутъ на меня и за меня писать,
Спаситель дней моихъ! яви еще услугу
Ты нынѣ своему признательному другу:
Скажи, какъ съ этой мнѣ раздѣлаться чумой?
Какое зѣліе глупцовъ отгонитъ рой?
И что опаснѣй мнѣ, ихъ дружба, или злоба?
Ахъ, видно не имѣть отрады мнѣ до гроба!
Какъ другъ, боюсь ихъ одъ, какъ недругъ, клеветы:
Тамъ скука, здѣсь вражда — и всё страдаешь ты!

Но кто тамъ? — „Кодръ." — Конецъ съ моею головою!
Съ стихами, какъ съ ножемъ, стоитъ онъ надо мною.
Вообрази, мой другъ, къ чему я осужденъ!
Ты знаешь, что я лгать и льстить не сотворенъ;
Молчать мнѣ тяжело; назвать чистосердечно
Писателя въ глаза вралемъ безчеловѣчно;
А слушать вздоръ его, тотчасъ изобличусь.
Какая мука! Чтожь? Взявъ кроткой видъ, сажусь
Вздохнувши передъ нимъ, съ учтивостью зѣваю,
Въ молчаніи бѣшусь, но наконецъ бросаю
Всѣ съ авторомъ чины, и прямо говорю:
„За вашу вѣжливость ко мнѣ благодарю.
Вы съ дарованіемъ, однако . . . подержите
Тетрадку вашу съ годъ." — Что вы сказать хотите?
Вскричалъ привыкшій вѣкъ перомъ своимъ чертить,
И по охотѣ врать, и по охотѣ жить;
Привыкшій риѳмовать вседневно съ раннимъ свѣтомъ,
Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ,
Котораго мохры, не отлетая прочь,
Цѣлуютъ нѣжные Зефиры день и ночь.
Годъ цѣлый! повторилъ, такъ вамъ не полюбилась?
Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:
Возмите же ее, и что угодно вамъ,
Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ. —
„Могуль отрады ждать въ моей суровой долѣ?
Другой мнѣ говоритъ, двѣ милости, не болѣ!
Вопервыхъ, дружества — потомъ же — сто рублей!" —
А вы кто? — „Я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,

И съ просьбой отъ него: вы съ Герцогомъ въ союзѣ;
Склоните взоръ его Дамона къ бѣдной Музѣ!" —
Но вашъ почтенный другъ сто разъ меня бранилъ. —
„Ахъ, сколькожь онъ и слезъ раскаянія лилъ!
Уважьте прозьбу вы, иль гнѣвъ его опасный:
Дамонъ издателемъ Журнала: *Безпристрастный,*
И къ Курлову (1) столу бываетъ приглашенъ." —
Что за пакетище! еще ли не взбѣшенъ?
Посмотримъ: „скудныхъ силъ се плодъ новорожденный,
Трагедія! Пока отецъ ея смиренный
Во мракѣ принужденъ отъ всѣхъ себя таить,
Благоволи отцемъ сиротки этой быть!" —
Опять забота мнѣ! За правдубъ онъ озлился;
Я промолчалъ. Съ другой онъ просьбою явился:
Отдать ее играть! Я ожилъ; съ давныхъ лѣтъ
Межь скоморохами и мною связи нѣтъ;
Трагедіи отказъ. Писатель раздраженный
Кричитъ: „да гибнетъ весь актеровъ родъ презрѣнный!
А я сей часъ въ печать трагедію отдамъ,
Пусть судитъ Публика!.. Еще я съ просьбой къ вамъ:
Не льзя ли слова два сказать объ ней Линтоту?"
— Какъ, этому страмцу? И онъ свою щедроту,
Что не взялъ за печать, всѣмъ станетъ возносить! —
— „Ну, хоть поправьте же — вамъ скучно можетъ быть!
Но я — (мнѣ на ухо) — что выручу, всё съ вами!" —
Признаться, тутъ его обѣими руками

(1) Лондонской книгопродавецъ.

Я обернулъ къ дверямъ, примолвя: вотъ поклонъ
Тебѣ за твой дѣлежъ! теперь же . . . просимъ вонъ!

Мнѣ часто говорятъ: ужь быть бѣдѣ съ тобою!
Не тронь ты тѣхъ и тѣхъ, не схватывайся
съ тою! —
Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей,
Что можетъ сдѣлать онъ? — Что можетъ онъ?
лягаться!
Таковъ-то и глупецъ. — Я колокъ, можетъ статься;
Но можноль говорить о глупости слегка?
По крайней мѣрѣ мнѣ всё сноснѣй дурака.
Неустрашимый Кодръ! гдѣ есть тебѣ примѣры?
Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи и партеры!
Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свистятъ
И шляпы на тебя и яблоки летятъ.
Ни съ мѣста! ты сидишь! Честь Кодру испо-
лину!
Съ какимъ трудомъ паукъ мотаетъ паутину!
Смети ее, паукъ опять начнетъ мотать:
Равно и риѳмача не думай обращать!
Брани его, стыди, а онъ доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, всё пишетъ, пишетъ,
И гордъ своимъ тканьемъ — нѣтъ нужды, что оно,
Дохни, такъ улетитъ — враль мыслитъ: мудрено!

Но впрочемъ, гдѣжь моя вина передъ глупцами?
Лишаю ль ихъ утѣхъ моими л стихами?
Кодръ меньше ль отъ того доволенъ самъ собой?
Престалъ ли надувать Милордъ подзобокъ свой?

Разстался ли Цибберъ съ кокеткой и патрономъ,
Которому онъ льстилъ? Моръ меньше ль Франмасономъ?
Не тотъ ли же Генлей, ораторъ подлецовъ?
Не то же ль дѣйствіе Филипсовыхъ стиховъ
Надъ сердцемъ и умомъ ученаго Прелата?
А Сафо — „Боже мой! оставишь ли хоть брата?
Не страшно ли вражду навлечь такихъ людей?" —
Страшнѣе во сто разъ имѣть изъ нихъ друзей.
Дуракъ, бранивъ меня, смѣшитъ, не досаждаетъ,
А ласкою своей бѣситься принуждаетъ:
Одинъ мнѣ томъ своихъ твореній приписалъ
И болѣ ста враговъ хвалой своей ругалъ;
Другой, съ перомъ въ рукахъ, моей ставъ рыцарь славы,
Ведетъ съ Журналомъ бой; иной — какіе нравы! —
Укравъ мою тетрадь, печатать отдаетъ;
Иной же ни на часъ покоя не даетъ,
Вездѣ передо мной съ поклономъ: *подпишися!*
А многіе еще, — теперь, мой другъ, дивися,
Какъ часто съ глупостью сходна бываетъ лесть —
И безобразіе мое мнѣ ставятъ въ честь!
„Вашъ носъ Овидіевъ; вы также кривошея,
Какъ и Филипповъ сынъ, а съ глазъ . . ." — Не льзя умнѣя!
Довольно ужь, друзья! И такъ въ наслѣдство мнѣ
Лишь недостатки ихъ осталися однѣ.
Не позабудьте же, какъ слягу отъ безсилья,
Представить точно такъ лежавшаго Виргилья;
А какъ умру, сказать, что также, наконецъ,
Скончался и Гомеръ, Поэзіи отецъ.

Откуда на меня рокъ черный накачался?
Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?
О небо! сколько мной потраченныхъ чернилъ!
Но льзя ль противиться влеченію природы?
Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы,
Невиннымъ голосомъ на риѳмахъ лепеталъ.
О возрастъ щастливый, въ которомъ я сбиралъ
Цвѣты, не думавъ быть уколотъ ихъ шипами,
И удовольствія не вспоминалъ съ слезами!
Но стихотворствуя, по крайней мѣрѣ я
Не отравлялъ минутъ незлобнаго житья
Родителей моихъ. Моя младая муза,
Со добродѣтелью ища всегда союза,
Наставила меня ее лишь только пѣть,
Въ бѣдахъ и горестяхъ терпѣніе имѣть,
Питать признательность, ни чемъ незагладиму
Къ тебѣ, о нѣжный другъ! за жизнь тобой храниму.

Но скажутъ: для чего жь въ печать онъ отдаетъ?
Ахъ, съ щастіемъ моимъ кто въ слабость не впадетъ?
Вальсъ, тонкій сей знатокъ; Гренвиль, сей умъ толь нѣжный,
Сказали мнѣ: пиши, питомецъ Музъ надежный!
Тальботъ, Соммерсъ меня не презрили внимать,
И важный Артебуръ улыбкой ободрять;
Великодушной Гартъ былъ мой путеводитель;
Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель,

И Болингброкъ, сей мужъ достойный вѣчныхъ хвалъ,
Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта.
Цвѣти же, мой вѣнокъ, ты безконечны лѣта!
Я щастливъ! я къ себѣ склонялъ безсмертныхъ взглядъ;
По нимъ и мой талантъ и сердце оцѣнятъ.
Чтожь послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны:
Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,
А только находилъ утѣху рисовать
Цвѣточки, ручеекъ, журчащій средь долины;
Обидны ли кому столь милыя картины?
Однакожь и тогда Гильдонъ меня ругалъ.
Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За критику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся;
Но кто нашъ Аристархъ? Кто важные судьи,
Которыхъ трепетать должны стихи мои?
Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,
Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.
Терпѣньемъ, памятью, они богаты всемъ,
Окромѣ разума и вкуса, — между тѣмъ
И мертвымъ и живымъ судъ грозный изрекаютъ,
Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣеваютъ,
И съединеніемъ безвѣстныхъ сихъ имянъ
Съ славнѣйшими, дойдутъ до будущихъ временъ.
Такъ въ амбрѣ червяковъ мы видимъ и солому.
Но кромѣ критиковъ, уйду ли я отъ грому

Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасать?
И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною,
За то, что слишкомъ Тирсъ доволенъ самъ собою.
Хваля писателя, потребно намъ открыть
Не то, каковъ онъ есть, но чѣмъ онъ хочетъ быть.
Увядшія красы портретъ всегда несходенъ;
Ея и лобъ и глазъ, а говоритъ: негоденъ:
Одинъ карячится, надувшись дичь несетъ,
И то высокостью Поэзіи зоветъ;
Другой рисовкою быть хочетъ отличаемъ;
Иной метафорой, и вѣкъ непонимаемъ;
А этотъ, навсегда разсорясь съ стыдомъ,
До самой старости живетъ чужимъ добромъ;
Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ съ десятокъ,
И то, чтобъ показать въ талантѣ недостатокъ;
Обновы Музѣ шьетъ изъ разныхъ лоскутковъ,
Щечится, тратитъ скупъ, а всё изъ бѣдняковъ!
Скажи же, что они удачно выбираютъ:
Какой поднимутъ вопль! — Вотъ какъ пѣвцовъ ругаютъ!
Всѣ въ голосъ закричатъ; да и чего хотимъ?
И самый Аддисонъ прострѣленъ будетъ имъ. —
Пускай же мрутъ они въ безвѣстности презрѣнной!

Но естьли я скажу, что Авторъ есть почтенной:
Исполненъ разума, умѣющій равно
Какъ мыслить, такъ и жить; которому дано

Въ словахъ пріятнымъ быть, въ твореніяхъ высокимъ
И ловкость съединять съ ученіемъ глубокимъ;
Онъ къ чести щекотливъ, въ изящное влюбленъ,
Рожденъ быть счастливымъ, для славы сотворенъ,
Но думаетъ, какъ всѣ властители Эвфрата,
Что крѣпокъ скиптръ въ рукахъ удавкой только брата;
Надменъ къ соперникамъ, но въ сердцѣ къ нимъ ревнивъ;
Бранитъ съ учтивостью, коварствуетъ хваливъ;
Улыбкою грозитъ, лаская ненавидитъ;
Украдкою язвитъ, но явно не обидитъ;
Наукамъ долженъ всемъ, а гонитъ ихъ въ другомъ;
На Пиндѣ онъ Министръ, въ Виндзорѣ острякомъ;
Считаетъ критику проступкомъ уголовнымъ,
Вертитъ и властвуетъ народомъ стихословнымъ
Въ сенатикѣ своемъ, какъ другъ его *Катонъ* (1) —
Смѣетесь? — Плачьте же: сей Авторъ . . . Аддисонъ.
Ахъ, кто не пораженъ симъ жалкимъ сочетаньемъ
Столь малыя души съ столь рѣдкимъ дарованьемъ!

На что притворствовать? Я самъ самолюбивъ,
И обществу скучать стихами не лѣнивъ;
Конечно и мои различныя творенья,
Въ листахъ и мокрыя, лишь только изъ тисненья,
Гуляютъ въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ,
И пышный ихъ титулъ приклеенъ на стѣнахъ
По многимъ улицамъ; но не боюсь улики,

---

(1) *Смерть Катона*, Трагедія описываемаго здѣсь Автора.

Чтобъ, въ глупой гордости, хотѣлъ я санъ владыки
Присвоить самъ собой надъ пишущей толпой;
Чтобъ новые стихи сбиралъ по мостовой;
Они родятся, мрутъ, а я объ нихъ не знаю;
На лица Эпиграммъ нигдѣ не разпускаю,
И тайно ничего въ печать не отдаю;
Ни желчи на дѣла правительства не лью
Въ кофейныхъ, праздности народной посвященныхъ;
Ни жребья не рѣшу піэсъ новорожденныхъ,
Въ партерахъ заводя и въ ложахъ заговоръ;
И проза и стихи, и самыхъ Музъ соборъ,
Все мнѣ наскучило и все я уступаю
Отъ сердца Бардусу. — Но кстати вспоминаю:

Какъ Фебъ средь чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ двухъ холмовъ,
Дебелый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ,
И услаждается куренія ихъ паромъ;
Святилище его, украшенно Пиндаромъ
Съ отбитой головой, отверсто лишь тому,
Кто пишетъ вопреки и сердцу и уму,
И каждый враль въ него вступаетъ безъ препоны.
Отъ вкуса Бардуса тамъ всѣ берутъ законы;
И чтобы разъ хотя попасть къ его столу,
Иной по мѣсяцу поетъ ему хвалу.
Таковъ-то Бардусъ нашъ! однакожъ кто повѣритъ,
Чтобъ тотъ, который всѣ дары такъ вѣрно мѣритъ,
Такъ ловитъ, не нашелъ ихъ . . . въ Драйденѣ одномъ?
Но знатный господинъ съ ученьемъ и умомъ,

Не завтра, такъ впередъ вину свою познаетъ:
Онъ голодомъ моритъ, по царски погребаетъ.

Вельможи! славьтеся хвалами риѳмачей;
Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще тупѣй;
Любите подлость, лесть, невѣжество, Циббера,
Кричите, что ему не видано примѣра;
Пускай онъ будетъ *вашъ* любимецъ и герой,
А добрый, милый Ге пусть остается *мой*;
Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабощенья! —
О есть-ли бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ,
Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
Читать, что нравится, а видѣть, кто мнѣ милы,
На знатнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣть,
И съ знатнымъ, иногда, свиданія имѣть!
Чего мнѣ болѣ? я къ большимъ дѣламъ несроденъ,
Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ;
Читаю *Отче нашъ*, пишу, и по трудахъ
Я, слава Богу, сплю, не бредя о стихахъ,
И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю ни мало.

Не написали ль вы что новаго? бывало
Жужжатъ мнѣ: — Боже мой! какъ будто для письма
Я только и рожденъ! въ васъ право нѣтъ ума,
Ужель я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься?
Пристроить сироту, о другѣ постараться.
— „Вы были съ Свифтомъ? Онъ мнѣ встрѣтился сей часъ;
Ужь вѣрно что нибудь готовится у васъ?“ —

Божусь, что ничего, болтунъ и самъ божится:
„Не вѣрю! . . но вѣдь Попъ въ стихахъ не утаит-
ся!" —
И первый злой пасквиль, достойный быть въ огнѣ,
Чрезъ два дни мой знатокъ приписываетъ мнѣ!
Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,
Когда невинности смиренной вредоносенъ,
Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ;
Пусть грянетъ на меня не медля Божій гнѣвъ,
Коль скоро уязвлю въ словахъ или на лирѣ
Хотя одиножды честнаго мужа въ мірѣ!
Но баринъ съ рабскою и низкою душой,
Скрывающій ее подъ лентою цвѣтной;
Но злой, готовящій ковъ пагубный, но скрытной
Таланту, красотѣ невинной, беззащитной;
Но шаль, который всѣмъ тщеславяся твердитъ,
Что онъ мой Меценатъ, что я его Піитъ,
Вездѣ мои стихи читаетъ и возноситъ;
Когда же кто меня отъ зависти поноситъ,
Тогда онъ промолчитъ, чтобъ не нажить враговъ;
Который на часу и ласковъ и суровъ,
И ежели не золъ, такъ враль, всегда готовой
И тайну разболтать для вѣсточки лишь новой,
И злой давая толкъ мной выданнымъ стихамъ,
Сказать: *онъ мѣтилъ въ васъ*, придворнымъ гос
подамъ. —
Вотъ, вотъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель;
Я бичь, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.

Страшись меня, Генлей! — Какъ! этотъ часовой,
Минутный червячокъ подъ пылью золотой?

Достойналь бабочка быть въ морѣ потоплена?
Такъ раздавижъ ногой ты червяка презрѣнна,
Который, возгордясь, что ночью свѣтитъ онъ,
Вездѣ ползетъ, язвитъ и смрадомъ гонитъ вонъ,
Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ изсушаетъ;
Съ утра до вечера Генлей перелетаетъ
Отъ Пинда къ Пафосу, какъ вѣтреный Зефиръ:
Но хладенъ близь красотъ, но глухъ къ согласью лиръ.
Такъ выученный песъ предъ дичію вертится,
Теребитъ, но вонзить зубовъ въ нее боится.
Вглядись въ него: я бьюсь съ тобою объ закладъ,
Какого рода онъ, не скажешь мнѣ въ попадъ!
Мущина, женщиналь? не то, и не другое,
Едваль и человѣкъ, а такъ . . . что-то живое,
Которое всегда клевещетъ иль поетъ,
Иль свищетъ, иль хулу и на Творца несетъ;
Премѣнчивая тварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
То философствуетъ, то мечетъ Эпиграммы,
Предъ женщинами враль, предъ Государемъ льстецъ,
Сердечкинъ и нахалъ, и пышенъ и подлецъ.
Таковъ прекрасныя былъ Еввы искуситель,
Невинности ея и рая погубитель:
Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй,
Но даже и красой онъ ужасалъ своей;
Для видовъ гордости привѣтливымъ казался,
И для тщеславія смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,

И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
Поэтъ. Онъ ни за что не будетъ другъ разврата,
Всегда великъ душой и мыслями высокъ,
Ласкать самимъ Царямъ считаетъ за порокъ;
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ;
Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну,
На мщенье критики, на злость вредомъ обильну,
На промахъ иногда коварства и хулы,
На ложную пріязнь и глупыя хвалы:
Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
И глупости другихъ на счетъ его относятъ;
Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не знавъ,
Въ эстампѣ видъ его, иль въ сочиненьѣ нравъ,
И естьли не стихи, порочитъ ихъ уроки;
Пускай не престаютъ сплетать хулы жестоки
На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
И самаго Царя, шишикалы придворны
И толки злыхъ объ немъ и небылицы вздорны;
Пусть ввѣкъ томятъ его въ плачевнѣйшей судьбѣ —
О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ:
Онъ страждетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ.
— Но знатный мной бранимъ, но бѣдный презираемъ! —
Да! подлый человѣкъ, ктобъ ни былъ онъ такой,
Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ мной:
Копейку ль онъ укралъ, иль близко миліона,
Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,

Подъ миртою ли онъ, иль просто въ клабукѣ;
За краснымъ ли сукномъ сидитъ, или въ шинкѣ;
На колесницѣ ли торжественной гордится,
Иль по икру въ грязи по мостовой тащится,
Предъ трономъ, иль съ доской на площади стоитъ.

Однакожь, этотъ бичь, который всѣхъ страшитъ,
Готовъ на самаго Денниса въ томъ сослаться,
Что право онъ не столь ужасенъ. Можетъ статься
Признался бъ и Деннисъ, когда бы совѣсть зналъ,
Что даже и враля онъ бѣдность облегчалъ.
Кричатъ: Попъ мстителенъ, Попъ въ гордости примѣромъ;
А онъ столь гордъ, что пилъ съ Тибальдомъ и Цибберомъ!
А онъ столь мстителенъ, что и за цѣлый томъ
Ругательствъ, на него написанныхъ попомъ,
Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
Въ угодность милой, *шалъ* бранитъ его всечасно,
А онъ въ отмщеніе желаетъ всей душой,
Чтобъ эта милая была его женой.
Но пусть Попъ виноватъ, и стоитъ осужденья;
Зачто жь бранить его виновниковъ рожденья?
Кто смѣлъ обидчикомъ отца его назвать?
Злословилаль объ комъ его смиренна мать?
Не троньте жь, подлецы, вы родъ его почтенной;
Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
Воздастся должная, правдивая хвала
За добрые стихи и добрыя дѣла.

Родители его другъ съ другомъ были сходны:
И родомъ и душой не меньше благородны;
А предки ихъ, любовь къ Отечеству храня,
Отваживали жизнь средь браннаго огня.
— Но что достатокъ ихъ? — Не мздой пріобрѣтенный,
Законный: сей отецъ, мной вѣчно незабвенный,
Наслѣдникъ безъ обидъ, безъ спеси дворянинъ,
Супругъ безъ ревности, и мирный гражданинъ,
Шелъ тихо по пути незлобиваго вѣка;
Онъ въ судъ ни одного не позвалъ человѣка,
И клятвой ложныхъ правъ нигдѣ не утверждалъ;
Онъ много о своихъ познаньяхъ не мечталъ;
Витійство все его въ томъ только состояло,
Что сердце завсегда словами управляло.
Учтивъ по добротѣ, отъ опытовъ ученъ,
Здоровъ отъ трезвости, трудами укрѣпленъ;
Онъ знакомъ старости имѣлъ однѣ сѣдины;
Отецъ мой долго ждалъ часа своей кончины;
Но скоро, не томясь, духъ Богу возвратилъ,
Какъ будто сладкимъ сномъ при вечерѣ почилъ.
Создатель! дай его признательному сыну
Подобно житіе, подобную кончину,
То въ зависть приведетъ и Царскихъ онъ дѣтей.

Довольствуйся, мой другъ, безпечностью своей;
А мнѣ, лишенному спокойства невозвратно,
Мнѣ съ меланхоліей бесѣдовать пріятно.
О! естьли бы могла сыновняя любовь
Хотя у матери согрѣть остылу кровь,

Прибавить жизни ей, и на краю могилы
Поддерживать ея скудѣющія силы,
Покоить, утѣшать до смертнаго часа,
И отдалить ея полетъ на небеса!

II.

КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ,

по случаю кончины первой супруги его.

Державинъ! тыль сосудъ, печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И твой ли гласъ зоветъ безцѣнную Плѣниру?
Зоветъ ее, и вдругъ пускаетъ вопль и стонъ?
О участь горькая! о тягостный уронъ!
Разстался ты съ своей возлюбленною вѣчно!
Прости, сказалъ ей въ слѣдъ, веселіе сердечно!
Рыдай, пѣвецъ, рыдай! тебя ли утѣшать?
Ахъ! нѣтъ, я самъ съ тобой душей хочу стенать.

Достойна вѣчныхъ слезъ столь милая супруга:
Три люстра видѣлъ ты вѣрнѣйшаго въ ней друга,
Три люстра ты ея прельщался красотой,
Умомъ и чувствами и Ангельской душой.
Сколь часто, бывъ ея дѣяніямъ свидѣтель,
Въ восторгѣ, мыслилъ я: „краса и добродѣтель!
Ахъ! естьли бы всегда встрѣчались вмѣстѣ намъ!"
Сколь часто заставалъ сиротку и вдовицу,
Лобзавшихъ щедрую Плѣнирину десницу!
Сколь часто, въ тишинѣ, по зимнимъ вечерамъ,

Пріятною ея бесѣдой научался,
Дышалъ невинностью, и лучшимъ возвращался —
Довольнѣй и добрѣй — въ смиренный домикъ мой!
Бывало, ясною сопутствуемъ луной,
И въ мысляхъ проходя всѣ наши разговоры,
Къ жилищу твоему еще стремилъ я взоры,
Стремилъ, и съ чувствіемъ сердечнымъ восклицалъ:
Блаженъ ты, добрый мужъ! ты ангела снискалъ!
И гдѣ жь сей ангелъ днесь? и гдѣ твое блаженство?
Увы! все въ мірѣ семъ мечта, несовершенство!
Твой ангелъ къ своему началу воспарилъ,
И рокъ печаль и плачь въ храмъ счастья поселилъ!
Теперь ты во своихъ чертогахъ какъ въ пустынѣ,
И въ людствѣ сирота! ужь не съ кѣмъ наединѣ
И скуку и печаль и радость раздѣлить;
Къ кому сердечныя въ грудь таинства пролить?
Кто отягченный умъ заботами, трудами,
Утѣшитъ, облегчитъ нѣжнѣйшими словами?
Кто первый поспѣшитъ дать искренній совѣтъ?
Кто первый по тебѣ отъ сердца воздохнетъ?
Кто первый ободритъ безсмертной лиры звуки,
И прежде всѣхъ простретъ тебѣ, встрѣчая, руки?
Къ кому теперь, къ кому въ обьятія летѣть?
Что дѣлать, что начать?.. Крушиться и терпѣть!
Конечно такъ судьбы премочны предписали,
Чтобъ счастье и напасть позналъ ты, сынъ печали!
Но воззримъ къ Вышнему — Кто маніемъ очесъ
Волнуетъ океанъ, колеблетъ сводъ небесъ,
И солнцы и міры творитъ и разрушаетъ:
Тотъ страждущихъ цѣлитъ, упадшихъ поднимаетъ.

III.

КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней новыхъ
Отъ Музы моея; ни Фавны рощь дубовыхъ,
Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
Ни боги свѣтлыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ,
Не слышали еще имъ незнакомой лиры.
Подъ мракомъ грозныхъ тучь играютъ ли Зефиры?
Поетъ ли зяблица, какъ бури заревутъ
И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвутъ?
До пѣсней ли и мнѣ подъ гнетомъ рока злова?
Еще дымится пеплъ отеческаго крова,
Еще смущенна мысль все бродитъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Недавно гдѣ землѣ на вѣки преданъ прахъ,
Прахъ старца (1), для меня толико драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждать отъ сердца огорченна?
Печальныхъ — но почто мнѣ Граціямъ скучать,

(1) Авторъ лишился тогда роднаго своего дяди П. А. Б.

Когда твой нѣжный гласъ ихъ будетъ услаждать
Пускай они твое посланіе (2) читаютъ
И розовой вѣнокъ любимцу соплетаютъ;
Пускай Херасковъ, мужъ отъ дѣтства чтимый мной
То въ міръ фантазіи путь кажетъ за собой,
То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
То на цвѣтущій брегъ Пенея провождаетъ,
И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтя, —
Манитъ на лирный гласъ крылатое дитя,
И съ кротостью влечетъ — нѣжнѣйшихъ чувствъ владѣтель —
Любить поэзію, себя и добродѣтель.
Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приводитъ духъ;
Пускай младый Герой, къ нему склоняя слухъ,
Пылаетъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взглядомъ
Копья, чтобы летѣть потрясть землей и адомъ.

Притворства и въ стихахъ казать я не хочу:
Поется мнѣ, пою; невесело, молчу
И слушаю другихъ; иль взявши посохъ въ руку,
Въ поляхъ и по горамъ разсѣиваю скуку;
Разнообразности Природы тамъ дивлюсь,
И сколки слабые съ нее снимать учусь.
Какъ Волжанинъ, люблю близь водъ искать прохлады;
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады;
Люблю и озера спокойный, гладкой видъ,
Когда его стекло вечерній лучь златитъ;

(2) Посланіе къ женщинамъ.

А временемъ идя — куда, и самъ не зная —
Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
Подъ сводомъ зелени, вдругъ на свѣтъ выхожу
И новую для глазъ картину нахожу:
Открытыя поля подъ золотою нивой!
Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!
Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
Кто жнетъ, кто вяжетъ снопъ, кто подбираетъ класы;
А дѣти между тѣмъ, Амуры свѣтловласы,
Украдкой по снопу играючи берутъ,
Крехтятъ подъ ношею, другъ друга ею прутъ,
Валяются, встаютъ, и усмотря цвѣточикъ,
Всѣ врознь къ нему летятъ, какъ Майской вѣтерочикъ.

Ахъ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ летѣть!
Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть;
Уже я съ каждымъ днемъ чего-нибудь лишаюсь.
Иду подъ тѣнь кустовъ: ступлю и возвращаюсь
Съ поникшей головой: тамъ нѣтъ ужь соловья!
Сего дня у пруда остановился я:
И ласточки надъ нимъ кружилися, вилися,
И сѣры облака по небесамъ неслися.
Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Эолъ
Помчится на крылахъ шумящихъ съ горъ на долъ,

Завоетъ, закрутитъ, кусты къ землѣ приклонитъ
Свинцовые валы на озеро нагонитъ,
Въ пещерахъ заревет и засвиститъ въ дуплахъ
И съ воздухомъ смѣситъ и листвія и прахъ;
День, два, и можетъ быть цвѣточка не застану
День, два, и можетъ быть . . . какъ знать? . .
и самъ увяну!

IV.

КЪ ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ.

Что можетъ болѣе порадовать пѣвца,
Какъ въ лестный даръ принять отъ сына
Почтенный ликъ его безсмертнаго отца!
Мнѣ не позволила судьбина
Быть подвиговъ его пѣвцомъ;
Въ то время, какъ металъ онъ молнію и громъ,
Я бѣдный ратникъ былъ, не болѣ,
И видѣлъ не Парнассъ, но ратное лишь поле;
И только пѣнію Петрова соплескалъ,
Который звучною трубою
Сквозь мрачны вѣки путь Герою
Въ храмъ славы отверзалъ;
Но могъ либъ я и днесь быть чести сей достоинъ?
Довольно и того мнѣ жребія въ удѣлъ,
Что рядовый на Пиндѣ воинъ,
Давно желанный ликъ Героя пріобрѣлъ.
Украшу имъ свою смиренную обитель,
И глядя на него, я въ мысляхъ буду зритель

Поверженныхъ градовъ Россіи ко стопамъ,
Дрожащихъ Агарянъ, окованныхъ Сарматовъ
И гибели по всѣмъ мѣстамъ
Надмѣнныхъ супостатовъ;
А естьли отъ такой картины утомлюсь,
Тогда я къ сыну обращусь,
И тотчасъ грустну мысль разсѣетъ лучь спокойства:
Забуду въ мигъ слѣды печальные геройства,
И сладостной плѣненъ мечтой,
Увижу въ райскомъ восхищеньѣ
Всеобще дружество, любезность, просвѣщенье,
Весь міръ одной семьей, и всюду вѣкъ златой.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

V.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ,

по случаю перваго съ ними свиданія после моей отставки.

ВЪ Москвѣль я, наконецЪ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхЪ чувствЪ смѣшенье!
И такЪ еще имѣлЪ я вЪ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонЪ подЪ кровомЪ, гдѣ родился,
И быть вЪ обЪятіяхЪ родителей моихЪ;
Не сонЪ ли былЪ и то? ... Увидѣл и простился,
И можетЪ быть уже вЪ послѣдній видѣлЪ ихЪ!
Но полно, этотЪ день не помрачимЪ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разЪ поцѣловать!
Прочь посохЪ! не хочу васЪ болѣ покидать,
И вотЪ моя рука, что буду вашЪ отнынѣ.

Сколь часто я вЪ шуму веселій воздыхалЪ,
И вздохи бѣднаго терялись какЪ вЪ пустынѣ,
И тайной грусти вЪ немЪ никто не замѣчалЪ!

Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ совѣтъ подать полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то все позабываетъ —
Довольно, другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.

Но буду ль я, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ,
Ужь въ мысляхъ нѣтъ игры, изчезла прежня живость!
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе? — Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я,
Что сердце приношу чувствительно, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвлечетъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...
И самая любовь на вѣки отлетѣла!
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ (1), гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и поднесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,

(1) Древніе представляли Дружбу въ образѣ женщины, держащей на ладони сердце.

На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я . . . хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужь веселъ! можетъ статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ;
О естьлибъ воспылалъ во мнѣ Пермесскій жаръ!
Съ какою бъ радостью схватилъ мою я лиру,
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится,
И мой послѣдній взоръ . . . на друга устремится.

НАДПИСИ.

1.

Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова.

Съ цвѣтущей младости до серебреныхъ власовъ
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ;
Таланту каждому покровъ,
Почтенъ, доступенъ и любезенъ.

2.

Князя Италійскаго.

Суворова здѣсь ликъ Искуство начертало,
Да вѣдаютъ его грядущи времена:
Едина царства имъ не стало (1),
А тремъ корона отдана.

3.

Къ его же портрету.

Се Россъ, Агарянъ бичь, Сарматовъ покоритель,
Защитникъ Австріи, Италіи спаситель.

(1) Польша.

4.

Къ бронзовой статуѣ Фельдмаршала Графа Румянцова - Задунайскаго, поставленной Графомъ Завадовскимъ въ его деревнѣ.

Почтенный ликъ! когдабъ ты былъ изображенъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
Гдѣ гордый Музульманъ растерзанъ, низложенъ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ тонула;
Тогда бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
Румянцовъ славный Вождь! — и мимо бы протекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
Здѣсь не Герой въ тебѣ блистаетъ,
Прославившій себя единою войной,
Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благотворный Геній!

5.

Къ памятнику мореходца Шелехова.

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины:
Россъ Шелеховъ, безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ,
Пустился въ новый свѣтъ чрезъ бурныя пучины,
И три народа (1) Ей, и Богу покорилъ.

---

(1) Ахмохметы, Коряки, Афогнаки, которыхъ большая часть обращена въ Христіянскую вѣру.

6.

Къ портрету древняго Рускаго Историка Нестора.

Постигнувъ съ юныхъ лѣтъ тщету и скоротечность,
Сей инокъ житіе пустынное избралъ,
И, кроясь отъ живыхъ, онъ взоромъ обнималъ
Минувшее и вѣчность.

7.

Михайла Матвѣевича Хераскова.

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

8.

Гавріила Романовича Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ;
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для тѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Честь, правда и языкъ боговъ?

9.

*Н ** А ** Бекетову.*

Воспитанникъ любви и счастія богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ какъ Стойкъ жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

НАДГРОБІЯ.

I.

Петру Дмитріевичу Еранкину, бывшему Московскому Градоначальнику.

Здѣсь добрый Еранкинъ, свершивъ свой жизни кругъ,
На время опочилъ, какъ солнце лучезарно;
Быть можетъ, нѣкогда потомство благодарно
Воздвигнетъ обелискъ во мзду его заслугъ;
Быть можетъ! ... между тѣмъ смиренный Музъ любитель
Приноситъ въ дань ему, что въ силахъ: только стихъ;
Москва! онъ говоритъ, се твой вторый спаситель! (1)
Москва! Римъ древній живъ . . . въ герояхъ лишь своихъ.

---

(1) Надѣюсь, что всѣмъ читателямъ моимъ памятенъ патріотическій подвигъ его, при случаѣ возмущенія Московской черни въ 1771 году.

II.

Не дрогнетъ начертать на камнѣ семъ рѣзецъ:
Здѣсь прахъ смиренныя жены, отшедшей къ Богу;
Свѣтъ суетный объ ней забудетъ наконецъ,
Но бѣдный и сюда откроетъ къ ней дорогу,
И теплую слезу въ уплату принесетъ:
Плоть гибнетъ, но добро изъ рода въ родъ живетъ.

III.

Матери и сыну.

Здѣсь мать двухъ близнецовъ почила въ цвѣтѣ дней;
Одинъ на часть отцу, другой оставленъ ей.

IV.

Когда и дружество струило слезъ потоки,
На мраморѣ сіи начертывая строки;
Чтожь должны чувствовать, увы! отецъ и мать?..
О Небо! и дѣтей ужасно намъ желать!

V.

В — И — С.

Быть можетъ, мудреца сей памятникъ не тро-
нетъ,
Но другъ къ нему простретъ умильный, слезный
взглядъ,

Но добрый, нѣжный сынъ всегда надъ нимъ воз-
стонетъ,
И бѣдный . . . вспомнитъ часъ отрадъ.

VI.

И. Ѳ. Богдановичу, Автору Душеньки.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичь спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

VII.

Е м у ж е.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранитъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

VIII.

Е м у ж е.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, отягченъ тоскою:
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

IX.

Ѳ— М— Д.

Любезнаго и прахъ останетсяль безвѣстнымъ?
Дубянскаго былъ даръ: гармоніей прельщать;
Страсть: дружба и любовь; законъ: быть добрымъ, честнымъ;
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ (1) окончать.

X.

В— Г— В.

Здѣсь тихая могила
Прахъ юноши взяла;
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

---

(1) Онъ утонулъ въ Невѣ.

СТИХИ

на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова.

Къ Прасковьѣ Ивановнѣ Мятлевой.

Стени, дочь нѣжная, надъ урною отца!
Я самъ въ смущеніи забылъ талантъ пѣвца:
Не въ силахъ пѣть Вождя героевъ,
Достигшаго сѣдинъ подъ лаврами средь боёвъ;
Но доброму отцу, но другу лишь людей
Вздохъ сердца посвящаю,
И окомъ полнымъ слезъ со брега жизни сей
Тѣнь милую для насъ въ міръ лучшій провождаю.

СОДЕРЖАНІЕ

Первой Части.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМѢСЬ.

Сатиры

Посланія.

Надписи.

ПОГРѢШНОСТИ

въ первой Части:

Стран.	Стр. Вмѣсто:		Поставить:
1.	3.	qu'il à chéri.	qu'il a chéris.
9.	17.	Русскихъ	Рускихъ
11.	29.	вѣрѣ.	вѣрѣ,
12.	22.	Что рекъ въ усердіи моемъ!	Что рекъ въ усердіи моемъ?
15.	26.	Въ сѣдинахъ, бодръ	Въ сѣдинахъ бодръ
18.	16.	и въ сердцахъ;	и въ сердцахъ?
21.	19.	Сайгака	сайгака
22.	30.	Белтъ	Бельтъ
23.	9.	Эфрата	Евфрата
32.	1.	надмѣнны	надменны
44.	10.	Фракіи	Ѳракіи
—	18.	заботы	заботы,
49.	2.	истинны	истины
—	10.	по всей земли	по всей землѣ
57.	26.	мѣли	мели
59.	13.	вѣтхіе	ветхіе
60.	11.	надмѣнный!	надменный!
—	12.	наше	наше
—	29.	Камериномъ.	Кимериномъ.

Стран.	Стр.	*Вмѣсто:*	*Поставить:*
61.	13.	Ефратъ - - -	Евфратъ
—	17.	чемъ - - - - -	чѣмъ
—	29.	Гирпинова - - -	Гарпинова
62.	14.	истинну - - -	истину
63.	20.	съ прозьбой - -	съ просьбой
64.	2.	нещастнымъ - -	несчастнымъ
65.	4.	Ты будешь, не судьей, - - -	Ты будешь не судьей,
—	13.	чемъ - - - - -	чѣмъ
67.	10.	И, словомъ, - -	И словомъ,
79.	2.	не унижать.! -	не унижать!
—	10.	Вѣтошникъ! -	Ветошникъ!
82.	24.	зѣліе - - - - -	зеліе
84.	5.	прозьбу - - -	просьбу
87.	17.	ни чемъ - - -	ни чѣмъ
—	27.	Артебуръ - - -	Аттербуръ
88.	22.	всемъ, - - - -	всѣмъ,
90.	6.	Эвфрата - - -	Евфрата
—	14.	всемъ, - - - -	всѣмъ,
91.	5.	Эпиграммъ - -	эпиграммъ
93.	14.	скрышной - - -	скрытной
94.	19.	Эпиграммы, - -	эпиграммы,
96.	1.	Подъ миртою -	Подъ миртою
102.	21.	разсѣиваю - - -	разсѣеваю
106.	4.	надмѣнныхъ - -	надменныхъ

СОЧИНЕНІЯ

ДМИТРІЕВА.

Il veut le ſouvenir de ceux qu'il à chéri.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе третіе.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1810.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

С М Ѣ С Ь.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ.

Пускай кто многими землями обладаетъ,
Въ день копитъ золото, а въ ночь недосыпаетъ,
Страшася и во снѣ военныя трубы:
Тибуллъ унизился бъ, желавъ его судьбы;
Тибуллъ въ убожествѣ, не знатенъ . . . . но до-
волен ъ,
Когда онъ въ хижинкѣ своей, спокоенъ, воленъ,
Живетъ съ надеждою, съ любовію, въ троемъ,
И полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу, и дѣлаю; то въ скромномъ огородѣ
Душисты рву цвѣты и гимнъ пою Природѣ;
То тропки по снуру прямыя провожу,
То за прививками младыхъ деревъ хожу,

То гряды, не стыдясь, самъ заступомъ копаю;
А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю;
Иль весело бѣгу, съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ.

Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные
Всегодно приношу на олтари святые:
Палесѣ жертвую домашнимъ молокомъ,
Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ тобой всегда, Церера златовласа,
Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа.
О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекрасныхъ вамъ тельцовъ, тогда . . . богатъ я былъ!
А нынѣ и овна считаю важнымъ даромъ.
Но я и въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ;
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
Просящей отъ Небесъ вина, иль жатвы зрѣлой!
Услышьте, боги, нашъ сердечный, кроткій гласъ,
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный,
Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шумитъ:

Я слушаю его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Мессалѣ льстятъ оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай, подъ лаврами на гордомъ онъ конѣ,
Съ полками плѣнниковъ, при плескахъ въ Римъ вступаетъ
И славы своея лучами поражаетъ;
А я . . . пускай отъ всѣхъ останусь забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ;
Но Деліи вовѣкъ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза былабъ мнѣ тяжкой мукой.
Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ;
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ тобою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ
И ночи на сырой землѣ препровождать.
Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать
Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?
О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою;
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и наградъ!

Но все пройдетъ . . . увы! и Деліи не станетъ!
Быть можетъ . . . . нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ,
Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;

Еще, готовяся на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой сожметъ твою онъ руку,
Вздохнетъ . . . и на твоей груди испуститъ духъ.
О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца.

Изчезни грустна мысль! что будетъ, не минуетъ:
Почтожъ душа моя до времени тоскуетъ?
Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ;
Еще я крѣпокъ, здравъ, по благости боговъ;
Не унывай, Тибуллъ, и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами,
И посвяти любви сей быстрый жизни часъ,
Въ который жаркій споръ утѣхою для насъ
И смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства,
Отважность и любовь, то молодости свойства.
Начальствую ль, какъ вождь, иль самъ я предводимъ,
Равно я въ сей войнѣ великъ, неутомимъ;
Сверни же предо мной знамена, Марсъ кровавой!
И не прельщай меня безсмертной въ мірѣ славой;
Готовъ трофеи ты съ увѣчьемъ для другихъ:
Предъ ними всѣ вѣнцы! я счастливъ и безъ нихъ;
Богатства не хочу, а нужное имѣю,
И что всего милѣй — я Деліей владѣю!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

СЧЕТЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самомъ полѣ,
Подъ тѣнью этихъ липъ, ты слово мнѣ дала
Сто поцѣлуевъ дать; но только сто, не болѣ.
Ахъ, Лиза! видно ты ввѣкъ страстной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму — всё будетъ мало
Для сердца, что къ тебѣ любовью воспылало!
Послушай, Лизанька: который изъ боговъ
На расточеніе былъ скупъ своихъ даровъ?
Благотворить, не знавъ предѣловъ, вотъ ихъ мѣра!
Считала ли Церера
Всѣ класы, коими она
Чело Природы украшаетъ,
Когда ее обогащаетъ?
И Флора милая, съ которой ты сходна
Пріятностью, красою,
Не щедроюль, скажи, рукою
Кидаетъ на землю душистые цвѣты?
Иль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефира ты:
Онъ вѣчно росписи не знаетъ
Всѣмъ розамъ, кои здѣсь въ кусточкахъ лобызаетъ.
По каплѣль падаетъ небесная вода
Для освѣженія полей, луговъ отъ зною?
Не правда ли, что иногда
Юпитеръ льетъ ее рѣкою?

Жалѣлаль для цвѣтовъ своихъ Аврора слезъ?
Нѣтъ! міръ свидѣтель въ томъ, что жители небесъ
И худо и добро, все сыплютъ къ намъ безъ мѣры.
А ты, совмѣстница Венеры,
Которой сынъ ея вручилъ такую власть,
Что взглядомъ можешь въ насъ рождать безсмертну страсть,
Ты, Лиза, ты теперь . . . ахъ! можетъ ли то статься?
Ты хочешь хладной быть и съ богомъ симъ считаться!
Жестокая! скажи, считалъ ли я хоть разъ,
Сколь много пролилъ слезъ отчаянья изъ глазъ;
Сколь часто, посреди восторговъ и желаній,
Я сердце надрывалъ отъ вздоховъ и стенаній?
Сочти всѣ горести, стѣснявшія мнѣ грудь,
И послѣ ты сама судьею нашимъ будь.
Но, нѣтъ! смѣшаемъ все, и радости и муки;
Пади, Любезная, пади въ мои ты руки!
Позволь, чтобъ я тебя безъ счета цѣловалъ
За столько, столько слезъ . . . которыхъ не считалъ.

ПРИЗНАНІЕ.

Темира! виноватъ; ты точно отгадала.
Прости! всё лгалъ передъ тобой;
Любовь моя къ другой,
А не къ тебѣ пылала;
Другою день отъ дня,
Часъ отъ часу прельщался болѣ;
Другой по всѣмъ мѣстамъ искалъ я по неволѣ,
Жестокости ея кляня.
Равно и въ пѣсняхъ нѣтъ ни слова,
Которое бы я отъ сердца написалъ:
„*Прелестная! мой богъ! жестокая! сурова!*"
Всемъ этимъ я тебя для риѳмы называлъ.
Такъ точно; я вздыхалъ, лилъ слезы предъ тобою,
А въ сердцѣ занятъ былъ тогда совсѣмъ другою.
Да что въ тебѣ и есть? Согласенъ . . . . милый взглядъ . . . .
Отмѣнной бѣлизны зубовъ прекрасныхъ рядъ . . .
Густые волосы — какихъ конечно мало:
Для трехъ бы Грацій ихъ достало;
Двѣ ямки на щекахъ, вмѣстилище заразъ;
Любезность, умъ — и всё тутъ было —
Пустое, чтобъ кому изъ насъ
Все это голову вскружило!

СИЛА ЛЮБВИ.

Кто въ страсти не ревнивъ? И можно ли дивиться,
Что сердце, плѣнное тобой, всего страшится,
И думаетъ, что ты, душа души моей,
Не меньше, какъ и мнѣ, мила Природѣ всей?
Такъ! все въ Природѣ духъ мой ревностью смущаетъ:
И солнце, кажется, ярчѣй къ тебѣ пылаетъ;
Нѣжнѣе, чѣмъ другихъ, и рѣзвый вѣтерокъ
Касается тебя сквозь флеровой платокъ;
И даже воздухъ тотъ — пускай всю слабость знаешь —
Который ты съ своимъ дыханіемъ мѣшаешь,
И воздухъ, словомъ — все, мнѣ кажется, со мной
Прельщается тобой!

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ;
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой — огородъ;
Скипетръ — посохъ; а Лизета
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

II.

О любезный! о мой милой!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу далъ.

Прочь печали и напасти!
Прочь заботы! — васъ ужь нѣтъ.
Покоряся нѣжной страсти,
Я гляжу на новый свѣтъ.

Всё въ немъ лучше, веселѣе,
Всё объ миломъ говоритъ:
Даже солнышко свѣтлѣе
Для меня теперь горитъ;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше отъ тебя:
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И пріятнѣе пою:
Все мнѣ рай и всемъ питаю
Страсть, любовь къ тебѣ мою,

Страсть, на вѣки воспаленну —
Что скажу я наконецъ? . . .
Ты украсилъ всю вселенну,
Ты мой ангелъ, мой творецъ!

III.

Други! время скоротечно,
И не видишь, какъ летитъ!
Молодыми быть не вѣчно;
Старость въ мигъ насъ посѣтитъ.
Что же дѣлать? такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть аракъ ума убавитъ
Между насъ у остряковъ!
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, какъ уныла
Вся Природа на земли:
Осень рощи обнажила,
Ахъ! и розы отцвѣли.
Какъ же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ аракомъ пить.

О аракъ, аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ;
Ты согрѣлъ, какъ Май прелестный,
Щеки розами покрылъ.
Чемъ же намъ тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

IV.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь.
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

Други! матери - Природы
Слышите ль пріятный гласъ?
Составляйте жь хороводы,
Пойте, вашъ доколѣ часъ.

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ;
Пролетя, не придутъ вновь!
Дайте руку играмъ, смѣхамъ,
Призовите и любовь.

А пѣвца, который съ вами
Ужь рѣзвиться устарѣлъ,
Увѣнчайте хоть цвѣтами,
Чтобъ еще онъ вамъ пропѣлъ.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

V.

Безъ друга и безъ милой
Брожу я по лугамъ;
Брожу съ душой унылой
Одинъ по берегамъ.
Тамъ тѣ же всё встрѣчаю
Кусточки и цвѣтки;
Но, ахъ! не облегчаю
Ни чемъ моей тоски!

Срываю я цвѣточикъ,
И въ мысляхъ говорю:
Кому сплести вѣночикъ?
Кого имъ подарю?
Со вздохомъ тутъ катится
Изъ сердца слезный токъ,
И изъ руки валится
Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена счастливы,
Бывало, въ жаркой день,
Развѣсистыя ивы!
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.
Пошлете ль днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Всё, всё постыло въ мірѣ!
И персты ужь мои
Не движутся на лирѣ,
Лишь слезъ текутъ струи. —
Престань же пѣть, несчастный!
И лиру ты разбей;
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей.

VI.

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
Я разстаться долженъ съ милой
На зарѣ, къ моимъ слезамъ . . . .
О луна! твой свѣтъ унылой
Краше солнышка былъ намъ!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
Знать и сонная мечтала
О любови ты своей:
Ты къ утѣхамъ рано встала,
А я къ горести моей!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
О когда бъ и ты имѣла
Участь равную со мной:
Тыбъ молчала и не пѣла,
И встрѣчала день съ тоской.

VII.

Бѣдно сердце! какъ рѣшиться:
Забывать, или любить?
Но любя ее, крушиться,
Безъ отрады слезы лить,
Вѣчно мучиться, томиться! . . .
Даромъ, даромъ, говоришь,
И любить ее велишь.

Ахъ! люблю ее, пылаю!
Разумъ, душу, милый взглядъ,
Всё въ ней, всё я обожаю —
Но къ себѣ я вижу хладъ! . . .
Полно, полно . . . . забываю!
Разумъ! ты меня крѣпишь,
И забыть ее велишь.

Позабуду! — Но доколѣ? —
Ахъ! пока не встрѣчусь съ ней;
Я опять тогда въ неволѣ
Милыхъ мнѣ ея цѣпей.
Грустно, грустно быть въ сей долѣ!
Грустно! сердце, ты твердишь,
А любить ее велишь.

VIII.

Ахъ, когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полунощныя звѣзды!
Не лилабъ отъ всѣхъ украдкой
Золотова я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленiю удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылошки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него;

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила . . .
Научите не любить.

IX.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! (1) припѣвай.

Милъ, любезенъ василёчикъ:
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ;
Солнце зайдетъ, и цвѣточикъ,
Ахъ! увянетъ, опадетъ!

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припѣвай.

Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припѣвай.

Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ни чѣмъ не наслаждался;
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

---

(1) Извѣстный припѣвъ одной изъ Цыганскихъ пѣсенъ.

X.

Куда мнѣ, сердце страстно,
Куда съ тобой бѣжать?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняютъ,
Что я всегда унылъ:
Увы! они не знаютъ,
Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ
И я рѣзвясь игралъ;
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ!

О грустно вспоминанье!
Не медлимъ ни часа,
Пойдемъ сокрыть стенанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Никто не укоритъ;
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать;
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

XI.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Всё вздыхаешь! а бывало
Ты поешь какъ соловей.

„Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милова грущу;
По неволѣ пріуныла:
Гдѣ я милова сыщу?“

Развѣ милова другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

„Хоть Царевичь мной прельстится,
Всё я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужь не властно выбирать.“

XII.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Всё какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь стала!
Аромата нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

XIII.

Всё ли, милая пастушка,
Всё ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело ихъ разрывать!

Ахъ! по мнѣ и въ чужѣ больно
Видѣть горесть пастушка!
Любишь милое невольно;
Любишь прямо — не слегка!

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моей:
Я съ Филлидой и въ разлукѣ,
А она мнѣ всѣхъ милѣй.

XIV.

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Всё тоскуетъ, всё тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепорхиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее . . . увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ — на вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека —
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но . . . увы! прелестна Хлоя! . . .
Не проснется милый другъ!

КЪ Ѳ. М. Д. ***

Сочинившему голосъ на пѣсню мою: Голубокъ.

Нѣжный ученикъ Орфея!
Сколь меня ты одолжилъ!
Ты, смычкомъ его владѣя,
Голубка мнѣ возвратилъ.

Бѣдный, сизый голубочикъ
Долго всѣми былъ забвенъ;
Лишь друзей моихъ вѣночикъ
Голубку былъ посвященъ.

Вдругъ навѣяли Зефиры,
Гдѣ лежалъ онъ, на лужокъ,
Звукъ твоей волшебной лиры —
И воскреснулъ голубокъ!

Онъ вспорхнулъ, и очутился
Милой Граціи въ рукахъ:
На клавиръ ея спустился
И запрыгалъ на струнахъ.

Я глядѣлъ и сомнѣвался,
Точно ль онъ передо мной?
Мнѣ пригожѣй показался
И милѣй голубчикъ мой!

СТАНСЫ.

Къ Н. М. Карамзину.

,,Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пустъ, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ.
Счастливъ тотъ, который въ ней
Путь цвѣтами устилаетъ,
Не предвидя грозныхъ дней!"

Такъ мою настроя лиру
И призвавъ одну изъ Музъ,
Дружбу, сердце и Темиру
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ, не думая 'о славѣ,
Не искавъ ни чьихъ похвалъ:
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ стѣны снималъ.

Всё въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ!
Солнце ярче лучь бросало
И казалось Фебомъ мнѣ.

Вижу ль розовой листочикъ :
Онъ меня остановилъ ;
То Зефиръ, не вѣтерочикъ,
Крылышкомъ его сронилъ.

Въ рощѣ ль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья :
Сердце въ мигъ во мнѣ забьется —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю,
И доволенъ, что грущу ! —
Но почто я вспоминаю
То, чего ужь не сыщу ?

Утро дней моихъ затмилось,
И опять не разцвѣтетъ ;
Сердце съ счастіемъ простилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ Музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ какъ незнакомецъ,
И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
Прежній жаръ въ моей крови ;
А ужь Граціямъ не смѣю
Воспѣвать я о любви.

Осужденъ, къ несносной скукѣ,
Грусть въ самомъ себѣ таить —
Ахъ ! и съ другомъ быть въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лить ! . . .

О любимый сынъ Природы,
Нѣжный, милый нашъ Пѣвецъ!
Скоро ль отчеснія воды
Насъ увидятъ наконецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братской хоръ?

Съ нами тоже, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ! уклонимсяжь хоть лѣтомъ (*)
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: „древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ,
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ!

„Было время, что играли
Здѣсь подъ тѣнью мы густой —
Вы цвѣтете . . . мы увяли!
Дайте старости покой."

(*) Т. е. въ лѣто жизни нашей.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ —
Лавры! васъ я не ищу;
Я и миртючкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь Герой вселенной страхъ:
Раноль, поздно ли, Темира!
Всякъ истлѣетъ, будетъ прахъ.

Розыль дышутъ надъ могилой,
Иль полынь на ней растетъ:
Всё равно, о другъ мой милой!
Въ прахѣ чувствія ужь нѣтъ.

Прочь же скука! прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можетъ быть, въ сію минуту,
Милый другъ, всесильный рокъ
Посылаетъ Парку люту
Дней моихъ прервати токъ.

Ахъ! почто же медлитьболѣ
И съ тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

СТАНСЫ.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ;
О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Кларисы взглядъ меня животворилъ:
Однѣ желанія ужь были наслажденья!
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь! Какъ я тогда любилъ!
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я счастливъ былъ.

БЫЛЬ.

Даруй мнѣ, Муза, тонъ согласный
Съ унынiемъ души моей;
А ты, о добрый, иль несчастный!
Склони свой слухъ и пожалѣй.

Дамонъ недавно былъ душою,
Утѣхой въ дружескихъ пирахъ:
Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онъ взоромъ гналъ печаль и скуку,
Устами радость сообщалъ;
Друзьямъ своимъ давая руку,
Тогдажъ и сердце отдавалъ.

Вчера, при мѣсячномъ сiяньѣ,
Друзьямъ, прощаясь, говорилъ:
„Какъ грустно съ вами разставанье!"
И взоръ на нихъ остановилъ.

Бьетъ часъ, потомъ — и вѣсть несется,
Печальна вѣсть: *Дамона нѣтъ!*
Въ Дамонѣ сердце ужь не бьется,
Изчезнулъ вмигъ весенній цвѣтъ.

Тутъ въ первый разъ еще познали
Дамона къ Лизѣ жарку страсть:
Онъ таялъ, но увы! къ печали!
Душъ прямо *нѣжныхъ* это часть!

Ихъ слезы падаютъ на камень.
Дамонъ, не могши потушить
Снѣдавшій сердце лютый пламень,
Рѣшился . . . самъ себя убить.

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.

Баллада.

Какъ мило жили въ старину!
Бывало, въ теремахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ,
Пѣвцы поютъ любовь, войну,
Любви и храбрости побѣды. . .
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
И пѣнье смолкло въ теремахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ старину пѣвцы любили.
Бывало и меня хвалили!
Напомнимъ молодость свою.
Жилъ былъ когда-то Вождь великой
Съ своею дочкой Миловикой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Витязи, Князья
Вкругъ Милолики увивались;
Но тщетно счастіемъ ласкались:
Никто не могъ тронуть ея,
Никто, кромѣ пѣвца младова!
Она таилась — онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ вседневно по утрамъ,
Подъ тѣнію густой березы,
Пѣлъ о любви своей сквозь слезы,
Бряцая лиры по струнамъ;
Душа изъ устъ его летѣла! —
Онъ пѣлъ, а Милолика млѣла
И воздыхала у окна.

Узналъ о страсти ихъ отецъ,
И гордость въ немъ вострепетала:
„Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
О стыдъ! кто милъ тебѣ?... пѣвецъ!"
Сказалъ, и въ теремъ запираетъ.
Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
Что знатность! сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Бряцаетъ: „Нѣтъ мнѣ щастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о Небо! вопль унылой,
Отдай ее, иль смерть пошли!"

Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утренне свѣтило
Нещастну жертву озарило:
Отецъ низводитъ дочь съ собой;
Она — едва на трупъ взглянула,
Увы!... въ послѣдній разъ вздохнула.
Красавицы! пѣснь эта *быль*.

МЕЛАНХОЛИКЪ.

Романсъ, подражаніе Французскому.

Какъ сынъ проклятія скитаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ;
Уйти отъ горести стараюсь,
Но горесть всюду по слѣдамъ.
Увы! лишь вспомню страсть несчастну. . .
Прости мой умъ! прости покой!
Я вижу фурію ужасну!
Бѣгу ее — она за мной.

Всю молодость провелъ въ стенаньи;
Состарѣлся, а все влачу
Любови цѣпь въ тоскѣ, въ изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!
„Ступай далеко! мнѣ сказали,
Тамъ знаютъ жалость." — Чтожъ? и тамъ
Безумца лишь во мнѣ искали,
Смѣялись бѣднаго слезамъ!

О дѣти счастья! грѣхъ смѣяться:
Я безъ ума, но я вашъ братъ;

Что мы предвидимъ? Можетъ статься,
Несчастнѣй будете стократъ.
Страшитеся любви опасной,
И пожалѣйте вы о томъ,
Кто розою плѣнясь прекрасной,
Былъ уязвленъ ея шипомъ.

ЛЮДЬМИЛА.

Идиллія.

Старикъ.

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

Пастушка.

Я, дѣдушка; со стороны,
Иду до ближняго селенья
На праздникъ красныя весны.

Старикъ.

Чего же ищешь ты подъ тѣнію кусточковъ?

Пастушка.

Богатой лѣнты нѣтъ, такъ я ищу цвѣточковъ,
Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой нарядъ:
Тамъ есть красавица Людьмила, говорятъ.

Старикъ.

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людьмилы?

Пастушка.

Не вѣдаю. . .

Старикъ.

Ты рвешь цвѣты — съ ея могилы.

МАДЕКАССКАЯ ПЛѢННИЦА.

Амплапани.

Младая плѣнница! не проклинай войну;
Забудь отечество: не ты, но я въ плѣну;
Твой взоръ мнѣ столькожъ милъ, какъ первый лучь денницы.
Но что! ты слезы льешь сквозь длинныя ресницы?

Вайна.

Жаль друга, Государь!

Амплапани.

А гдѣ же онъ?

Вайна.

Убитъ,
Иль, можетъ быть, въ сію минуту онъ бѣжитъ.

Амплапани.

Я замѣню его.

Вайна.

Ахъ! другу нѣтъ замѣны!
Зри слезы, Царь, мои.

Амплапани.

Онѣ мнѣ драгоцѣнны!
Что хочешь ты сказать, небесна красота?

Вайна.

Онъ цѣловалъ меня и въ очи и въ уста;
Спалъ на груди моей... онъ въ сердцѣ и понынѣ.

Амплanани.

Довольно: я хочу покорствовать судьбинѣ;
Но, Вайна! вотъ покровъ: сокрой имъ отъ меня
Ты прелести свои.

Вайна.

Пускай пойду стеня
Дражайшаго искать средь труповъ убіенныхъ,
Или скитаться съ нимъ въ пустыняхъ отдаленныхъ.

Амплананu.

Ступай, куда тебя звѣзда твоя ведетъ;
Да будетъ милая хранима Небесами!
Да проклятъ тотъ, кому желаніе придетъ
Похитить поцѣлуй, уступленный съ слезами!

ОТЪѢЗДЪ.

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и ты, волшебный край,
Въ которомъ Геніи крылаты
Казали мнѣ и въ дебряхъ рай;
Гдѣ я мечтами забавлялся,
Гдѣ лютый всѣхъ знобилъ морозъ;
А я лежалъ средь нѣжныхъ розъ,
И ароматомъ ихъ питался;
И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой;
Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
Казались мнѣ Гамадріадой;
А дьякъ, или и самъ судья,
Какой нибудь Цирцеи жертвой.
Ахъ, какъ въ тебѣ былъ счастливъ я!
Бывало и живой и мертвой
Равно повиновались мнѣ,
И я, не выходя изъ дому,
Чудесилъ такъ, что врядъ другому
Увидѣть даже и во снѣ.
Лишь мѣсяцъ ликъ уставитъ въ воду
И свѣтлу твердь застелетъ мракъ —

То есть, какъ ночь на всю Природу
Накинетъ флеровый калпакъ —
Съ восторгомъ я въ тебя вступаю,
И какъ могучій чародѣй
Натурою повелѣваю:
Хочу, и зрю толпу людей,
За *тридевять* земель лежавшихъ
Два вѣка въ мать-сырой землѣ,
Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
Глазамъ моимъ въ прозрачной мглѣ.
Вздохну, и вижу я Темиру,
Въ ея объятія лечу,
И въ тотъ же мигъ, наладя лиру,
Что придетъ на сердце, брянчу.
Еще вздохну, и вмигъ предстанетъ
Покрытый муравою лугъ;
Съ улыбкой нѣжной солнце взглянетъ,
Вспорхнетъ Зефиръ, явится другъ
Съ своею арфой сладкогласной,
И Маю возгласитъ на ней:
„Спѣши, спѣши, о Май прекрасной,
Любезный вождь весеннихъ дней!
Дохни къ намъ нѣжными устами,
И ландышь съ розой разцвѣтутъ;
Тебя съ простертыми руками
Прелестны Нимфы съ неба ждутъ.“ —

Но время, хоть никто не проситъ,
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Мечты, утѣхи всѣ уноситъ,
И я почти лишенъ моихъ!

Необходимою судьбою,
Ахъ! скоро, скоро я съ тобою
Разстануся, волшебный міръ!
Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ,
И я уже на чистомъ полѣ
Лечу на тройкѣ, какъ Зефиръ.
Удалы мчатъ, закинувъ гривы,
Земля бѣжитъ, и пыль столбомъ!
Прощайте, дни мои счастливы!
Прощай, отеческой мой домъ!
Прощайте, Граціи и Музы!
Увы! невольно сладки узы
Я долженъ съ вами перервать . . .
Прощай, прощай и ты, о Волга! —
О Марсъ! о честь! о святость долга!
Скачу, скачу . . . *маршировать*.

~~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~~

КАРРИКАТУРА.

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле;
Въ далижь передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой въ калпакѣ,
Тряхъ, тряхъ, а индѣ рысью,
На старомъ рыжакѣ,

Въ изодранномъ колетѣ,
Съ котомкой въ торокахъ?
Палашъ его тяжелый,
Тащась, чертитъ песокъ.

Кто это? — Бывшій Вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣтъ.

Ужъ онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ міръ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ;

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

„Узнаетъ ли Груняша?
Ворчалъ онъ про себя;
Когда мы разставались,
Я былъ еще румянъ!"

„Ступай, рыжакъ, проворнѣй!" —
И шпорою кольнулъ;
Ретивый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужь витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ —
И вотъ ужь онъ въѣзжаетъ
На свой господскій дворъ.

Но что онъ въ немъ находитъ?
Его ль жилище то?
Весь дворъ заглохъ въ крапивѣ!
Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ;
Все тихо! — лишь на кровлѣ
Мяучитъ тощій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
Идетъ, и въ дверь стучитъ —
Никто не отвѣчаетъ,
Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрелъ онъ, какъ сиротка,
Нахохляся назадъ.

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Холопъ его усердный
Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
И тотъ, и тотъ завылъ —
„Терентьичь! гдѣ хозяйка?“
Помѣщикъ вопросилъ.

„Охти, охти, бояринъ!
Отвѣтствовалъ старикъ:
Охти!“ — и скорчась слезы
Утеръ своей полой.

— Конечно въ домѣ худо!
Мой витязь возопилъ;
Скажи, не дай томиться:
Жива, иль нѣтъ жена? —

Терентьичь продолжаетъ:
„Хозяюшка твоя
Жива, иль нѣтъ, Богъ знаетъ!
Да здѣсь ее ужь нѣтъ.

„Пришло тебѣ, бояринъ,
Всю правду обьявить:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою;

„Она держала пристань
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ пойманъ,
И на нее донесъ.

„Тотъ часъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Что жь съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

„Вотъ пятый годъ въ исходѣ —
Охти намъ! — какъ объ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ канула на дно.“

Что дѣлать? какъ ни больно . . .
Но вѣчно ли тужить? —
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

Сей витязь и понынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ Судьей.

НАДПИСИ къ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Глядите: вотъ Ефремъ, домовый нашъ маляръ!
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

II.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово:
Законы, тронъ, все пасть готово. —
Не бойтесь! онъ на дождь сердитъ.

III.

Смѣйтесь, смѣйтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза.
Я ужь видѣлъ, братцы, бурю,
И знакома мнѣ гроза;

Побывалъ и я средь боя!
Видѣлъ смерть не вдалекѣ:
Такъ не стыдно для покоя
Погулять и въ колпакѣ.

IV.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

〰〰〰〰

ЭПИТАФІИ.

I.

Здѣсь Бригадиръ лежитъ, умершій въ поздныхъ лѣтахъ.
Вотъ жребій нашъ каковъ!
Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ
Осталось: *выѣхалъ въ Ростовъ.*

II.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградъ,
Родитель спитъ здѣсь Фоліантовъ,
Умершій . . . послѣ чадъ.

III.

Увы! здѣсь погребенъ мой милый попугай.
Гдѣ красота, и гдѣ даръ слова?
Прохожій - говорунъ! вздохни объ немъ, и знай:
Онъ съ лишкомъ говорилъ, но не во вредъ другова.

IV.

Подъ хладной кочкой сей Вралева хладный прахъ.
Богъ съ нимъ! онъ былъ и самъ пакъ холоденъ въ
стихахъ.

V.

Полвѣка станъ его возили въ сей юдолѣ!
„И только?“ — А чего жь вамъ болѣ?

VI.

Прохожій, стой! во фрунтъ! скинь шляпу и читай:
Я воинъ, граматы не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ!
Ступай!

ЭПИТАФІЯ ЭПИТАФІЯМЪ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все *на часъ* подъ небесами:
По утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

КЕНОТАФІЯ.

Покорствуя судебъ уставу,
Здѣсь нѣкто положилъ отцовской шлемъ съ перомъ,
Мечь предковъ, ихъ любовь къ отечеству и славу;
А самъ — на козлы сѣлъ и хлопаетъ бичомъ.

ЭКСПРОМТЪ

на игру Г. Дица.

Что слышу, ДицЪ! смычокЪ, тобой одушевленный,
ПоетЪ и говоритЪ и движетЪ всѣхЪ сердца!
О сынЪ Гармоніи! достоинЪ ты вѣнца,
И можешь презирать языкЪ обыкновенный (1).

---

(1) Это сказано было вЪ то время, когда Г. ДицЪ перестал Ъ говорить, но не переставалЪ восхищать своею скрыпкою.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Нѣтъ, Хлоя! не могу я страсти побѣдить;
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ахъ! ты даешь мнѣ умъ, воспламеняешь къ славѣ,
Разсѣеваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
Годъ жизни я отдамъ за этотъ райской часъ,
Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ твой гласъ,
И часто мысль одна: *увижу завтра Хлою* —
Уже на цѣлый день веселья мнѣ виною.

II.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвесть;
Но что къ тебѣ влечетъ? . . . Загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу, . . . а пріятна!
Тыбъ лучше быть могла; но лучше такъ, какъ есть.

III.

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
О Хлоя милая! ты всемъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

НАДПИСИ къ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Что мнѣ объ ней сказать?
Къ другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать;
Но милую хвалить, какъ ни хвали, всё мало!

II.

Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать;
Узнавши — будешь обожать.

III.

Вотъ мой тебѣ портретъ; сколь счастливъ бы я былъ,
Когдабъ ты иногда сказала:
„Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала;
Но кто меня, какъ онъ, любилъ?"

IV.

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
„Мать дочери велитъ труды его читать."

V.

Вотъ милый всѣмъ творецъ! иль сердцемъ, иль умомъ
Грозитъ тебѣ онъ плѣномъ;
Въ Аркадіи бъ онъ былъ счастливымъ пастушкомъ;
Въ Аѳинахъ Демосѳеномъ.

VI.

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ;
Тѣнь рощи; въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ;
Надъ печкой соловей; три Граціи въ картинѣ —
Вотъ всё его добро, . . . и счастливъ! онъ Поэтъ.

КЪ ВЕНЕРИНОЙ СТАТУѢ.

Изъ Антологіи.

Парисъ и Марсъ — о томъ ни слова —
И Адонисъ, когда хотѣлъ,
Меня видали безъ покрова;
Но какъ увидѣлъ Пракситель?

ЭПИГРАММА.

Оттудажъ.

Леандръ, въ послѣдній разъ возникнувъ изъ валовъ,
Молилъ взирающихъ сквозь зарево боговъ:
„О боги! боги! допустите
Взглянуть мнѣ на нее, и послѣ потопите!"

НАДПИСИ къ АМУРУ.

I.

Открытъ, какъ истина; безъ крылъ, какъ постоянство;
Оружіе его въ невинности одной;
Дитя, но всѣхъ сердца онъ бралъ въ свое подданство —
Таковъ былъ, говорятъ, сынъ Лады въ вѣкъ златой!
Гдѣжь нынѣ онъ? Увы! намъ это неизвѣстно;
Мы только чтимъ его, и ищемъ повсемѣстно.

II.

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ!
Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ твоимъ.

III.

Стрѣляй, о милый врагъ! въ два сердца, не въ одно;
А иначе, навѣкъ несчастливо оно.

КЪ АЛЬБОМУ Е*. С*. О. . . й.

Поэту ль своего таланта не любить?
КакЪ смертный осужденЪ кЪ премѣнѣ повсечасной,
ОнЪ старится, но всё принадлежитЪ Прекрасной:
Не вЪ сердцѣ, такЪ вЪ ея альбомѣ будетЪ жить!

КЪ АЛЬБОМУ К. Н. И. К.

Что предЪ соперницей Эраты наше пѣнье!
Она лишь голосомЪ находитЪ путь кЪ сердцамЪ;
Я лиру положу К. . . . кЪ ногамЪ,
И буду самЪ внимать вЪ безмолвномЪ восхищеньѣ:

К Ъ * * *,

которая хотѣла испортить часы.

Ахъ, Лиза! мнѣ ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться.

СЛАБОСТЬ.

Мнѣ Хлоя сдѣлала рѣшительный отказъ;
Въ досадѣ на нее и горести безмѣрной,
Вчера я говорилъ: уже въ послѣднiй разъ
Былъ въ домѣ легковѣрной!
А нынѣ по утру, не знаю какъ и самъ,
Опять я тамъ!

НА СЛУЧАИ

полученія отъ неизвѣстной Особы вышитаго на канвѣ Генія,

Нечаянный мнѣ даръ цѣлую съ нѣжнымъ чувствомъ!
Лестнѣе сердцу онъ лавроваго вѣнца.
Ктожь та, которая руки своей искуствомъ
Почтила . . . въ старости счастливаго пѣвца?
Не знаю, остаюсь среди недоумѣній!
Такъ будь же отъ меня ей имя: *добрый Геній.*

ЗАГАДКА.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а всё я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богатъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно.
Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:
У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начать до свѣта путь и ощупью идти,
На каждомъ шагѣ спотыкаться;
Къ полднямъ уже за треть дороги перебраться;
Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомнясь, подъ вечеръ вздохнуть,
Искать пристанища къ покою,
Найти его, прилечь, и наконецъ уснуть....
Читатели! загадки въ модѣ;
Хотите ль ключь къ моей имѣть?
Все это значитъ въ переводѣ:
Родиться, жить и умереть.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ,

который, по сходству двухъ различныхъ фамилій, часто принималъ одну вмѣсто другой.

Два разныя, мой другъ, прозванья ты мѣшаешь
Людей, которые не сходствуютъ ни въ чомъ;
И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ:
Одинъ пріятный былъ Писатель,
Другой — едвали и читатель;
Одинъ стихи, другой лишь векселя писалъ;
Тотъ въ Панову свирѣль, а этотъ въ банкъ игралъ.

БЛИЗНЕЦЫ.

Кого вамъ надобно? — „Я домъ ищу *Разврата*.“ —
Котораго, сударь? Ихъ въ городѣ два брата. —
„Богатаго.“ — Какъ тотъ, такъ и другой богатъ. —
„Не очень складнаго.“ — Не молодецъ и братъ. —
„Онъ крутъ обычаемъ.“ — И тотъ . . . . избави
Боже! —
— „Жена красавица.“ — И у другова тоже. —
„Короче: тотъ рогатъ, котораго ищу.“
— Какой же случай! . . . я молчу.

АМУРЪ и ДРУЖБА.

Сестрица душенька! — ,,Здорово, братецъ мой!" —
Леталъ, леталъ! — ,,А я шаталась ужь шаталась!" —
Гдѣ взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой! —
,,Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣчалась." —
Какой сталъ свѣтъ! — ,,Давно ужь это говорятъ' —
Всѣ клятвы на пескѣ — ,,Услуги въ обѣщаньѣ!
Подъ именемъ моимъ *Корысть* боготворятъ." —
А подъ моимъ: *Желанье.*

ИСТОРІЯ ЛЮБВИ.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляетъ;
На завтре, говорятъ: несносно докучаетъ!
На третій, слушаютъ не поднимая глазъ;
Въ четвертый, съ робостью отказъ;
На пятый, слабое упорство и смятенье;
Въ шестой, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожалѣнье;
Въ седьмой, безъ головы;
Въ осьмой — увы!

ЛЮБЛЮ и ЛЮБИЛЪ.

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
Возможнымъ щастьемъ упиваться,
Всѣхъ чувствъ въ обвороженьи быть.
Любилъ же значитъ: *полно жить*!
Яснѣе: испытать собою,
Что клятвы — словъ какихъ-то звонъ;
Что нѣжность — хитрости игрою;
Невинность — маска; счастье — сонъ!

СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА.

Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моленье:
„Хранитель - Ангелъ мой! спаси мою жену!
Не дай упасть ей въ искушенье!
А ежели ужь я . . . не дай про то мнѣ знать!
А естьли знаю я, то дай мнѣ не видать!
А естьли вижу я, даруй ты мнѣ терпѣнье!“

КЪ * *.

О выгодахъ быть любовницею Стихотворца.

〰〰〰〰〰〰

Прелеста, веселись! мой рокъ уже рѣшился.
Внимай и торжествуй: я съ вольностью простился!
Стыжуся слабости, но признаюся въ томъ,
Что стала ты моимъ отнынѣ божествомъ:
Тебѣ и лиру я и сердце посвящаю.
Но что я о твоей побѣдѣ возвѣщаю!
Я падаю къ твоимъ съ признаніемъ ногамъ,
А ты моимъ словамъ
С холодностью внимаешь!
Уже ли ты не постигаешь,
Какое счастіе, какая слава той,
Которая прельститъ своею красотой
Питомца Музъ и Аполлона?
Или не знаешь ты, что властенъ дать онъ то,
Предъ чемъ богатство, власть, корона,
Всѣ благи міра — вздоръ, ничто?
Поэтъ — примѣромъ я — едва воспламенится,
И вмигъ въ умѣ его тьма, тьма чудесъ родится:

Въ минуту онъ тебя въ Богиню претворитъ,
И всѣхъ тебѣ сердца на вѣки покоритъ;
Онъ тотчасъ дастъ тебѣ усмѣшку, взглядъ Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную тѣнь Флоры,
И всѣхъ умильностей и прелестей соборъ,
Какими Граціи блистаютъ и Венера.
На что ни взглянешь ты, все твой украситъ взоръ;
Вездѣ представится иль Гнидъ, или Цитера.
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различныя утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи
Погонятся толпой.
О красотѣ твоей узнаютъ всѣ предѣлы;
Изъ глазъ твоихъ посыплютъ стрѣлы,
Которыя пронзятъ и у Факира грудь!
Лишь взглянешь, плѣнникъ кто-нибудь!
Разпустишь волосы свои предъ туалетомъ,
Когда бы ни было, зимой ли то, иль лѣтомъ,
Тотчасъ Зефиръ готовъ ихъ кудри развивать,
И прохлаждая цѣловать.
Къ источнику ль свой путь направишь,
Онъ тише потечетъ; ты и его заставишь
Удерживать свои блестящія струи,
Чтобъ долѣе глядѣть на прелести твои.
На лугъ ли ступишь ты: цвѣты на немъ родятся;
Лилеи нѣжныя и розы возгордятся,
Надѣяся, что ты, Прелеста, ихъ сорвешь,
И милому дружку вѣнокъ изъ нихъ сплетешь;
Но вѣрно, на тебя они лишь только взглянутъ,
Съ досады и стыда увянутъ.

Ты всѣхъ, Прелеста, ихъ затмишь!
Подъ липою ль сидишь,
Гдѣ тѣнь тебѣ готова,
Въ минуту птички всѣ, не говоря ни слова,
Слетятся, запоютъ, чтобъ слухъ твой утѣшать;
Но вздумай только ты къ ихъ пѣнію пристать,
Онѣ умолкнутъ вдругъ. Да кто и въ самомъ дѣлѣ
Столь будетъ дерзновенъ, чтобъ пѣть при Филомелѣ?
А что до разума — о! въ томъ повѣрь, мой свѣтъ,
Что я, который самъ изрядный умъ имѣю,
Легко найду и въ той, къ которой въ страсти тлѣю.
Мнѣ стоитъ захотѣть, и вмигъ создашь сонетъ,
Иль пѣсню . . . что тебѣ угодно;
Все напишу, хотя Поэту и несродно
Ссужать добромъ своимъ другихъ:
Чего не сдѣлаешь для прелестей твоихъ!
Когда же, наконецъ, Киприда раздраженна
За то, что для тебя краса ея забвенна,
Упроситъ Паркъ пресѣчь нить жизни твоея —
Прелеста! не страшись ни мало, будь спокойна;
Не плача смерть твоя, но зависти достойна.
Прелеста! ты умрешь . . . но живъ останусь я.
Любовникъ страстный твой въ Элегіи возстонетъ,
Разтреплетъ волосы и въ *морѣ слезъ* потонетъ;
Все скажетъ, что сказать Овидіи могли,
И ты безсмертною пребудешь на земли.
Любовникъ твой тебя во храмѣ Мнемозины
Между *Глицеріи* посадитъ и *Корины*. —

Не лестная ль тебя, Прелеста, ждетъ судьба?
Ахъ! осчастливь же ты любовника, раба,
Который предъ тобой клянется Аполлономъ;
Что онъ малѣйшее желанiе твое
Священнымъ будетъ чтить закономъ!
Возьми, возьми на вѣкъ ты сердце въ даръ мое;
Люби меня : : . . хотя для собственныя славы!
Или — страшись! и жди, что, пересиля страсть,
Забывши вѣрности уставы,
И скучась наконецъ сносить сурову часть,
Со равнодушiемъ на вѣкъ тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю:

КЪ ***,

при сообщеніи ей другихъ стиховъ.

Дельфира, вотЪ стихи, которыхЪ ты желала!
Но болѢ отЪ меня впередЪ не ожидай.
Ты знаешь, я попалЪ вЪ Поэты не взначай.
СЪ тѢхЪ порЪ, какЪ ты меня узнала,
Тогда я молодЪ былЪ, притворствовать не зналЪ:
Ты показалась мнѢ мила и добродушна;
Такою я тебя вЪ стихахЪ и называлЪ,
И лира завсегда была тебѢ послушна.
Увы! какЪ худо зналЪ тогда я нравы, свѢтЪ!
Я думалЪ, что вездѢ — вЪ Аркадіи ПоэтЪ;
Я думалЪ, какЪ пчела, сбирать вЪ собраньяхЪ соты,
Учиться ловкости, свой разумЪ украшать,
Давать красивые языку обороты,
ЧтобЪ болѢе потомЪ вЪ стихахЪ моихЪ блистать;
Но что же я нашелЪ?.. Прощайте, лестны виды!
ВсѢ стихотворчески мечты!
Прощайте, Граціи, и Сильфы, и Сильфиды!
Что вмѢсто ихЪ, ПоэтЪ, увидѢлЪ вЪ свѢтѢ ты?
ТамЪ кЪ дарованіямЪ холодность иль презрѢнье;
ТутЪ осторожность, подозрѢнье;

Къ кому пристать и чѣмъ начать свой разговоръ?
Тамъ цѣлый день молчатъ, потупя въ карты взоръ;
Здѣсь заняло умы вчерашне произво,,ство;
Тамъ хвалятъ бархатовъ Московскихъ превосход-
ство,
Иль мысль свою кладутъ на имянинный пиръ;
А тамъ одинъ съ другимъ въ пресильномъ жар-
комъ спорѣ,
Что новый стараго красивѣе мундиръ!
Пѣвецъ, отъ скуки, въ горѣ,
Перемѣняетъ кругъ, имѣя по ѣко даръ
Живѣе чувствовать прекраснѣйшаго цѣну;
Поетъ онъ Делію, иль Дафну, иль Климену;
Поетъ ихъ острый умъ, любезность, милый нравъ,
Ни мало не искавъ
Другова награжденья,
Какъ только съ ними обхожденья,
Пріятныхъ для него въ ихъ обществѣ минутъ.
Но чтожь его хвалы и здѣсь произведутъ?
Мужъ, видя Мадригалъ супругѣ, ужаснется,
И всѣмъ разсказывать знакомымъ понесется,
Что нашъ питомецъ Музъ плѣненъ его женой,
Которая его играетъ простотой;
Безъ памяти отъ ней! — Жена, изъ потаканья,
А болѣе боясь отъ мужа увѣщанья,
Усмѣшкой иногда, иль взглядомъ подтвердитъ —
И вдругъ нашъ бѣдненькой піитъ
Пойдетъ у всѣхъ за Селадона.
Вотъ жребій здѣсь пѣвцевъ и дѣтокъ Аполлона
Въ награду за хорошій стихъ!

Онъ въ лѣтахъ молодыхъ не слишкомъ намъ ужасенъ;
Но въ зрѣлость дней своихъ
Виною городскихъ быть басенъ,
Признаться — тяжело, и легче во сто разъ
Быть въ обществѣ нѣмымъ и позабыть Парнассъ.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь,
И ниже во краткомъ снѣ
Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаютъ,
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ — тебя лобзаютъ,
И качаютъ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

Чувство горести безсильно
Долго духъ твой возмущать;
Приголубь тебя умильно,
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожитъ;
А уста уже смѣются —
О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся;
Вступишь въ возрастъ ты другой.
Рокъ и страсти ополчатся,
И прости твой вѣкъ златой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ, и проливаю,
Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ, и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей . . .
Часто въ мысляхъ я унылыхъ
Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся, и отселѣ
Естьли снова загрущу,
При твоей я колыбелѣ
Томно сердце облегчу.

Такъ! твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зракъ,
Пролiютъ мнѣ въ грудь отрады,
И души разсѣютъ мракъ.

О невинность! ты какъ Генiй
Шлешь цѣленiе сердцамъ!
Я хоть нѣсколько мгновенiй
Былъ теперь невиненъ самъ.

И давно погибшу радость
Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ —
Милый ангелъ мой! ты младость
Хоть на часъ мнѣ возвратилъ.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

КЪ А– Г– С . . . . Й,

на вызовъ ея написать стихи.

Ахъ, когда бы въ древни вѣки
Я съ тобой, Климена, жилъ!
На примѣръ: мы былибъ Греки;
Какъ бы я тебя хвалилъ!

Подъ румянымъ, яснымъ небомъ,
Въ благовоніи цвѣтовъ,
Оживленныхъ кроткимъ Фебомъ,
Между миртовыхъ кустовъ —

Посреди тебя съ супругомъ
Сѣлъ бы твой Анакреонъ,
И своимъ упрошенъ другомъ,
Сталъ бы лиру строить онъ.

Выбъ и гости замолчали,
Чтобъ идеи мнѣ скопить,
И малютки бъ перестали
Пестру бабочку ловить.

Какъ въ саду твоемъ порхала
Въ Маѣ пчелка по цвѣтамъ,
Такъ рука бъ моя летала
Рѣзвой лиры по струнамъ.

Тамъ бы каждый мнѣ цвѣточикъ
Къ пѣнью мысли подавалъ:
Милый, скромный василёчикъ
Твой бы нравъ изображалъ;

Я твою бы миловидность
И стыдливость примѣнилъ
Къ нѣжной розѣ; а невинность
Съ бѣлой лиліей сравнилъ.

Ты бъ растрогалась, вскочила —
Я увѣренъ точно въ томъ —
И пѣвца бы наградила
Поцѣлуемъ и вѣнкомъ.

Но, увы! мой умъ мечтаетъ;
Сколь далекъ я отъ Аѳинъ!
Здѣсь не Флора обитаетъ,
А морозъ, Бореевъ сынъ!

Здѣсь и самымъ Аполлономъ
Не согрѣлся бы иной;
Гости заняты *бостономъ*,
Иль Нѣмецкою войной.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Какое зрѣлище для нѣжныя души!
О Грёзъ! дай кисть свою, иль самъ ты напиши:
Въ румяный, Майской день, при солнечномъ восходѣ,
Тогда, какъ все цвѣтетъ и нѣжится въ природѣ,
Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь:
Климена скромная, на люльку опустясь,
Ни молвить, ни дышать не смѣя,
Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
И чуть не говоритъ: „какъ милъ . . . . и точно онъ!" —
И такъ, Климена, ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать, и ею быть достойна!
Уже любимыхъ ты пѣвцовъ,
Делиля, Коллардо съ Торкватомъ забываешь,
И въ скромную свою диванну мудрецовъ,
Бюфона и Руссо и Локка призываешь;
И даже въ этотъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
Зоветъ чрезъ *Фауля* (*) въ свой храмъ забавъ, утѣхъ;

(*) Бывшій содержатель въ Прб. Англинскихъ баловъ.

Какъ пудры облака покрыли туалеты,
Какъ все въ движеніи: флёръ, шляпки и корсеты,
Картоны, ящики, мужья и сундуки —
Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!
Сидишь, облокотясь надъ книжкою смиренно;
Сидишь, и все твое понятіе вперенно
Въ систему, правила Британскаго творца,
Который только сухъ для одного глупца.
Вся мысль и все твое желаніе, чтобъ сына
Содѣлать званія достойнымъ гражданина.
О подвигъ сладостный, священный искони!
Климена! увѣнчай ты имъ прекрасны дни.
Кто болѣе тебя во способахъ обиленъ?
Не матери ль одной достоинъ сей предметъ?
Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ.
Такъ, умница! храни, лелѣй ты нѣжный цвѣтъ
Подъ собственной рукою,
И удобряй его ученія росою.
Пекись, чтобъ изліялъ онъ райской ароматъ,
Когда желанный день созрѣнія настанетъ;
Да усладитъ твое и сердце онъ и взглядъ,
И въ осень дней твоихъ весну твою вспомянетъ!
А ты, дитя, залогъ дражайшій двухъ сердецъ,
Живи, и усугубь ихъ счастье наконецъ!
Будь честенъ, будь уменъ, чувствителенъ, не-
злобенъ,
Пріятенъ, милъ — во всемъ будь маминькѣ подобенъ.

КЪ НЕЙ ЖЕ,

въ день ея рожденія.

Вступая въ новый годъ, любезная Климена!
Не бойся, чтобъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;
Ты будешь завсегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считать друзья твои не станутъ:
Душой прекрасныя — не вянутъ.

КЪ МАШѢ.

Я не Архангелъ Гавріилъ,
Но воспоенъ Пермесскимъ токомъ,
Отъ Аполлона быть прорекомъ
Съ издѣтства право получилъ.
И такъ внимай, новорожденна,
Къ чему ты здѣсь опредѣленна:
Ты будешь маминьки съ отцомъ
Отрадой, счастьемъ, утѣшеньемъ,
Любезна пола украшеньемъ,
И въ добронравьи образцомъ;
Ты будешь безъ красы пріятна,
Безъ блеска острыхъ словъ умна,
Безъ педантизма учена,
Почтенна и безъ рода знатна,
И безъ кокетства всѣмъ мила,
Какою маминька была —
Вотъ мой урокъ и похвала,
Едва ли не въ послѣдни лѣта! . . . .

Когда ты, Маша, разцвѣтешь
Вступая въ юношески лѣта;

Быть можетъ, что стихи найдешь —
Конечно спрятанны ошибкой —
Прочтешь ихъ съ милою улыбкой,
И спросишь: „гдѣ же мой Поэтъ?
Въ немъ дарованія примѣтны.“
Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
„Несчастные не долголѣтны;
Его ужь нѣтъ!“

~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~

ГРУСТЬ.

Влекомъ уныніемъ сердечнымъ,
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даритъ Природа вѣчнымъ,
Гдѣ спитъ и скорбь и суета.

Тамъ добродѣтельной Эльвиры
Надъ прахомъ слезы я пролью,
И съ тихимъ звукомъ томной лиры
Къ безмолвнымъ тѣнямъ воспою:

Миръ вѣчный вамъ! вкушайте сладость
Спокойства въ пристани отъ бѣдъ!
Теперь для васъ печаль и радость
Уже ничто; для васъ ихъ нѣтъ.

Уже вамъ болѣ не ужасны
Удары, пораженья злыхъ;
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье ихъ.

Уже никто судомъ безчиннымъ
Не можетъ духъ вашъ отравить:
Изъ чистыхъ, правыхъ сдѣлать виннымъ,
И въ сердце острый мечь вонзить.

Нѣтъ! сердце въ васъ уже не бьется;
Оно спокойно всякой часъ;
Уже оно не отзовется
Ниже любезнѣйшей на гласъ.

Чувствительный! вкушай отраду,
Сверша теченье бурныхъ дней;
Не бойся сладкаго ты яду
Обворожающихъ очей;

Не бойся болѣе презрѣнья
И колкихъ порицаній ты,
Въ награду твоего смиренья,
Незлобна сердца простоты.

Ахъ! долго ли и мнѣ, несчастну
Здѣсь страннику, влачить мой путь?
Когда пройду я степь ужасну?
Пора, пора ужь отдохнуть.

СКАЗКИ.

СКАЗКИ.

I.

ФИЛЕМОНЪ и БАВКИДА.

(Съ Лафонтенова подражанія Овидію.)

Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда со мной заботы вѣкъ живутъ?
Когда духъ зависти, несчастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его, какъ вранъ у Промиѳея:
Ахъ, это сущій адъ! Гдѣжь счастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ, воленъ,
Не алча лишняго, и тѣмъ, что есть, доволенъ;
Захочетъ ли за лугъ, за тѣнь своихъ лѣсовъ,
Тѣнь только счастія купить временщиковъ?
Нѣтъ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ страдальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не даетъ Фортуна ничего.
Придетъ ли къ цѣли онъ теченья своего?
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ;
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Примѣромъ въ этомъ намъ послужитъ Филемонъ.
Съ Бавкидой съ юныхъ лѣтъ соединился онъ;
Ни время, ни Гименъ любви ихъ не гасили:
Четыредесять жатвъ они вдвоемъ ходили
За всѣмъ въ своемъ быту, безъ помощи другихъ.
Все старится: остылъ любовный жаръ и въ нихъ —
Однако въ нѣжности любовь не ослабѣла,
И въ чувствахъ дружества продлить себя умѣла.
Но добрыхъ много ли? Развратъ ихъ земляковъ
Подвигнулъ, наконецъ, на гнѣвъ Царя боговъ:
Юпитеръ сходитъ къ нимъ съ своимъ крылатымъ сыномъ —
Не съ громомъ, не въ лучахъ, а такъ, простолюдимомъ,
Подъ видомъ странника. — И чтожъ? вездѣ отказъ;
Вездѣ имъ говорятъ: „намъ тѣсно и безъ васъ,
Ступайте далѣе!“ — Отринутые боги
Пошли уже назадъ, какъ въ лѣвѣ отъ дороги,
Надъ свѣтлымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни,
Узрѣли хижину смиренную они,
И повернули къ ней. Меркурій постучался:
Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ показался;
„Добро пожаловать! сказалъ имъ Филемонъ:
Вы утрудилися, дорожнымъ нуженъ сонъ —
Ночуйте у меня, повечеряя съ нами;
Спознайтесь съ нашими домашними богами;
Они скудельные, но къ смертному добры.
У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры,
Но менѣель тогда они въ привольѣ жили?
Увы! теперь его изъ золота мы слили,

А онъ уже не такъ доступенъ сталъ для насъ!
Бавкида! тамъ вода, согрѣй ее тотчасъ;
Поставимъ хлѣбъ и соль; мы скудны, но усердны;
Дай все, что боги намъ послали милосердны!" —
Бавкида хворосту сухаго набрала,
Потомъ погасшій огнь въ горнушкѣ разгребла,
И силится раздуть. Вода уже вскипаетъ;
Хозяинъ путниковъ усталыхъ омываетъ,
Прося за медленность его не осудить;
А чтобъ до ужина имъ время сократить,
Заводитъ съ ними рѣчь не объ любимцахъ счастья,
Не о вліяніи и блескѣ самовластья,
Но лишь о томъ, что есть невиннаго въ поляхъ,
Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ.
Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ;
Разкидываетъ платъ, кидаетъ горсть цвѣтовъ,
И ставитъ хлѣбъ, млеко и нѣсколько плодовъ;
Потомъ худой коверъ, которой сберегала
На случай праздниковъ, по ложу разостлала
И проситъ на него возлечь своихъ гостей.
Уже они, среди привѣтливыхъ рѣчей,
За вечерей виномъ усталость подкрѣпляютъ;
Но сколько ни піютъ, вина не убавляютъ!
Бавкида, Филемонъ, недвижимы стоятъ,
Со изумленьемъ другъ на друга мещутъ взглядъ,
И оба съ трепетомъ предъ путниками пали —
По чудодѣйствію легко они познали
Того, кто вздыметъ бровь, и зыблетъ сводъ небесъ! —
О Боже! Филемонъ дрожащій гласъ вознесъ:

Прости невольнаго минуту заблужденья !
И могъ ли смертный ждать такого посѣщенья ?
О гость божественный! гдѣ взять намъ ѳиміамъ ?
Приличналь наша снѣдь, толь скудная, богамъ ?
Но чѣмъ и самый Царь ихъ угостить достойно ?
Простымъ усердіемъ: вотъ все, что намъ пристойно!
Пусть море и земля имъ пиршество дадутъ :
Всесильные ему даръ сердца предпочтутъ.
Бавкида съ рѣчью сей бесѣду оставляетъ,
И въ огородъ идетъ : тамъ перепелъ гуляетъ,
Котораго сама взлелѣяла она ;
Признаніемъ къ богамъ и вѣрою полна,
Уже она его во снѣдь для нихъ готовитъ ;
Уже дрожащими руками птичку ловитъ ;
Но птичка отъ нее ушла къ стопамъ боговъ,
И милосердый Дій невинной далъ покровъ.

Межь тѣмъ вечерня тѣнь съ горъ пала на долины ;
,,Чета ! иди за мной, сказалъ отецъ судьбины ;
Сей часъ свершится судъ : на родину твою
Весь гнѣва моего фіалъ я пролію,
И смерти все предамъ ! пусть злые погибаютъ ;
Ни хижинъ, ни сердецъ они не отверзаютъ.“
Безсмертный рекъ, и горъ къ хребту направилъ путь ;
И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, ужасно началъ дуть;
Бавкида, Филемонъ, на посохъ опираясь,
Подъ тяжкой древностью трясясь и задыхаясь,
Едва, едва идутъ, но съ помощью боговъ
И страха, взобрались на ближній изъ хребтовъ :

Вдругъ сонмы грозныхъ тучь подъ ними разразились,
И съ шумомъ рѣки водъ губительныхъ пустились;
Валъ гонитъ валъ; и мчитъ все, что ни попадетъ:
Скотъ, кущи и людей . . . изчезли, слѣда нѣтъ.
Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвящаетъ,
И взоромъ, полнымъ слезъ, у бога вопрошаетъ:
„Пусть люди . . . . но почто животныхъ онъ казнитъ?"
Но чудо новое внезапу ихъ разитъ:
Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла:
Обмазка мраморомъ, солома златомъ стала,
И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
Въ минуту вознесли главы ко облакамъ!
Внутрь храма былъ вездѣ представленъ на порфирѣ,
Въ страхъ будущимъ вѣкамъ, сей дивный случай въ мірѣ —
Невидимо ваялъ все это божій перстъ.
Супруги мнятъ, что имъ Олимпъ уже отверстъ;
Въ смятеньи, внѣ себя, на все кругомъ взираютъ —
„Богъ, велій въ благости! потомъ они вѣщаютъ:
Мы видимъ храмъ, но кто служители ему?
Кто будетъ возносить къ престолу твоему
Молитвы путниковъ? О естьли бы мы оба
Могли сподобиться въ семъ званьи быть до гроба!
Ахъ, естьли бы притомъ и Геній смерти насъ
Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
Чтобъ мы другъ по другѣ тоски не испытали!"
— Да будетъ такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы желали! —
И было такъ. Теперь дерзнулъ повѣдать вамъ
О томъ, чему едва могу повѣрить самъ?

Въ день нѣкій путники, въ оградѣ сей божницы,
Съ благоговѣніемъ стояли вкругъ двоицы,
И слушали ее о бывшихъ чудесахъ:
„Издревле, Филемонъ вѣщалъ имъ, въ сихъ мѣстахъ
Была весь грѣшниковъ, жилище нечестивыхъ;
Но Дій не потерпѣлъ сихъ извергов кичливыхъ:
Онъ рекъ, насталъ потопъ, и всѣхъ ихъ потребилъ,
Остались только мы — такъ Богъ благоволилъ!“
Тутъ Филемонъ взглянулъ на кроткую супругу,
И что? Уже она, простерши руки къ другу,
Вся измѣняется, пріемлетъ древа видъ!
Онъ хочетъ ей сказать, обнять ее спѣшитъ;
Нѣтъ силъ поднять руки; уста его нѣмѣютъ;
Супруга и супругъ равно деревенѣютъ;
Пускаютъ отрасли, готовятся цвѣсти;
Другъ другу говорятъ лишь мыслію: прости!
Одинъ предѣлъ и срокъ власть божья имъ послала:
Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой стала,
И зрители, всѣ въ разъ воскликнувъ: чудеса!
Въ молчаньи набожномъ глядятъ на небеса.

Преданіе гласитъ, что къ симъ древамъ священнымъ,
Подъ тяжестью даровъ безчисленныхъ согбеннымъ,
Супруги на поклонъ текли изъ дальныхъ странъ,
По слуху, что имъ даръ чудотворенья данъ;
И тѣ, которые къ нимъ съ вѣрой приходили,
Въ цвѣту и въ зиму дней другъ друга вѣкъ любили.

II.

МОДНАЯ ЖЕНА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги изписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите въ томъ меня; я молодъ, вѣтренъ былъ,
Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Цитерской сторонѣ
Лишь въ сказкахъ вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикамъ разглаживаютъ лицы:
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну
Про модную жену.
Пролазъ въ теченіи полвѣка
Всё ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ — я говорю вѣдь такъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ;

Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;
А старикамъ такой законъ:
Что естьли кто изъ нихъ вскружитъ себя вертушкой,
То не она уже, а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой,
Хоть радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ,
И рубль подъ часъ считать полушкой.
Пролазъ, хоть и Пролазъ, но мужъ, какъ и другой,
И такъ же, какъ и всѣ, цѣною дорогой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что блонды, каски,
Что крепъ, линобатистъ, тамбурна кисея. —
Однажды бывъ жена — вотъ тутъ бѣда моя!
Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ, . . . ни то, ни се . . . какъ будто не своя,
Супругу говоритъ: „послушай, жизнь моя!
Мнѣ къ празднику нужна обнова;
Пожалуй у мадамъ *Бобри* купи тюрбанъ; —
Да слушай, душенька! мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;
А отъ нее вѣдь три шага
До Англійскаго магазина; —

Да естьли бЪ тамЪ еще . . . нѣтЪ, слишкомЪ дорога!
А *ужасть* какЪ мила!" — Да что, мой свѣтЪ,
такое? —
„НѣтЪ, папинька, такЪ, такЪ, пустое . . .
По чести, мнѣ самой твоихЪ расходовЪ жаль."
— Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужь дѣло. —
„Меня . . . стыжусь . . . плѣнила *шаль*;
Послушай, ангелЪ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалЪ нарочно
Князь для Княгини, какЪ у Князя праздникЪ былЪ." —
СЪ послѣднимЪ словомЪ прыгЪ на шею,
И чокЪ два раза вЪ лобЪ, примолвя: какЪ ты милЪ! —
— Изволь, изволь, я радЪ со всей моей душею
Услуживать тебѣ, мой свѣтЪ!
БылЪ мужнинЪ ей отвѣтЪ.
Карету! . . . только врядЪ поспѣть ужь мнѣ кЪ
обѣду!
Да я . . . вЪ Дворянской клубЪ оттолѣ заверну. —
„АхЪ, мой жизненочикЪ! какЪ тѣшишь ты жену!
Ступай же, *Ваничка*, скорѣе." — Ѣду, ѣду! —
И Ваничка сѣдой,
Простясь сЪ женою молодой,
ВЪ карету сЪ помощью двухЪ долгихЪ слугЪ вта-
щился,
СѣлЪ, крякнулЪ, покатился.
Но онЪ лишь со двора, а гость кЪ нему на дворЪ —
УгодникЪ дамской, *Миловзоръ*,
ВзлетѣлЪ на лѣстницу и прямо порхЪ кЪ уборной. —
„АхЪ! я лишь думала! какЪ милЪ!" — Слуга по-
корной. —

„А я одна." — Однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?
„Кто? мужъ?" — Вашъ нѣжный Купидонъ. —
„Какой, по чести, ты ругатель!"
По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.
Однакожь это вѣдь не ложь,
Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ. —
„То есть, онъ также старъ, хотя не такъ прекрасенъ." —
Нѣтъ! я вамъ докажу. — „О! этотъ трудъ напрасенъ." —
Безъ шутокъ, слушайте! тотъ слѣпъ, а этотъ кривъ;
Не сходны ли жь они? — „Ахъ, какъ ты злорѣчивъ!" —
Простите, перестану. . . .
Да! покажите мнѣ диванну,
Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
Ужь вѣрно это храмъ! храмъ вкуса — „Отгадалъ."
Конечно и . . . любви? . . . — „Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?" — Отъ всей души желаю. —
О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не тужи
И отъ дивана ключь въ карманѣ ты держи;
Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка дивановъ
По чести, месть намъ отъ Султановъ!
Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужь тамъ,
Разсматриваетъ все, любуется, дивится;
Амуръ же, прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,

Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, и стрѣлка не вер-
тится,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадный бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.
А онъ, какъ *въ руку сонъ!* ... судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ вереяхъ вороты заскрыпѣли,
Бичь хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ ли-
цомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужь онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужь онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена
Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнушкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогдажь другой Пенатъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ?... дуракъ!* —
Премила вздрогнула, и *Миловзоръ* подобно;
И тотъ, и та — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —

Бросаяся туда, сюда,
Рѣшились такъ: чтобъ ей остаться,
А гостю спрятаться хотя позадь дверей. —
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй!
Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?
Мужъ, въ двери выставя разцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
,,Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!
И знаешь ли, что мнѣ
Привидѣлось во снѣ?
Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ утопаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужь болѣе не кривъ;
Ну естьли этотъ сонъ не лживъ?
Позволь мнѣ испытать" . . . И въ мигъ, не давъ супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровый, не кривой —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: ,,что видишь ли, мой свѣтъ?"
Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ! —
,,Ни крошечки?" — Ни мало;
Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало. —

„Ты шутишь?“ — Право нѣтъ; да дай ты мнѣ взглянуть. —
„Прелестная мечта! Лукреція вскричала:
За чемъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!
Ахъ, другъ мой! какъ бы я желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой!“ — *Пролазъ*
При нѣжности такой не могъ стоять болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во святцахъ запиши.
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой! —
Но что записывать? Примѣръ такой не новой.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

III.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ; —
А я . . . признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ,
И бросясь на постель, займусь *Шехеразадой*!
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ . . . прощай учитель,
Симбирскъ и Волга! . . . всё забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,
И Визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,

И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучшель вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ не важны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайтежь. Во дни иль самаго Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей — одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ
Послѣдній долгъ отдалъ, какъ говорятъ, Природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ, потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
„Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну,
Съ начала въ малый торгъ, а тамъ — авось и въ дальной!"
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —

Всё, всё изъ хрусталя! — Склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, щастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробѣ погребена. —
Вотъ вздоръ какой мелю! — погребена — пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышомъ по крайней мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни — хоть куда изрядненькой доходъ!
На нихъ . . . еще куплю посуды; лучше тише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,
И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году всё выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужь быть и въ десяти,
И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду . . . ювелиръ! боярынямъ, боярамъ
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и . . . и — всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ.
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачь, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ

С҃ знатнѣйшими людьми:
Их҃ дружба лишь на взгляд҃ спесива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Так҃ и полюбишься — она не прихотлива;
А у меня тогда
Всѣ тропки порастут҃ Персидским҃ виноградом҃;
Шербет҃ польется как҃ вода;
Фонтаны брызнут҃ лимонадом҃,
И масло розово к҃ услугам҃ всѣх҃ гостей.
А о столѣ уже ни слова;
Я только то скажу, что нѣт҃ таких҃ затѣй,
Нѣт҃ в҃ свѣтѣ кушанья такова,
Какого у меня не будет҃ за столом҃;
И мой великолѣпный дом҃
Храм҃ будет҃ роскоши для всѣх҃, кто мнѣ любезен҃,
Иль властію своей полезен҃;
Всѣх҃ буду угощать: Пашей, наложниц҃ их҃,
Плясавиц҃, плясунов҃ и Кадіев҃ лихих҃ —
Визирских҃ подлипал҃ — и так҃ умом҃, трудами,
А болѣ с҃ знатными водяся господами,
Легко могу войти в҃ чины, и в҃ знатный брак҃...
Прекрасно! точно так҃!
Вдруг҃ гряну к҃ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремит҃;
Скажу ему: „вступи в҃ родство со мною;
Будь тесть мой!" Естьли он҃ хоть чуть зашевелит҃
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся он҃ с҃ усами!
Но, нѣт҃! Визирска дочь так҃ вѣрно мнѣ жена,
Как҃ на небѣ луна,

И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ, какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю Визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужь на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ
Среди куреній благовонныхъ.
Я сѣвши, важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: „Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
Обѣщанные мной тебѣ за перву ночь;
И сверхъ того еще вотъ пять во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
А съ ними и мое прими благодаренье." —
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу;
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра . . . о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу: весь народъ,
Отъ мала до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричатъ, составя хоръ:

„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“
А въ залѣ знатность: Сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ,
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
И тутъ-то важну роль Вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему.
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,
Съ которой около трехъ дней
Я жилъ душею въ душу!
О! я уже тебя не трушу,
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь —
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь. . .
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
Пинками!“ . . . И въ жару восторга, нашъ мечтатель,
Визирской гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ; а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и — въ дребезги разбился! —
И такъ, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — разженился.

IV.

КАРТИНА.

Ужь ночь на Петербургъ спустила свой покровъ;
Уже на чердакахъ у многихъ изъ творцовъ
Погасла свѣчка и курилась,
И ихъ объятая восторгомъ голова
На риѳмы и слова
Сама собой скатилась:
Козлова ученикъ
Въ своемъ уединеньи,
Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размышленьи,
Вдругъ слышитъ шумъ и крикъ:
Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? А! здѣсь? — И видитъ предъ собою,
Когожь? — Князь *Вѣтровъ* шаркъ ногою! —
„Слуга покорнѣйшій! а я, оставя балъ,
Заѣхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ.
Я слышалъ, въ городѣ васъ всѣ зовутъ Апелломъ;
Не можете ли вы мнѣ кистію своей
Картину написать? да только поскорѣй!
Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть богъ брака,
Не тотъ, что пишется у насъ сапунъ, зѣвака,

Иль плакса, иль брюзга; но легкой, милый богЪ,
Который бы привлечь и труженика могЪ —
ГименЪ, и сЪ нимЪ АмурЪ, всегда вЪ восторгѣ новомЪ,
Веселый, миленькой, и — живчикЪ, однимЪ словомЪ,
ВзявЪ за руки меня, подводятЪ по цвѣтамЪ,
Разбросаннымъ по всѣмЪ мѣстамЪ,
КЪ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною —
Я завтра привезу портретЪ ея сЪ собою.
Владычица моя, вЪ пятнадцатой веснѣ,
ВручаетЪ розу мнѣ;
ВокругЪ ея толпой забавы, игры, смѣхи;
Вдалижь, подЪ миртами, престолЪ любви, утѣхи,
УсыпанЪ розами и весь почти вЪ тѣни
ДеревЪ, гдѣ вѣтерокЪ заснулЪ среди листочковЪ..
Да! не забыть притомЪ и страстныхЪ голубочковЪ —
ВотЪ слабый вамЪ эскизЪ! — ЧрезЪ три, четыре дни
Картина, думаю, ужь можетЪ быть готова;
О благодарностижь моей теперь ни слова,
ДокажетЪ опытЪ вамЪ — прощайте!" И — изчезЪ.
ПроходитЪ ночь; сЪ зарей, разлившей свѣтЪ сЪ небесЪ,
ХудожникЪ нашЪ за кисть — старается, трудится:
Что ко лбу перстЪ, то мысль родится,
И что черта,
То нова красота.
Уже творецЪ картины
СвершилЪ свой трудЪ до половины,

Какъ вдругъ
Почувствовалъ недугъ,
И животворна кисть изъ слабыхъ рукъ упала;
Минута между тѣмъ желанная настала:
Князь Вѣтровъ женится, хотя картины нѣтъ.
Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ;
Что день, то новый даръ въ возлюбленной Княгинѣ;
Мила, божественна, при всѣхъ и наединѣ.
Ужь мѣсяцъ брака ихъ протекъ,
И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ.
Благодаря судьбину,
Искусникъ нашъ съ постели всталъ,
Съ усердьемъ принялся дописывать картину,
И въ три дни дописалъ.
Божественный талантъ! изящное искуство!
Какой огонь! какое чувство! . . .
Но полно, поспѣшимъ мы съ нею къ Князю въ домъ:
Онъ вышелъ въ шлафрокѣ, нахлученъ калпакомъ,
И сонными взглянувъ на живопись глазами:
„Я болѣе, сказалъ, доволенъ былъ бы вами,
Когда бы живопись была
Не столь игрива, весела.
Я чувствую, она нѣжна, остра, прекрасна;
Но для женатаго . . . ужь слишкомъ любострастна!
Не можно ли ее поправить какъ-нибудь? . . .
Какой морозъ! моя ужасно зябнетъ грудь:
Прощайте!" — Апеллесъ, разставшись съ сумазброднымъ,
Засѣлъ картину поправлять
Съ терпѣніемъ, артисту сроднымъ,
Иное въ ней стирать, иное убавлять,

Соображался съ послѣднимъ Князя вкусомъ.
Шесть ровно дней пробывъ картина подъ искусомъ,
Представилась опять сіятельнымъ глазамъ.
Но, ахъ! знать было такъ угодно небесамъ:
Сіянье ихъ совсѣмъ затмилось,
И ужь почти ничто въ картинѣ не годилось. —
„Возможно ль! . . . Это я?"
Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ:
„Вы сдѣлали меня совсѣмъ уже Хоревомъ (1),
Ужь слишкомъ пламеннымъ . . . да и жена моя
Здѣсь самая Венера!
Нѣтъ, не прогнѣвайтесь, во всемъ должна быть
мѣра!"
Такъ о картинѣ Князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.
Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла,
Тѣмъ строже переборъ отъ Князя былъ всему:
Уже не взмилились и Граціи ему,
Потомъ и одръ любви и миртовы кусточки;
Потомъ и нѣжные слетѣли голубочки;
Потомъ и смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ,
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

---

(1) Дѣйствующее лице въ Трагедіи Г. Сумарокова.

V.

ПРИЧУДНИЦА.

ВЪ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Рускіе бояре
Тогда ужь бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужь позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома, иль одна
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольной театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ *Марьиной* подъ тѣнью отдохнуть —
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтрана* процвѣтала;
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца,

Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однако меньше знали.
Вѣтряна куколкой всегда разряжена,
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна *Вѣтряна* лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
„Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ *ужасть* неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то всё молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та всё чинится; та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.“ —
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ;

Родня и другъ ее забылъ,
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью одной —
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу! —
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ *Вѣтрана* съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужь и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью — а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки! —
О естьли бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунской витязь мой, о Ротмистръ Брамербасъ!
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужь ты не конь ... еще тому не вѣрилъ!
О естьли бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ! тебя ужь нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
И такъ дослушайтежь. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, *Вѣтрана* подъ окномъ,
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: „Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! не ужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, естьли бы она хоть глазки показала!" —
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предстала:
— Здорово, дитятко! *Вѣтранѣ* говоритъ;
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?

Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся . . . — „Матушка! отвѣтствуетъ она:
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И всё чего-то я ищу."
— Чего же, свѣтикъ мой? Или ты нездорова? —
„О! нѣтъ, грѣшно сказать." — Иль домъ вашъ не богатъ? —
„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ."
— Иль мужъ обычая лихова? —
„Напротивъ, врядъ найти другова,
Который бы жену столь горячо любилъ."
— Иль онъ не нравится? — „Нѣтъ, онъ довольно милъ."
— Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —
„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна."
— Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ? —
„Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я всё въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ-нибудь попасть отсель
Хотя за *тридевять* земель;
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ,
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу. . . .
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!"

Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ прозьбою такой?
Желанье дерзко . . . безразсудно,
То правда; но его исполнить мнѣ нетрудно;
За чемъ же дурочку отказомъ огорчить? . . .
Къ томужь, я тѣмъ могу ее и поучить.
— Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала. —
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнной,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнной!
Въ немъ рѣки, какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны, иль топасны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичь (*) самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы,
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ)
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ,
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя Природы,
Какими свадебны набиты Руски оды;

(*) Ипполитъ Өедоровичь, Авторъ Поэмы: *Душенька.*

А садъ — повѣритель? — не только описать,
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать!
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много, много, что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село тебѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать: *Вѣтрана*, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которыебъ почлись за солнечные ними,
Какъ яркой молніей слѣпитъ *Вѣтранинъ* взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней, или фарфоръ —
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужь такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ,
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
— Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и Духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ моимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,

Отправлюся на мало время —
Вѣдь у меня заботъ беремя —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда — въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужь оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану. —
Тутъ коврикъ *самолётъ* она подостлала,
Ступила, свиснула, и въ мигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная *Вѣтрана*,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали, и за столъ роскошный посадили,
Какого и *видомъ не видано* у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти, какъ ты . . . мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужь спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;

Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтраною* уснулъ.
Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ возкурилась;
Взыгралъ и солнца лучь, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: „проснись, проснись, счастливая *Вѣтрана!*"
Она проснулася, и спальная ужь садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса *Вѣтрана* обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза разцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ Природѣ и Веснѣ,
И попугаи голубыя
Со Эхомъ въ запуски твердятъ:
„*Вѣтрана!* насыщай свой взглядъ!"
А къ полднямъ новая картина;
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина;
И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился

На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
С такою жь пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ *Вѣтраной* очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести, это рай! ну, естьли бы теперь,
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь . . .“
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тожь. — „Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:
Всё эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь.“ —
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,

Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная *Вѣтрана*,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ —
И гдѣ жь, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали:
Всё спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь кустъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждетъ, когда луны забрезжетъ блѣдный свѣтъ!
Но это часъ воровъ! и такъ она рѣшилась
Не мѣшкая идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *ку ку*!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за-деревьевъ роги;
То слышится *ау*; то вспыхнулъ огонёкъ;

То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенёкъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ Журналы отдавалъ;
Не даромъ и *Вѣтрана* плачетъ!
Ужь въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми,
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ! . . .
Кто ты? нагнавъ, ее онъ грозно продолжалъ;
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперегъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
Чрезъ холмы, горы и овраги,
И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ
словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ! . . . . и пробудилась. —
Представьте, какъ она взглянувши удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходской попъ молился и читалъ;

Въ другомъ углу колдунъ *досужій* (*) бормоталъ;
У шкафажъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ,
За тѣмъ, что былъ одинъ.
И все собраніе *Вѣтраны* съ первымъ взоромъ;
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась! — и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла *Всевѣда* въ дверь
И бросилась къ *Вѣтранѣ*.
,,Ахъ, бабушка! за чемъ явилась ты не ранѣ?
Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?
И что я видѣла? . . . Страхъ . . . ужасъ!" — Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаетъ;
Прости, развеселясь старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ прозьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила,
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

(*) Въ старину ихъ называли *досужими*. См. Ядро Росс. Истор. К. Хилкова.

Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива. —
Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтрана* обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*.
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;
Наѣхали, нашли, и сѣли пировать:
Ужь липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
„Что матушки Москвы и краше и милѣе?" —
На силу досказалъ.

СОДЕРЖАНІЕ

второй части.

Сказки.

ПОГРѢШНОСТИ
во второй Части:

Стран.	Стр.	*Вмѣсто:*	*Поставить:*
1.	3.	qu'il à chéri.	qu'il a chéris.
8.	25.	Готовъ трофеи	Готовь трофеи
11.	13.	Всемъ	Всѣмъ
15.	9.	надмѣнный !	надменный !
18.	20.	всемъ	всѣмъ
19.	13.	меньте	меньше
21.	9.	ни чемъ	ни чѣмъ
25.	13.	крылошки	крылышки
27.	2.	страсшно	страстно
—	25.	Винишь	Винить
34.	13.	и Темиру	и Темиру,
46.	12.	лѣнты	ленты
64.	1.	Мадригаллы.	Мадригалы.
65.	3.	всемъ	всѣмъ
80.	3.	шаталась ужь	шаталась, ужь
—	5.	не повстрѣчалась	не повстрѣчалась!
—	6.	говорятъ	говорятъ.
—	7.	на пескѣ	на пескѣ !
89.	11.	то ько	только
—	20.	Мадригалъ	мадригалъ

Стран.	Стр.	Вмѣсто:	Поставить:
95.	4.	л'иры - - - -	лиры
96.	17.	Коллардо - - -	Колардо
—	19.	Бюфона - - -	Бюффона
114.	1.	гдѣ же онъ? - -	гдѣ же онъ? —
124.	11.	ризмышленьи -	размышленьи
139.	13.	нагнавъ, ее - -	нагнавъ ее,
140.	15.	за чемъ - - -	за чѣмъ
143.	6.	Мадригаллы. - -	Мадригалы.
144.	12.	118. - - - -	128.

СОЧИНЕНІЯ

ДМИТРІЕВА.

Il veut le ſouvenir de ceux qu'il à chéri.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе третіе.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1810.

~~~~~~

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

~~~~~~

БАСНИ.

Часть III.

БАСНИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Басня I.

Дубъ съ Тростїю вступилъ однажды въ разговоры:
Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшїй вѣтерокъ, едва струящїй воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду;

И гнетъ тебя къ земли,
Тогда, какъ я — высокъ, осанистъ и вдали,
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Всё для меня Зефиръ, тебѣжь всё Аквилонъ.
Блаженнабъ ты была, когдабъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Тыбъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
Расти, намѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
Почести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
„Ты очень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать;
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождемъ конца.“ ... Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — всё рушитъ и валитъ;
Летитъ, кружится листъ, Трость гнется — Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи —
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

Басня II.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышенокъ, невидавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:
,,Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужь не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловидѣнъ былъ собою!
Другой — нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ

Какой-то огненнаго цвѣта,
И такъ, какъ двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я таки не трусъ, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга;
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.“
— А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила,
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ — Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, смиренный куръ любитель:
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ, по виду ты не дѣлай заключенья!

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Басня III.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландской сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландской сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,

Работать міру кто отрекся для Него,
Однажды предъ нее предстало воздыхая
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ:
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И *Крысополисъ* ихъ въ осадѣ ужь держалъ.
„Всеобща бѣдность и невзгода,
Посольство говоритъ, причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ! и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ, и бить челомъ,
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ."
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою крестомъ,
„Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да низпошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова." —
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать! — Нѣтъ, Дервишъ.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Басня IV.

ижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поетъ:
„Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
о вотъ ужь и взошло! какъ тихо и красно!
акая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
хъ! я такого дня не видывалъ давно."
о безъ товарища и радость намъ не въ радость:
елаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
„Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
мотри, какъ солнышко..." — Но солнце вдругъ сокрылось,
І небо тучами отвсюду обложилось;
сѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
ишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
а ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;

Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ!
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькой мой Чижъ! онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами
Носокъ повѣся говоритъ:
„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ.“

~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~

МѢСЯЦЪ.

Баснь V.

Настала ночь, и скрылся образъ Феба.
„Утѣшьтесь! Мѣсяцъ говоритъ:
Мой лучь не менѣе горитъ.
Смотрите: я взошелъ, и свѣтъ лію къ вамъ съ неба!"

*

Пусть переводчики дадутъ ему отвѣтъ:
Какъ мѣсяцъ ни свѣти, но всё не солнца свѣтъ.

ЛИСА-ПРОПОВѢДНИЦА.

Басня VI.

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всемъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла;
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на перечотъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?

Но Лисій дальновидѣнъ взоръ:
Она перемѣнила струны;
Взяла суровый видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Чтожь? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, не смотря, что въ немъ порода Львина,
Былъ смирный, такъ сказать, дѣтина,
И набожный подъ старость дней.
„Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за диво?"
За словомъ въ слѣдъ указъ,
И въ сутки, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена, и проповѣдь сказала;
Какую жь проповѣдь! изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
И тутъ же стонъ.
И слезы извлекала,
Представя, какъ отъ нихъ
Невинность унываетъ,
И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
На небо лишь взираетъ,
Откуда праведный Судья и Царь царей
Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при Дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!

Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ,
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чего жь ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда;
Я твой должникъ.“ — Лиса глядь, глядь туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
„Всещедрый Царь — отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
Индѣекъ . . . *малую-толику*.

ЛАСТОЧКА и ПТИЧКИ.

Басня VII.

Летунья Ласточка и тамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна
И стали сѣять ленъ. „Не по сердцу мнѣ это!
Пичужечкамъ она твердитъ;
Сама я не боюсь, но васъ жаль: придетъ лѣто,
И это сѣмя вамъ напасти породитъ :
Произведетъ силки и сѣтки,
И будетъ вамъ виной
Иль смерти, иль неволи злой;
Страшитесь вертела и клѣтки!
Но умъ поправитъ все, и вотъ его совѣтъ :
Слетитесь на загонъ и выклюйте все сѣмя"
— Пустое! разсмѣясь вскричало мѣлко племя :
Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма нѣтъ! —

Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,
А птичка ту же пѣсню пѣть:
„Эй худу быть! еще вамъ, птички, предвѣщаю:
Не дайте льну созрѣть;
Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться лиха!“
— Молчи, зловѣщая вралиха!
Вскричали птички ей:
Ты думаешь легко высчипывать все поле! —
Еще прошло съ десятокъ дней,
А можетъ и гораздо болѣ,
Ленъ выросъ и созрѣлъ.
„Ну, птички, вотъ ужь ленъ поспѣлъ;
Какъ хочете меня зовите,
Сказала Ласточка, а я въ послѣдній разъ
Еще пришла наставить васъ:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать,
А послѣ съ вами воевать:
Силками васъ ловить, изъ ружей убивать,
И сѣтью покрывать;
Избавиться такого бѣдства
Другаго нѣтъ вамъ средства,
Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не журавли,
Для васъ вѣдь море край земли;
Такъ лучше ближе пріютиться,
Забиться въ гнѣздышко, да въ немъ не шевелиться.“
— Пошла, пошла! другихъ стращай
Своимъ ты вздоромъ!

Вскричали пташечки ей хоромъ;
А намъ гулять ты не мѣшай. —
И такъ онѣ въ поляхъ летали да летали,
Да въ клѣтку и попали.

*

Всякъ только своему разсудку въ слѣдъ идетъ;
А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

Баснь VIII.

,,Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
И сторожъ и Министръ, и олтарей служитель,
И докторъ, и больной, и самый Государь —
Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ Календарь!
Я всякому изъ нихъ минуты означаю,
Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!"
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась Стрѣлка часовая,
Межь тѣмъ, какъ бѣдная Пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!

✣

Пружина Секретарь, а стрѣлка, между нами . . .
Но вы умны; смекайте сами.

ЧЕЛОВѢКЪ и КОНЬ.

Басня IX.

Читатели! хотите ль знать,
Какъ лошадь намъ покорна стала?
Когда семья людей за лакомство считала
Коренья, жолуди жевать;
Когда еще, не такъ какъ нынѣ,
Не знали ни каретъ, ни шоръ, ни хомутовъ;
На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочетъ, всей скотинѣ:
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами;
Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы отплатить, да на бѣду ногами
Не такъ проворенъ, какъ Олень;
Гоняяся за нимъ напрасно, сталъ онъ въ пень.
Что дѣлать? Мщеніе отъ вѣка
Пружина важная сердецъ;
И Конь прибѣгнулъ, наконецъ,
Къ искусству человѣка.

А тотъ и радъ служить: скотину онъ взнуздалъ,
Вспрыгнулъ къ ней на спину, и столько рыси далъ,
Что прыткой нашъ Олень въ минуту сталъ ихъ
жертвой :
Настигнутъ, пораженъ и палъ предъ ними мертвой.
Тогда помощника она благодаритъ ;
„Ты мой спаситель! говоритъ ;
Мнѣ не забыть того, пока жива я буду ;
А между тѣмъ . . . уже не въ мочь моей спинѣ ;
Не льзя ль сойти съ меня ? Пора мнѣ въ степь
отсюду !"
— За чѣмъ же не ко мнѣ ?
Сказалъ ей Человѣкъ: въ степи какой ждать холи?
А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ ,
И по брюхо всегда въ овсѣ. —
Увы ! что сладкій кусъ , когда нѣтъ милой воли!
Увидѣлъ бѣдный Конь и самъ, что сглуповалъ ,
Да поздно : подъ ярмомъ состарѣлся , и палъ.

ЛЕБЕДЬ и ГАГАРЫ.

Басня X.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
Гагары на него изъ зависти напали,
И крылья тиной замаравъ,
Вкругъ Лебедя тѣснясь, нарочно отряхали,
И брызгами его марали;
Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ:
Онъ въ воду погрузился,
И въ прежней бѣлизнѣ
Съ величествомъ явился.

*

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
Возитесь, какъ хотите,
Но право, истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ.

РУЖЬЕ и ЗАЯЦЪ.

Басня XI.

Трусливыхъ наберешь не мало,
Отъ скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душею не собрался,
А только сжался,
И, уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ;
Часъ и еще — перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытной взглядъ. —
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ —
И наконецъ къ Ружью подходитъ. —
Такъ это, говоритъ, на Зайца страхъ наводитъ;
Посмотримъ ближе . . . . да оно
Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!

Ага! хозяинъ спитъ — такъ и Ружье равно
Безсильно, какъ лоза, безъ помощи другова.
Сказавши это, Заяцъ мой
Въ минуту сталъ и самъ герой:
Храбрится, и Ружье ужь лапою толкаетъ.
Прочь, бѣдна тварь! Ружье молчанье прерываетъ:
Или не знаешь ты, что я лишь захочу,
Сей часъ тебя въ ничто за дерзость преврачу?
Отъ грома моего и Левъ побѣдоносный,
И кровожадный Тигръ со трепетомъ бѣгутъ;
Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!
Иль молніи мои тебя сожгутъ.
,,Не такъ-то строго!
Отъ Зайца былъ Ружью отвѣтъ:
Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ;
И между Зайцами трусливыхъ ужь не много.
Ты страшно лишь въ рукахъ стрѣлка, а безъ него
Ты ничего.''

*

Ничто и ты, Законъ! подумаетъ читатель,
Когда не бодрствуетъ, но дремлетъ Предсѣдатель.

ОРЕЛЪ, КИТЪ, УЖЪ и УСТРИЦА.

Басня XII.

Орелъ парилъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ, а Ужъ ползъ по земли;
И всѣ, что рѣдкость между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долѣ;
Однакожъ говорить и мыслить въ нашей волѣ.
И Устрица моя ни мало не винна,
Что, глядя на тово, другова,
Возстала на судьбу она.
Тьфу пропасть! вскрикнула, не ужель никакова
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я! ... нѣтъ, это даръ не мой;
Дай поплыву! — всё идетъ хило;
Хоть пополземъ — ни тутъ-то было!
А что и этова досаднѣе сто разъ:
Подкрался водолазъ,
Который видно что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ ротъ и на здоровье скушалъ.

*

Вотъ такъ - то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ!
И рѣдкой человѣкъ
Доволенъ участью бываетъ.
„Изрядно, но ... авось и лучшее найду."
А смотришь: и нашелъ бѣду!

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ.

Басня XIII.

Двѣ Лошади везли карету.
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:
„Съ какою завистью смотрю на пару эту!
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ нибудь ее я не встрѣчалъ;
Всё вмѣстѣ; видно очень дружны!“
— Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ Лошадей:
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка ль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?
Увы! не намъ чета, живутъ на насъ похоже!“ —
Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ Собраньи то же.

ДВА ГОЛУБЯ.

Баснь XIV.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.
Соскучился одинъ все видѣть тожь да тожь;
Задумалъ погулять, и другу въ томъ открылся;
Тому вѣсть эта острый ножъ,
Онъ вздрогнулъ, прослезился
И къ другу возопилъ:
Помилуй, братецъ! чѣмъ меня ты поразилъ?
Легколь въ разлукѣ быть! . . . Тебѣ легко, жестокой!
Я знаю; ахъ! а мнѣ . . . я съ горести глубокой
И дня не проживу. . . . Къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускаться?
Хоть до Зефировъ ты, Голубчикъ, погоди!
Къ чему спѣшить? Еще успѣемъ мы разстаться!
Теперь лишь Воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнія — страшуся я безмѣрно! —
Какой нибудь изъ птицъ напасть онъ предвѣщалъ,

А сердце въ горести и пуще имовѣрно!
Когда разстанусь я съ тобой,
То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
То Ястребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками;
То Коршунами, то силками —
Все злое сердце мнѣ на память приведетъ;
Ахти мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ!
Здоровъ ли-то мой другъ? не терпитъ ли онъ холодъ?
Не чувствуетъ ли голодъ?
И мало ли чего не вздумаю тогда!"
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.
Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
А всё-таки летѣть желаетъ.
„Нѣтъ, братецъ! такъ и быть, сказалъ онъ, полечу!
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь, пройдетъ дни три, и буду я съ тобою
Клевать
И ворковать
Опять подъ кровлею одною;
Начну разсказывать тебѣ по вечерамъ —
Вѣдь все одно да тожъ приговорится намъ —
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,
А тамъ случилось то со мной —
И ты, дружечикъ мой,
Наслушаясь меня, такъ свѣдущъ будешь къ лѣту,
Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.

Простижь!“ — При сихъ словахъ,
На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и разстались.
Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, летитъ, летитъ стрѣлою,
И вѣрнобъ сгоряча край свѣта залетѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо страннику въ глаза
Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать вамъ словомъ,
Со всею свитою, какъ водится, гроза!
При случаѣ такомъ, опасномъ, хоть не новомъ,
Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился
И въ путь опять пустился;
Летитъ, и видитъ съ высока
Разсыпанно пшено, а возлѣ Голубка!
Садится, и въ минуту
Запутался въ сѣти; но сѣть была худа,
Такъ онъ противъ ее носкомъ вооружился;
То имъ, то ножкою тянувъ, тянувъ — пробился
Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь; но это ли бѣда?
Ко прибавленью страха,
Явился вдругъ Соколъ, и со всего размаха
Напалъ на бѣдняка,
Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами,

Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но, къ счастью, тутъ Орелъ съ широкими крылами
Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ;
И такъ, благодаря стеченію воровъ,
Нашъ путникъ Соколу въ добычу не достался;
Однако все еще съ бѣдой не развязался:
Летя отъ Сокола, отъ страха, или такъ,
Насунулся избы на уголъ, какъ дуракъ,
И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка —
Знать голубиный былъ и въ томъ еще умишка —
Кирпичь иль камешекъ лукнулъ,
И такъ его зашибъ, что чуть онъ отдохнулъ;
Потомъ. . . . потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился брести назадъ, полмертвый, полхромой,
И прибылъ наконецъ калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ,
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь;
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ, для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
Присутствіемъ моей любезной озаренной,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,

И царства въ небесахъ! . . . Придетель вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Конецъ первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ.

МУДРЕЦЪ и ПОСЕЛЯНИНЪ.

Басня I.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!
Не знаю, могутъ ли они меня прославить;
Но мнѣ ихъ тяжело оставить.
Съ животными я радъ всечасно лепетать,
И вѣкъ мой коротать;
Люблю ихъ общество! — Согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сутяга и пролазъ,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вамъ между насъ:
Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И плутъ за плута — я лису предпочитаю!
Такихъ же мыслей былъ покойникъ, мой землякъ,
Не авторъ, ниже чтецъ, однако не дуракъ,
Честнѣйшій человѣкъ, оракулъ всей округи:
Отецъ ли огорченъ, размолвятся ль супруги,

Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ разсчотъ,
Сироткаль своего лишается наслѣдства:
Всѣмъ нужда до его совѣтовъ, иль посредства.
Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ
На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,
Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!
,,Ты правъ! ты виноватъ!" бывало скажетъ онъ,
И этотъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.

Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
Проѣзжій — моралистъ, Натуры испытатель.
,,Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
Наставилъ мудрости? Какихъ Монарховъ дворъ
Открылъ передъ тобой всѣ таинства правленья?
Зенона ль строгаго держался ты ученья,
Иль Пиѳагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?
У Епикура ли быть счастливымъ учился,
Или божественнымъ Платономъ озарился?"
— А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!
Отвѣтствуетъ ему смиренно сельскій житель:
Природа мнѣ букварь, а сердце мой учитель.
Вселенну населилъ животными Творецъ;
Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:
У кроткихъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;
У муравья къ труду прилѣжнымъ
И на зиму запасъ копить;
Воломъ я наученъ терпѣнью;
Овечкою смиренью;
Собакой неусыпнымъ быть;

А естьлибъ мы дѣтей невольно не любили,
То куры бы меня любить ихъ научили;
По мнѣ же такъ легко и всякаго любить!
Я зависти не знаю;
Доволенъ тѣмъ, что есть — богатый пусть богатъ;
А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю,
И съ нимъ дѣлиться радъ;
Стараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ властью,
И только — вотъ и вся моя наука счастью!

МОЛЧАНІЕ СОЛОВЬЯ.

Баснь II.

Умолкъ Соловушко! конечно бѣдный боленъ,
Или подружкой не доволенъ,
А можетъ и несчастливъ въ ней!
Мнѣ жалокъ онъ! сказалъ печально Воробей. —
— „Онъ жалокъ? Зяблица къ словамъ его пристала:
Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
Я лучше отгадала:
Любилъ онъ, такъ и пѣлъ; сталъ счастливъ, замолчалъ."

КАЛИФЪ.

Басня III.

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью,
Едвали приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Ни злыхъ, ни совѣсти ни мало не страшился,
И *тихимъ вечеромъ* своимъ доволенъ былъ.
Но хижиной его Визирь сталъ недоволенъ:
„Терпимъ ли, онъ своимъ разсчитывалъ умомъ,
Видъ бѣдности передъ Дворцомъ?
Но развѣ Государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть."
На этотъ разъ Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ.
Докладъ подписанъ такъ: „*Быть по сему; но прежде*
Строенье ветхое купить."
Послали Кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонными мѣшокъ —

„Мнѣ въ деньгахъ нѣтъ нужды, сказалъ имъ простачокъ:
А съ домомъ ни за что не можно мнѣ разстаться;
Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ конецъ.
Калифъ конечно самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобострастенъ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять въ мигъ гнѣздо мое, какъ прахъ;
Но чтожь послѣдуетъ? Несчастнымъ слезы въ пищу:
Я всякой день приду къ родиму пепелищу;
Возсяду на кирпичь съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода,
И буду предъ Отцемъ народа
Оплакивать мой жребій злой!"
Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А тотъ спѣшитъ объ немъ Калифу донести.
Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?
Ужель останется рабъ дерзкой не наказанъ?
Калифу говорилъ Визирь наединѣ.
„Да! подхватилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ;
И я тебѣ повелѣваю:
Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
Исправить хижину на счетъ моей казны;
Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ Дворецъ: такой-то пышно жилъ;
А эта хижина: онъ правосуденъ былъ!

ОСЕЛЪ, ОБЕЗЬЯНА и КРОТЪ.

Басня IV.

Не диво ли? Оселъ вдругъ ипохондрикъ сталъ!
Зарюмилъ, зарычалъ;
За чемъ неправосудны боги
Быкамъ крутые дали роги,
А онъ рожденъ безъ нихъ, а онъ безъ нихъ умретъ?
Дуракъ дурацкое и вретъ;
Онъ видно думалъ, что въ народѣ
Рога въ великой модѣ.
Какъ Обезьяну намъ унять,
Чтобъ ей чего не перенять?
Ну, и она богамъ пенять,
За чемъ, къ ея стыду, печали,
Они ей хвостъ коротной дали?
„А я и слѣпъ! — Зажмитежь ротъ!
Сказалъ имъ, высунясь изъ норки, бѣдный Кротъ!"

АМУРЪ, ГИМЕНЪ и СМЕРТЬ.

Басня V.

Амуръ, Гименъ со Смертью строгой
Когда-то шли одной дорогой
Изъ свѣта по своимъ домамъ,
И вздумалося молодцамъ
Втащить старуху въ разговоры.
Признайся, говорятъ, ты, Смерть, не рада намъ?
Ты ненавидишь насъ? — „Я? вытараща взоры,
Спросила Смерть ихъ: да за что?“
— Ну, какъ за что! за то,
Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ:
Ты всё моришь, а мы раждаемъ. —
„Пустое, братцы! Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:
Я зла на васъ? . . . Перекреститесь!
Людьми снабжая свѣтъ,
Вы для меняжь трудитесь.“

ПРОХОЖІИ.

Баснь VI.

Прохожій въ монастырь зашедши на пути,
Просилъ у братій позволенья
На колокольню ихъ взойти.
Взошелъ, и сталъ хвалить различныя явленья,
Которыя ему открыла высота:
„Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!
Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
Великолѣпныя картины!
Не правда ли? вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ братій съ нимъ стоящихъ."
Да! труженикъ, вздохнувъ, отвѣтствовалъ ему:
Для проходящихъ.

ДВА ДРУГА.

Басня VII.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,
И каждый часъ
Другъ съ друга не спускали глазъ;
Всё вмѣстѣ, только ночь одна ихъ разводила;
Но, нѣтъ, и въ ночь душа съ душею говорила.
Однажды одному приснился страшный сонъ;
Онъ вмигъ изъ дому вонъ,
Бѣжитъ встревоженный ко другу,
И будитъ — тотъ вскочилъ.
Какую требуешь услугу?
Смутясь онъ говорилъ:
Такъ рано никогда, мой другъ, не пробуждался!
Что значитъ твой приходъ? Иль въ карты про-
играся?
Вотъ вся моя казна! Иль кѣмъ ты огорченъ?
Вотъ шпага! я бѣгу — умру, иль ты отмщенъ! —
,,Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое,
Другъ нѣжный отвѣчалъ: останься ты въ покоѣ;

Проклятый сонъ всему виной!
Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,
И я . . . . я столько тѣмъ смутился,
Что тотчасъ пробудился,
И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоить духъ."
Какой безцѣнный даръ, прямой, сердечный другъ!
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства;
Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдства;
Его бездѣлка, сонъ, ничто приводитъ въ страхъ —
Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ, — и онъ же на устахъ!

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

СОВѢСТЬ.

Басня VIII.

Не тигръ, а человѣкъ — и сынъ убилъ . . . отца!
Убилъ, но никому невѣдомо то было;
Однакожь сердце въ немъ уныло,
Завянулъ цвѣтъ лица,
Сталъ робокъ, одичалъ, и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса.
Однажды, между тѣмъ, какъ онъ бродилъ, томился,
Попалося ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ каменья
И началъ въ нихъ лукать;
Прохожій, видя то, и выйдя изъ терпѣнья,
Кричитъ ему: почто невинныхъ убивать? —
„Какъ! онъ отвѣтствуетъ, легка ли небылица? —
Проклятые кричатъ, что я отцеубійца!"
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;
Онъ весь трясется и блѣднѣетъ;
Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу яснѣетъ,
Винится, и вкусилъ со смертію позоръ.

О Совѣсть! добрыхъ душъ послѣдняя подруга!
Гдѣ уголокъ земнаго круга,
Куда бы не проникъ твой гласъ?
Неумолимая! вездѣ найдешь ты насъ.

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ.

Басня IX.

,,Возможно ли, какъ въ тридцать лѣтъ
Перемѣнилось все! ... ей ей другой сталъ свѣтъ!
— Подагрикъ размышлялъ, на креслахъ нянча ногу —
Бывало въ наши дни и помолишься Богу,
И погулять, всему былъ часъ;
А нынѣ.... что у насъ?
Повсюду скука да заботы,
Ни пляшутъ, ни поютъ — нѣтъ ни къ чему охоты!
Такаяль въ старину бывала и весна?
Гдѣ нынѣ красны дни? гдѣ слышно птичекъ пѣнье?
Охти мнѣ! знать пришли послѣдни времена;
Предвижу я твое, Природа, разрушенье!"
При этомъ словѣ вдругъ, съ восторгомъ на лицѣ,
Племянница къ нему вбѣжала!
,,Простите, дядюшка! насъ матушка послала
Съ мадамой въ лѣтній садъ. Всѣ, всѣ ужь на крыльцѣ,
Какой же красный день!" И въ мигъ ее не стало.

— Какая вѣтреность! Вотъ модные умы!
Мудрецъ нашъ заворчалъ: такими ли, бывало,
Воспитывали насъ? Мой Богъ! все хуже стало.—
Читатели! подагрикъ — мы.

~~~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~~~

ДОНЪ КИШОТЪ.

Баснь X.

Надсѣвшись Донъ Кишотъ съ баранами сражаться,
Рѣшился лучше ихъ пасти,
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.
Проворнымъ долголь снаряжаться?
Обломокъ дротика пошелъ за посошокъ,
Котомкой съ табакомъ мѣшокъ,
Фуфайка спальная пастушечьимъ камзоломъ,
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,
У клюшницы своей соломенную взялъ,
И лентой розоваго цвѣта
Подъ блѣдны щоки подвязалъ
Узлами на манеръ букета.
Спустилъ на волю кобеля,
Которой къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И стадо онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу;
И началъ воспѣвать зимой весенню розу.
Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому всё въ ладъ,

И пусть играетъ всякъ любимою игрушкой;
А вотъ что не въ попадъ:
Идетъ коровница — почтя ее пастушкой,
Согнулъ нашъ пастушокъ колѣна передъ ней,
И размахнувъ руками,
Пустился пѣть эклогу ей:
„Аглая! говоритъ, прелестная Аглая!
Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелѣять и любить овечекъ лишь своихъ?
Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,
На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ:
Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего;
Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ:
Увы! мнѣ, кромѣ ихъ, Богъ не далъ ничего!
Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ тобою цвѣтомъ,
Но сердце не твое у нихъ!"
Межь тѣмъ, какъ толстая коровница Аглая,
Кудрявыхъ словъ такихъ
Сѣдаго пастушка совсѣмъ не понимая,
Стоитъ, разинувъ ротъ, и выпуча глаза:
Ревнивый мужъ ея, подслушавъ Селадона,
Такого далъ ему туза,
Что онъ невольно лбомъ отвѣсилъ три поклона;
Однакожь головы и тутъ не потерялъ;
„Пастухъ-невѣжда! онъ вскричалъ:
Не смѣй ты нарушать закона!
Начнемъ пастушій бой;
Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ;
Не бей меня, но пой!"
Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ отвѣчаетъ,

И, къ счастью, въ глазъ, а не въ високъ
Тутъ нѣжный, вѣрный пастушокъ,
Смекнувъ, что это въявь увѣчье, не проказа,
Чрезъ поле рысакомъ во весь пустился духъ,
И съ этой сталъ поры ни витязь, ни пастухъ;
Но просто: дворянинъ безъ глаза.

Ахъ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ,
Что глупости бѣжа, въ другую попадалъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

МУХА.

Баснь XI.

БыкЪ съ плугомЪ на покой тащился по трудахЪ;
А Муха у него сидѣла на рогахЪ,
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
— Откуда ты, сестра? отЪ этой былЪ вопросЪ. —
А та, поднявши носЪ,
ВЪ отвѣтЪ ей говоритЪ: откуда? мы пахали!

ОтЪ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подЪ часЪ вамЪ слышать, господа:
„*Мы* сбили! *мы* рѣшили?“

ПРИДВОРНЫЙ и ПРОТЕЙ.

Басня XII.

Издавна говорятъ, что будто Царедворцы
Для пользъ отечества худые ратоборцы;
А я въ защиту ихъ скажу, что въ старину
Придворный именно спасъ цѣлую страну,
А вотъ какъ это и случилось:
Былъ моръ, изъ края въ край все царство заразилось;
И рабъ, и господинъ, и попъ, лейбмедикъ самъ,
Все мретъ; а срокъ бѣдамъ
Зависѣлъ отъ ума Протея;
Но кто къ нему пойдетъ? Кривляка этотъ богъ
И прыткихъ дѣлывалъ безъ ногъ,
Различны виды брать умѣя.
Изъ тысячи гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,
Хотя онъ при дворѣ возросъ и посѣдѣлъ,
Идти на всякой страхъ, во что бы то ни стало.
Увидя рыцаря, Протей затрепеталъ,
И вмигъ — какъ не бывалъ,
А выползла змѣя прекрасная, скрывъ жало.
,,Куда какъ мудрено!

Сказалъ съ усмѣшкою Придворный:
Я ползать и колоть ужь выученъ давно. —
И кинулся герой проворный
Ловить Протея — тотъ вдругъ обезьяной сталъ,
Тамъ волкомъ, тамъ лисою.
— Не хвастайся передо мною!
И этому гораздъ, Придворный говорилъ,
А между тѣмъ его веревкою крутилъ;
Скрутя же, говорить легко его заставилъ;
И цѣлую страну отъ мора тѣмъ избавилъ.

КОКЕТКА и ПЧЕЛА.

Баснь XIII.

Прелестная Лизета
Лишь только что успѣла встать
Съ постели роскоши, дойти до туалета,
И дружеской совѣтъ начать
Съ повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, желаній,
Отрадъ, веселья и страданій:
Съ уборнымъ зеркаломъ — вдругъ страшная Пчела
Вокругъ Лизеты зажужжала!
Лизета обмерла
Вскочила, закричала:
„Ахъ, ахъ! Миссъ Женни, поскорѣй!
Параша! Дунюшка!" — Весь домъ сбѣжался къ ней;
Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни злато,
Ни что не отвратитъ неумолимый рокъ!
Чудовище крылато
Успѣло уже сѣсть на розовый ротокъ,
И Лиза въ обморокъ упала.
Не дамъ торжествовать тебѣ надъ Госпожой!

Вскричала Дунюшка, и смѣлою рукой
Въ минуту Пчелку поимала;
А плѣнница, въ слезахъ, въ отчаяньи жузжала:
„Клянуся Флорою! хотѣла ли я зла?
Я аленькой ротокъ за розу приняла."
Столь жалостная рѣчь Лизету воскресила;
— Дуняша! говоритъ Лизета, жаль Пчелы;
Пусти ее; она почти не уязвила."

*

Какъ сильно дѣйствуетъ и крошечка хвалы!

ГОРЕСТЬ и СКУКА.

Баснь XIV.

Бѣднякъ, не ѣвши день, отъ глада
Лилъ слезы и вздыхалъ;
Богачь отъ сытости скучалъ,
Зѣваючи средь сада.
Кому тяжелѣе? Чтобъ это разрѣшить,
Я долженъ мудреца здѣсь слово приложить:
Отъ скуки самое желанье отлетаетъ,
А горести слезу надежда отираетъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ и ГВОЗДИКА.

Басня XV.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что же? отъ нее душистымъ сталъ и самъ!

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

МОЛИТВЫ.

Басня XVI.

Благочестивый мужъ стоялъ въ преддверьи храма
Во ожиданіи жреца,
Чтобъ горстью фиміама
Почтить вселенныя Творца
И вознести къ Нему смиренные обѣты:
Онъ въ море отпустилъ пять съ грузомъ кораблей,
Отправилъ на войну любимыхъ двухъ дѣтей
Въ цвѣтущія ихъ лѣты,
И ждалъ часъ отъ часу отъ милыя жены
Любови новаго залога.
Довольно и одной послѣднія вины
Къ тому, чтобъ вспомнить Бога.
Увидя съ улицы его одинъ мудрецъ,
Зашелъ въ преддверіе и сталъ надъ нимъ смѣяться:
Возможноль, говоритъ, какой ты образецъ?
Тебѣ ли съ чернію равняться?
Ты умный человѣкъ, а вѣришь въ томъ жрецамъ,
Что наше пѣніе доходитъ къ Небесамъ!

Невѣдомый, Кто сей громадой міра правитъ,
Кто взглядомъ можетъ все творенье истребить,
Восхочетъ ли на то вниманье обратить,
Что непримѣтный червь Его жузжаньемъ славитъ?
Подите прочь, ханжи, вы съ ладаномъ своимъ!
Вы истинныя вѣры чужды.
Молитвы! ... нѣтъ Тому въ нихъ нужды,
Кто мудрыми боготворимъ.
,,Постой! здѣсь набожный его перерываетъ:
Не истощай ты силъ своихъ;
Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякой знаетъ;
Но можноль намъ прожить безъ нихъ?

СЛѢПЕЦЪ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

Басня XVII.

„И ты несчастливъ! . . . дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать,
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
И легче будетъ намъ.“
Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
И вотъ его же притча вамъ:
Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба:
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ,
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:

Тотъ могъ, хотя въ дали, въ день лѣтній видѣть
поле;
А для него ужь нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скороль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ,
И ту какіе-то злодѣи, не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ;
,,Товарищъ! говоритъ, нещастныхъ сводитъ Богъ:
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!"
— Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему;
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? Я слѣпъ, а ты без-
ногой!
Чтожъ будемъ дѣлать мы? я и еще скажу. —
,,Какъ! подхватилъ слѣпецъ, ты зрячь, а я хожу:
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду."

Конецъ книги второй.

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Басня I.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ
Потѣшные огни, веселья, жертвы, оды;
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
,,Скачи земля! взыграйте воды!
У Льва родился сынъ! — И въ правду, кто не радъ?
Межь тѣмъ, когда всякъ звѣрь восторгомъ упивался,
Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незлобенъ!
Ктобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?
Не шутка скоро отгадать.
Царь въ нерѣшимости велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,
Препоручилъ избрать ему,
По чистой совѣсти, по долгу своему,

Для сына въ Менторы достойнѣйшаго звѣря.
Всталъ Тигръ и говоритъ:
„Война, война Царей великими творитъ;
Твой сынъ, о Государь! быть долженъ страхомъ свѣта;
И такъ образовать его младыя лѣта
Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
Которой всѣхъ, по Львѣ, ужаснѣй и страшнѣй.“ —
— И осторожнѣе, Медвѣдь къ тому прибавилъ,
Чтобъ онъ младаго Льва наставилъ
Умѣть и храбростью своею управлять.
Противу мнѣнья двухъ Лисѣ идти не можно;
Однакожь, такъ и сякъ начавъ она вилять,
Замѣтила, что дятькѣ должно
Знать и политику, быть хитраго ума,
Короче: какова сама.
За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что въ дятьки лучше ихъ ужь не кого избрать.
Совѣты и вездѣ почти на эту стать.
„Позволеноль и мнѣ сказать четыре слова?
Собака, наконецъ, свой голосъ подала:
Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,
Какъ много шума, много зла.
Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью?
Какъ подданыхъ своихъ составитъ щастье онъ?
Какъ будетъ ихъ отцемъ? чѣмъ утвердитъ свой тронъ?
Любовью.
Вотъ таинство, вотъ ключь къ высокой и святой

Наукѣ добраго правленья!
Ктожь Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?
Никто, какъ самъ отецъ." — Тигръ смотритъ, какъ шальной,
Медвѣдь, другіе тожь; а Левъ, отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать:
„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?
О добрый звѣрь! тебѣ вручаю
Я счастіе мое и подданныхъ моихъ;
Будь сыну моему наставникомъ. Я знаю,
Сколь пагубны льстецы! укрой его отъ нихъ;
Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ."
Собака отъ Царя идетъ съ дитятей въ поле,
Лелѣетъ, пѣстуетъ и учитъ между тѣмъ.
Урокъ былъ первой тотъ, что онъ Щенокъ, не Львенокъ,
И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день за днемъ,
Уже питомецъ не ребенокъ,
Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И Львенокъ въ первый разъ узналъ насильство власти,
Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти;
Лиса ѣстъ Кроликовъ, а Волкъ душитъ Овецъ,
Оленя давитъ Барсъ; повсюду, наконецъ,
Могучіе богаты,
Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А Обезьяну золотятъ.

Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
,,Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣденья Царева?
Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!" —
— Какъ могутъ доходить? Собака отвѣчаетъ;
Его одна толпа щастливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
Не говорятъ —
И такъ нашъ Львеночикъ, безъ дальнихъ размышленій
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость ставитъ свѣтъ,
И добръ сталъ и у́менъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.
Онъ, въ доброй школѣ той взрастая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожъ все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему открылъ:
Однажды на пути Собака захотѣла
Взять отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ страшный зѣвъ,
И прямо къ ней — но Левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой головою,
Взревѣлъ — и Тигръ уже разтерзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ
И вопитъ: побѣдилъ! благодарю судьбину!
Но яль то былъ, иль нѣтъ? . . . Повѣришь ли, отецъ,

Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ
конецъ,
Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу Львину;
Я точно ... былъ какъ Левъ! — „Ты точно Левъ
и есть,
Наставникъ отвѣчалъ, облившися слезами;
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:
Отнынѣ ... кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;
Но ты ... и радости и грусти мнѣ причина!
Прости, о Государь! невольно слезы лью. . . .
Отечеству отца даю,
А самъ ... теряю сына!“

БАШМАКЪ, МѢРКА РАВЕНСТВА.

Баснь II.

„Да что ты, долгой, возмечталъ?
Я за себя и самъ, братъ, стану,
Грудцою наскоча, вскричалъ
Какой-то Карликъ Великану:
Твои, мои — права одни!"
— Не спорю, что равны они,
Тотъ отвѣчаетъ безъ задору;
Но мой башмакъ тебѣ не въ пору.

ЧЕЛОВѢКЪ и ЭХО.

Баснь III.

Ругатель, клеветникъ на Эхо былъ сердитъ,
За чемъ, кого онъ ни поноситъ,
О комъ ни говоритъ,
Оно вездѣ разноситъ.
„Чтобъ громъ пришибъ! кричалъ въ досадѣ клеветникъ,
У Эха злой языкъ!
Возможно ли? Скажи ты слово:
Уже оно тотчасъ готово
За мною повторить
И новыхъ на меня враговъ вооружить.
Теперь ни въ клеветѣ, ни въ брани нѣтъ успѣха!
Никто не слушаетъ меня, и все отъ Эха."
— Напрасно ты меня винишь,
Съ усмѣшкой Эхо возразило:
Не хочешь ты, чтобъ я слова твои твердило,
За чемъ же говоришь? —

ТРИ ЛЬВА.

Басня IV.

Его Величество, Левъ сильный, Царь звѣрей,
Скончался.
Народъ совѣтовать собрался,
Когобъ изъ трехъ его дѣтей
Признать наслѣдникомъ короны.
— Меня! сынъ старшій говорилъ:
Я сдѣлаю народъ наперсникомъ Беллоны. —
„А я обогащу, середній подхватилъ.“
А ябъ его любилъ,
Сказалъ меньшой съ невиннымъ взоромъ —
И тутъ же нареченъ Владыкой всѣмъ соборомъ.

ДВѢ ЛИСЫ.

Баснь V.

Вчера, подслушалъ я, двѣ разныхъ свойствъ Лисицы
Такой имѣли разговоръ:
„Тыль это, кумушка! давно ли изъ столицы?"
— Давноль оставила я дворъ?
Съ недѣлю. — „Какъ же ты разъѣлась, подобрѣла!
Знать при дворѣ у Льва привольное житье?"
— И очень! до сыта всего пила и ѣла. —
„А въ чемъ тамъ ремесло главнѣйшее твое?"
— Бездѣлица! съ утра до вечера таскаться;
Гдѣ такнуть, гдѣ польстить; предъ сильнымъ унижаться,
„И больше ничего. — „Какое ремесло!"
— Однакожь мнѣ оно довольно принесло:
Чинъ, мѣсто. — „Горькій плодъ! чины не возвышаютъ,
Когда ихъ подлости цѣною покупаютъ."

СУПЪ ИЗЪ КОСТЕЙ.
Басня VI.

„О времена! о времена!
Собака, выходя изъ кухни, горько выла:
Прощайся и съ костьми! будь вѣчно голодна,
И околѣй за то, что съ вѣрностью служила!
Вотъ дождались какихъ мы дней!
Безвременная смерть! ужь нѣтъ намъ и костей!“
— Да гдѣжь онѣ? вопросъ ей сдѣлала другая,
Собака пожилая,
Прикованна подлѣ воротъ. —
„Въ котлѣ, да не для насъ, а для самихъ господъ:
Какой-то выдумщикъ, злодѣй собачью роду,
И вѣрно ужь Французъ, пустилъ и кости въ моду.
Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить,
И хочетъ имъ людей кормить;
А намъ уже ни кости!
Я тресну съ голода и злости!“
— А мой совѣтъ, сказалъ на привязи мудрецъ:
Въ молчаніи терпѣть, пока судьба сурова;
Вѣдь этотъ случай намъ не первый образецъ;
Большой всегда живетъ на счетъ меньшова. —

МАЛЬЧИКЪ НА СТОЛѢ.

Баснь VII.

КакЪ я великЪ! сЪ стола мальчишка всѣмЪ кричалЪ.
А нянька говоритЪ: сойди, такЪ будешь малЪ.

Кто вЪ этой Баснѣ намЪ изображенЪ мальчишкой?
Богачь сЪ надменною и подлою душишкой.

ПУСТЫННИКЪ и ФОРТУНА.

Басня VIII.

Какой-то добрый человѣкъ,
Не чувствуя къ чинамъ охоты,
Не зная страха ни заботы,
Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
Съ Плутархомъ, съ Лирой
И Плѣнирой,
Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
Однажды, подъ вечеръ, какъ солнца лучь погасъ
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
И въ двери ну стучать.
— Кто тамъ? Пустынникъ окликаетъ. —
„Я! я!" — Да кто, могу ли знать? —
„Я! та, которая тебѣ повелѣваетъ
Скорѣе отпереть." — Пустое! онъ сказалъ,
И замолчалъ. —
„Отопрешь ли? еще Фортуна закричала;
Я вѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;

Пусти Фортуну ты со свитою къ себѣ,
    Съ Богатствомъ, Знатью и Чинами. . .
        Теперь извѣстналь я тебѣ?"
— По слуху, . . . но куда мнѣ съ вами?
    Поди въ другой ты домъ,
А мнѣ не помѣстить, ей ей! такой содомъ: —
„Невѣжа! да пусти меня хоть съ половиной,
Хоть съ третью, слышишь ли? . . . Ахъ! сжалься надъ судьбиной
Великолѣпія . . . оно ужь чуть дышитъ;
Надъ гордой Знатностью, которая дрожитъ,
        И стоя у порога мерзнетъ;
Тронись хоть Славою, мой миленькой дружокъ!
        Еще минута, все изчезнетъ! . . .
Упрямый! дай хотя Желанью уголокъ."
— Да отвяжися ты, лихая пустомѣля!
Пустынникъ ей сказалъ: ну, право! не могу.
        Смотри: одна и есть постеля,
И ту я для себя съ Плѣнирой берегу. —

ОТЕЦЪ СЪ СЫНОМЪ.

Баснь IX.

„Скажите, батюшка, какъ счастія добиться?“
Сынъ спрашивалъ Отца. — А вотъ ему въ отвѣтъ:
Дороги лучшей нѣтъ,
Какъ тѣломъ и умомъ трудиться,
Служа отечеству, согражданамъ своимъ,
И чаще быть съ перомъ и книгой,
Когда быть дѣльными хотимъ. —
„Ахъ, это тяжело! какъ легче бы?“ — Интригой,
Втираться жабой и ужомъ
Къ тому, кто при дворѣ Фортуной возносется. —
„А это низко!“ — Ну, такъ просто . . . . быть глупцомъ;
И этакъ многимъ удается.

ШАРЛАТАНЪ.

Баснь X.

Однажды Шарлатанъ во весь горланилъ ротъ:
        ,,Ступай ко мнѣ народъ!
Смотри, и покупай: вотъ порошокъ чудесный!
        Онъ умъ даетъ глупцамъ,
Невѣждамъ знаніе, красотокъ старикамъ,
Старухамъ прелести, достоинства плутамъ,
        Невинность преступленью;
        Вотъ первый способъ къ полученью
Всѣхъ благъ, какія насъ удобны только льстить;
        Повѣрьте, говорю неложно:
        Чрезъ этотъ порошокъ возможно
На свѣтѣ все достать, все знать и все творить;
Глядите!" — И народъ стекается толпами.
        Вѣдь любопытство не порокъ!
Бѣгу и я . . . но чтожь открылось передъ нами?
        Въ бумажкѣ — золотой лесокъ.

КНИГА РАЗУМЪ.

Баснь XI.

Въ началѣ мірозданья,
Когда соборъ боговъ,
Не требуя себѣ ни агнцевъ, ни цвѣтовъ,
Всѣхъ тварей упреждалъ желанья,
Въ то время — слухъ дошелъ преданіемъ до насъ —
Юпитеръ въ милостивый часъ
Далъ книгу человѣку,
Котора замѣнить могла библіотеку.
Титулъ ей *Разумъ*, и она
Самой Минервою была сочинена
Съ той цѣлію, чтобъ въ ней всѣ возрасты узнали
Путь къ добродѣтели, и счастливѣе стали;
Однакожъ въ дарѣ томъ небесномъ на земли
Не много прибыли нашли.
Читая сочиненье,
Младенчество однѣ въ немъ видѣло черты;
А Юность — только заблужденье;
Вѣкъ зрѣлый — поздно сожалѣнье;
А Старость — выдрала листы.

ДВА ВѢЕРА.

Басня XII.

Въ гостиной на столѣ два Вѣера лежали;
Не знаю я, кому они принадлежали,
А знаю, что одинъ былъ въ блесткахъ, новъ, красивъ;
Другой изломанъ весь, и очень тѣмъ хвастливъ.
„Чей Вѣеръ? онъ спросилъ сосѣда горделиво“
— Такой-то, сей ему отвѣтствуетъ учтиво. —
„А я, сказалъ хвастунъ, красавицѣ служу,
И какъ же ей служу! смотри: нѣтъ кости цѣлой!
Лишь чуть къ ней подлетитъ молодчикъ съ рѣчью смѣлой;
А я его и хлопъ; короче, я скажу
Безъ всякаго, повѣрь мнѣ, чванства
И прочимъ не въ укоръ,
Что каждый мой махоръ
Есть доказательство Вѣтраны постоянства.“
— Не лучше ли ея кокетства и жеманства?
Сосѣдъ ему сказалъ: Розаліи моей
Довольно бросить взглядъ, и всѣ учтивы къ ней. —

ПЧЕЛА и МУХА.

Басня XIII.

,,Здорово, душенька! влетя въ окно Пчела,
Такъ Мухѣ говорила:
Сказать ли вѣсточку? Какой я сотъ слѣпила!
Мой медъ прозрачнѣе стекла;
И какъ душистъ! какъ сладокъ, вкусенъ!"
— Повѣрю. Муха ей отвѣтствуетъ: вашъ родъ
Природно въ томъ искусенъ;
А я хотѣлабъ знать, каковъ-то будетъ плодъ,
Продлятся ли жары? — ,,Да! что-то будетъ съ медомъ!"
— Ахъ, этотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдашнимъ бредомъ! —
,,Да для того, что медъ" . . . — Опять? нѣтъ силъ терпѣть,
Какое малодушье!
Я, право, получу отъ словъ твоихъ удушье . . . —
,,Удушье? ничего! съѣсть меду, да вспотѣть,
И все пройдетъ: мой медъ . . . " — Чтобъ быть тебѣ безъ жала!
Съ досадой Муха ей сказала:
Сокройся во улій свой, вралиха! иль молчи! —

*

О Эгоисты - риѳмачи!
Я васъ не называю,
Но Басню эту вамъ отъ сердца посвящаю.

СЛОНЪ и МЫШЪ.

Басня XIV.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ,
Однако же и онъ
Пойманъ мудростью людскою:
Превосходительный тяжелою стопою
Ступилъ по хворосту, и провалился въ ровъ.
Чрезъ часъ потомъ и Мышъ подверглась той же долѣ;
Но Мышкѣ тамъ просторъ; она, не тратя словъ,
Пошла карабкаться, и выпрыгнула въ поле;
А великанъ мой, ставъ по нуждѣ философъ,
Не могши въ западнѣ ниже пошевелиться:
„Увы! кричитъ, къ чему ведетъ насъ толщина?
Что въ ростѣ? мѣлочнымъ не страхъ и провалиться,
И Мышка въ западнѣ свободнѣе Слона!“

БЫКЪ и КОРОВА.

Басня XV.

- КакЪ жалокЪ ты! Быку Корова говорила;
Судьба тебя на трудЪ всегдашній осудила. —
На утро повели Корову на убой,
КЪ закланію богамЪ. БыкЪ, вспомня рѣчь вчерашню,
Гордись, красавица, сказалЪ, твоей судьбой:
Ты идешь кЪ олтарямЪ, а я — опять на пашню."

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Басня XVII.

Одинъ охотникъ жить, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожитъ и вопитъ,
За чемъ она его торопитъ
Въ расплохъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предваря его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ.
— Увы! онъ говоритъ, а я лишь въ подмосковной
Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть!
Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить,
И правнуковъ женить! а тамъ . . . твоя ужь власть!
Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить. —
„Неблагодарный! Смерть отвѣтствуетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
Тебѣ бы одному
Не умирать на свѣтѣ!
Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, десятка даже нѣтъ
Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.

Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранѣе тебя къ свиданію со мной:
Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой,
И правнуковъ женить; а развѣ мало было
Навѣтокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
Увянулъ цвѣтъ ума, и память притупилась;
Годъ отъ году хладѣла кровь;
Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась,
И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
Съ которыхъ лѣтъ уже отвсюду поражаетъ
Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
Тотъ умеръ, этотъ занемогъ,
И на одрѣ мученья?
Какогожь болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?
Короче: я уже ступила на порогъ,
Забудь и горе и веселье;
Исполни мой уставъ!" —
Сказала, и старикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ бы въ старости страшиться умирать?
Доживъ до поздныхъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ гость отходитъ съ пира,
Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чемужь послужитъ стонъ?

Ты сѣтуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле!
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ
На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжиму! . . .
Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

Конецъ книги третьей.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОТЪ, ЛАСТОЧКА и КРОЛИКЪ.

Басня I.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тьминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же! — чуть его не подкосились ноги! —
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ Пенатовъ по угламъ!
Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома:
Что надобно? вопросъ хозяйки новой былъ.
— Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ,
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ. —

„Мнѣ выдти вонъ? она вскричала, вотъ прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?
Но пусть и царство будь, не всѣль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя, и Дромадера,
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Ктожь болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну
Филата, Фефела, чемъ Карпу, или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ наравнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла, моею норка стала.“
Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность* — ихъ закономъ,
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, въ силу права,
Тожь сыну, именно мнѣ Кролику Петру;
Но естьли думаешь, что вру,
Такъ отдадимъ сёбя на судъ мы *Крысодава*. —
А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ
всѣхъ Котовъ,

Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
„Съ охотой!" Ласточка сказала. — И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: „Помилуй!" — Разсудите! . . . —
Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья:
Не слышу я,
Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите! —
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,
А онъ
Вдругъ обѣ лапы врозь, царапъ того, другова,
И въ мигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

*

Не тоже ль иногда бываетъ съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ Королямъ?

ВЕРБЛЮДЪ и НОСОРОГЪ.

Баснь II.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
Во вѣкъ я приложить ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой счастливой долѣ?
Васъ держитъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ;
И кормитъ въ доволь и поитъ,
И ваше разводить старается онъ племя;
Согласенъ, что на васъ нерѣдко вьючатъ бремя,
Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ;
Что кротки вы, легки, притомъ неутомимы;
Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ —
А всё мы презрѣны, гонимы! —
„Дружокъ! отвѣтствовалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достоинствамъ замѣна;
Чтобъ людямъ угодить, одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна.

РЫСЬ и КРОТЪ.

Басня III.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему по-свойски говорила:
Увы, мой бѣдный Кротъ! несчастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь твоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь;
А я
Теперь же, будто на ладонѣ,
Все вижу на версту вокругъ,
И все пересказать готова — слушай, другъ:
Вотъ ястребъ въ облакахъ за коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая лиса цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ кролика постигъ ружья ударъ громовой;
Здѣсь кошка давитъ мышь! а тамъ
Змѣя впилась въ корову;

А далѣе — медвѣдь, раззинувъ пасть багрову,
Ревётъ, и гонится за серной по скаламъ;
А вотъ и лютый волкъ ягненочка терзаетъ. . .
,,Ахъ, полно, полно! Кротъ болтунью прерываетъ:
Утѣшноль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ."

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Баснь IV.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
Чтожь дѣлаетъ пернатыхъ Царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

❋

Такъ Геній своему хулителю отмщаетъ.

ЖАВОРОНОКЪ съ ДѢТЬМИ и ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Басня V.

Пословица у насъ: *на ближнихъ уповай,*
А самъ ты не плошай!
И правда; вотъ примѣръ. Въ прекрасные дни года,
Въ которые цвѣтетъ и нѣжится Природа,
Когда все любится, медвѣдь въ лѣсу густомъ,
Киты на днѣ морскомъ,
А жаворонки въ полѣ,
Не вѣдаю того, по волѣ иль неволѣ,
Но самочка одна
Изъ племя жаворонковъ летала да гуляла,
И о вліяніи весны не помышляла,
А ужь давно весна!
Сдалася, наконецъ, Природѣ и она,
И матерью еще назваться захотѣла:
У птичекъ много ли затѣй?
Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла,
И вывела дѣтей.
Рожь выросла, созрѣла,

А птеньчики еще не въ силахъ ни порхать,
Ни корма доставать;
Все матушка ищи. — „Ну, дѣтушки, прощайте!
Я за припасомъ полечу,
Сказала имъ она, а вы здѣсь примѣчайте,
Не соберутсяль жать, и тотчасъ голосъ дайте;
Такъ я другое вамъ пристанище сыщу.“
Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
И сыну говоритъ: вѣдь рожь и жать пора;
Смотри какъ матера!
Ступай же ты, не медля болѣ,
И попроси друзей на помочь къ намъ придти.
— Ахъ! матушка, лети! скорѣе къ намъ лети!
Малютки въ страхѣ запищали. —
„Что, что вамъ сдѣлалось?“ — Ахти! мы всѣ пропали;
Хозяинъ былъ, онъ хочетъ жать,
Ужь сыну и друзей велѣлъ на помочь звать. —
„А болѣ ничего? отвѣтствовала мать:
Такъ не къ чему спѣшить; *день ночи мудренѣе*.
Вотъ дѣтушки вамъ кормъ: покушайте скорѣе,
Да ляжемъ съ Богомъ спать!“ Они того, сего
Клевнули,
Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.
Ужь день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.
Пичужечка опять пустилась за припасомъ,
А селянинъ на рожь,
И мыслитъ: на родню сторонній не похожъ!
Подика, сынъ мой, добрымъ часомъ,
Ты къ дядѣ своему, да свату поклонись.
Малютки пуще взволновались;

И матери во слѣдъ всѣ въ голосъ разкричались :
Ахъ! милая, скорѣй! родима, воротись!
,,Ужь за родней пошли. — ,,Молчите, не пугайтесь!
Отвѣтствовала мать, и съ Богомъ оставайтесь.“
Еще проходитъ день ; хозяинъ въ третій разъ
Приходитъ на поле. — Изрядно учатъ насъ,
Онъ сыну говоритъ; и дѣльно! впредь не станемъ
Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомянемъ,
Что всякой самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и братъ;
Ступай же ты назадъ,
И матери скажи съ сестрами,
Чтобъ на поле пришли съ серпами —
А птичка, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
,,Ну, дѣтки! вотъ теперь къ походу вѣрный знакъ.“
И дѣти въ тотъ же мигъ скорѣй, скорѣй сбираться;
Разправя крылья, въ первый разъ
За маткой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподниматься,
И скрылися отъ глазъ.

~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~

ИСТУКАНЪ и ЛИСА.

Баснь VI.

Оселъ, какъ скотъ простой,
Глядитъ на Истуканъ пустой
И лижетъ позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилѣжно раза два,
Пошла и говоритъ: „Прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нѣтъ!" — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы съ симъ Истуканомъ схожи?

ЖЕЛАНІЯ.

Басня VII.

Сердися Лафонтенъ, иль нѣтъ;
А я съ нимъ не могу разстаться:
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ;
Такъ за чужое приниматься:
Слыхалиль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы домовыми?
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы —
Безъ всякой платы; лишь изъ дружбы.
Кто правитъ кухнею, кто холитъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злаго глаза и уроковъ;
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ. —
Одинъ изъ тѣхъ духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Хранителемъ его садовъ;
Онъ Госпожу и Господина

Любилъ не меньше, чемъ родныхъ;
Всегда, бывало, ихъ
Своимъ усердьемъ утѣшаетъ;
И въ упражненьи всякой часъ:
То мирточки садитъ, то лучшій ананасъ
Къ столу хозяевъ выбираетъ.
Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
Но доброе всегда непрочно;
Не знаю точно,
Что было этому виной —
Политика, или товарищей коварство —
Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой,
Летѣть въ другое Государство;
Кудажь? сказать ли вамъ,
Сердца чувствительны и нѣжны?
Изъ мѣстъ, гдѣ счета нѣтъ цвѣтамъ,
Изъ вѣчнаго тепла въ сугробы, въ горы снѣжны,
На край Норвегіи! вдругъ изъ Индѣйца будь
Лапланецъ! Такъ и быть, слезами не поправить,
А только лишь надсадишь грудь.
„Прощайте, Господа! мнѣ должно васъ оставить!
Со вздохомъ добрый духъ хозяямъ говорилъ:
Я здѣсь ужь отслужилъ;
Нашъ Князь указъ наслалъ, предписываетъ строго
Летѣть на Сѣверъ мнѣ. Хоть грустно, но летѣть! —
Недолго, милые, уже на васъ глядѣть:
Съ недѣлю, мѣсяцъ много.
Чтожь мнѣ оставить вамъ за вашу хлѣбъ и соль
Въ знакъ моего признанья?
Скажите, я могу исполнить три желанья.“
Извѣстенъ человѣкъ: просить чего? изволь;

Сей часъ готовы крылья.
,,Ахъ, изобилья, изобилья!"
Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.
И изобиліе рѣкой
На домъ ихъ полилося:
Въ шкатулы золотомъ, въ анбары ихъ пшеномъ,
А въ выходы виномъ,
Верблюдовъ табуны, — откуда что взялося!
Но сколькожь и заботъ прибавилося съ тѣмъ!
Легко ли усмотрѣть за всемъ,
Все счесть, все записать? Минуты нѣтъ покоя:
Въ день доброхотовъ угощай,
Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ давай;
А въ ночь дрожи и жди разбоя.
,,Нѣтъ, духъ! они кричатъ, возьми свой даръ назадъ;
Съ богатствомъ не житье, а въ живѣ сущій адъ!
Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,
Наставница людей,
Посредственность безцѣнна!
Приди, и возврати намъ счастье прежнихъ дней!" —
Она пришла, и два желанія свершились;
Осталось третье объявить:
Подумали они, и наконецъ рѣшились
Благоразумія просить,
Которое во всяко время
Нигдѣ и никому не въ бремя.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Басня VIII.

Большой боярской дворъ Собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
— Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
Я сутки ужь не ѣлъ . . . отъ глада умираю! —
„За тѣмъ-то я и лаю,
Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ."

*

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

СВЕРЧКИ.

Басня IX.

Два обывателя столицы безъимянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейской домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
И каждый день они видалися тайкомъ.
„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
Какъ гнется, даромъ что высокъ!
Какая кротость въ немъ! какая добродѣтель!
И какъ трудолюбивъ! Я самъ тому свидѣтель,
Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
А все за нимъ тащатъ!" — На произволъ судьбины,
Товарищъ подхватилъ.
Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только жилъ,
И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;

Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ казаться;
А здѣсь, какимъ родился въ свѣтъ:
Богатому служить, предъ сильнымъ пресмыкаться;
А до другихъ и дѣла нѣтъ!
Вотъ нашего ханжи и все тутъ уложенье!
Оставь же лишнее къ нему ты уваженье!
И въ обществѣ людскомъ,
Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,
Умѣй ты различать двухъ человѣкъ въ одномъ:
Параднаго съ *приватнымъ*.

ОСЕЛЪ и КАБАНЪ.

Баснь X.

ВЪ навозѢ вскормленный и вызрѢвшій ОселЪ
Храбрился, что вражду съ КабаномЪ онЪ завелЪ,
СЪ которымЪ и нельзя имѢть ему пріязни.
,,Что мнѢ КабанЪ! ОселЪ рычалЪ:
Сей часЪ готовЪ сЪ нимЪ вЪ бой безЪ всякія боязни!"
— МнѢ вЪ бой сЪ тобой? КабанЪ сЪ презрѢніемЪ сказалЪ:
Несчастный! будь спокоинЪ:
Ты славной смерти не достоинЪ.

ЛЕТУЧАЯ РЫБА.

Басня XI.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ.
Не бойтесь; я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіежь мудрецы и трусы, какъ у насъ;
Вотъ и примѣръ для васъ:
Одна изъ Рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
„Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненія и смерть повсюду на пути!
Лишь только я летать, Орлы клюютъ носами;
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема Волками!“
Старуха ей въ отвѣтъ:
Что дѣлать, дитятко! таковъ сталъ нынѣ свѣтъ!
Кому не суждено Орломъ быть или Волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда *своей* тропинки тихомолкомъ,
Плывя *близъ* воздуха, летая *близъ* воды.

РАЗБИТАЯ СКРЫПКА.

Басня XII.

Скрыпица дюжинна упала и разбилась,
Скрыпачь ее склеилъ,
И скрыпка изъ дурной . , . прекрасной очутилась,

*

Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ!

ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Баснь XIII.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три Путника нашли съ червонцами мѣшокъ;
Они находку раздѣлили
И съ общаго потомъ согласья положили,
Чтобъ младшему идти за хлѣбомъ на обѣдъ.
Товарищь ихъ пошелъ, а старшій, глядя въ слѣдъ,
Другому говоритъ: почто его мы взяли!
Не будь онъ, такъ мѣшокъ досталсябъ только двумъ.
Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищь, въ умъ?
Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай какъ звали!
— А часть его въ раздѣлъ, товарищь подхватилъ. —
Межь тѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:
„Что естьли бы вчера, не нынѣ,
Попался мнѣ мѣшокъ! тогда я шелъ одинъ,
Тогдабъ я былъ не въ половинѣ,
А полной суммы господинъ! . . .
Дай хлѣбъ отравимъ!
Товарищей моихъ постигнетъ вѣчный сонъ,
А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ.“

Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.
Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ, но прежде въ два кинжала
Товарищи его пронзили на повалъ;
Потомъ, когда въ немъ кровь подъ сердцемъ замирала,
Но пульсъ еще дрожалъ,
Они, наѣвшись хлѣба,
И сами у его простерлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ, а деньги тутъ! — и голосъ грянулъ съ неба:
Всевидящъ скрытый Богъ!

ЗМѢЯ и ПІЯВИЦА.

Басня XIV.

Какъ я несчастна!
И какъ завидна часть твоя!
Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:
Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
Тебѣ охотно кровь они свою даютъ;
Меня же всѣ бѣгутъ, и естьли могутъ, бьютъ;
А кажется равно мы съ ними поступаемъ:
И ты, и я, людей кусаемъ.
„Конечно! былъ на то Піявицынъ отвѣтъ:
Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ;
Я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
А ты для ихъ вреда;
Я множество больныхъ чрезъ это изцѣляю,
А ты и не больнымъ смертельна завсегда.
Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права;
Я имъ лекарство, ты отрава.“

*

Смыслъ этой басенки встрѣчается тотчасъ:
Не то ли Критика съ Сатирою у насъ?

ОРЕЛЪ и КАПЛУНЪ.

Басня XV.

Юпитеровъ Орелъ за облака взвивался;
Уже онъ къ трону приближался
Властителя громовыхъ стрѣлъ —
И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смотрѣлъ.
„Не даромъ онъ любимъ Юнонинымъ супругомъ!
Въ восторгѣ восклицалъ Пѣтухъ:
Какая быстрота! какой великій духъ!
Какимъ онъ очертилъ свой путь обширнымъ кругомъ!
Не даромъ, повторю, врученъ ему перунъ;
Кто равенъ съ нимъ?" — Кто? Ты и я, сказалъ Каплунъ:
Конечно; будемъ только смѣлы,
То также обтечемъ небесные предѣлы
И къ солнцу возлетимъ;
А это покажу примѣромъ я моимъ. —
Съ симъ словомъ, размахавъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землей и небесами,
И съ верьху вмигъ — онъ брякъ на кровлю, какъ свинецъ.

Всѣ птицы хохотать! Пѣтухъ же добрыхъ правилъ
На память этотъ стихъ по случаю привелъ:
„Отважный безъ ума всегда себя безславилъ!“
Потомъ примолвилъ въ слухъ! „Каплунъ! ты не
Орелъ.“

МАГНИТЪ и ЖЕЛѢЗО.

Баснь XVI.

Природу одолѣть превыше нашихъ силъ:
Смиримся же предъ ней, не умствуя нимало.
„За чѣмъ ты льнешь? Магнитъ Желѣзу говорилъ"
— За чѣмъ влечешь меня? Желѣзо отвѣчало. —

*

Прелестный, милый полъ! чѣмъ кончу я разсказъ
Легко ты отгадаешь.
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь;
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Басня XVII.

Старикъ, лѣтъ въ семдесятъ, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы строить, нѣтъ! садить еще хотѣлъ!
А трое Молодцовъ, зевая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. ,,Какую же охоту
На старости Богъ далъ!
Одинъ изъ нихъ сказалъ.“
Другой прибавилъ: чтожъ? еще не опоздалъ!
Ковчегъ и большаго терпѣнья стоилъ Ною. —
,,Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!
Примолвилъ третій Старику:
Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
Когдажъ тебѣ дождаться,
Подъ тѣнью дерева въ Іюлѣ прохлаждаться?
Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ
Невѣренъ,
А *завтремъ* льстить себя оставь уже ты насъ.“ —
Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
Повѣрьте мнѣ, друзья, Старикъ сказалъ въ отвѣтъ:

Что *завтре* ни мое, ни ваше;
Что Парка блѣдная равно
Взираетъ на теченье наше.
Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,
Кому изъ насъ Оно судило
Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!
Не можете и вы надежны быть, какъ я,
Ниже на мигъ одинъ . . . работа же моя
Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится!
Чувствительна душа и въ чужѣ веселится.
И такъ вы видите, что мной ужь собранъ плодъ,
Которымъ я могу теперь же наслаждаться,
И *завтра*, можетъ статься,
И далѣе . . . какъ знать? быть можетъ, что и годъ;
Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ хилой
Застанетъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей розами усыпанной . . . могилой!" —
Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пескомъ —
Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;
Другой подъ миртами изчезъ въ цвѣтущи лѣта;
А третій — дворянинъ, за честь къ отмщенью скоръ —
Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкой споръ,
За креслы, помнится . . . убитъ изъ пистолета.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Басня XVIII.

Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!
Левъ гордый Комару сказалъ. —
Потише! отвѣчалъ Комаръ ему: я малъ,
Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!
Ты царь звѣрей,
Согласенъ;
Но мнѣ нимало неужасенъ:
Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.
Сказалъ, и, ставъ трубачь, жужжитъ повѣстку къ бою;
Потомъ, съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву влился:
У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!!
Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ гриву, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!

Тогда несчастный Левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ,
И началъ грызть себя; потомъ . . . лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя на вѣкъ смыкаетъ очи.
Крылатый богатырь тутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ Пауку, и съ жизнію разстался.

*

Увы! кто свой предѣлъ читаетъ на рукѣ?
Зіяютъ хляби, живъ . . . а гибнешь въ ручейкѣ!
Довольны ль правиломъ? Не то, такъ вотъ другое:
Опасенъ всякой врагъ; *малѣйшій* — часто вдвое.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Басня XIX.

,Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
Что, естьлибъ силою волшебною какою
Всевидящимъ я сталъ,
И вдругъ открылись предо мною
Всѣ, всѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ,
И дочери Судьбы отмѣнной красоты,
Иль убѣгающей мечты,
Безъ отдыха столь жадно ищутъ?
Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ! ужь, кажется, въ рукахъ..
Ужь сердце въ восхищеньи бьется . . .
Вотъ только что схватить . . . хоть какъ такъ увернется,
И въ тысячи уже верстахъ!
,Возможноль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
Давно ль такой-то въ насъ искалъ?
А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
Онъ въ счастіи растетъ, а насъ за грязь кидаютъ!

Чѣмъ хуже мы его?" — Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;
А къ этому прибавимъ:
Чинъ стоитъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ старину удѣломъ былъ боговъ?
Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней; сама смягчится къ вамъ."
Такъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку:
Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ не вдалекѣ
Два друга жили,
Ни скудны, ни богаты были.
Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,
Чтобы нажить огромный домъ,
Деревни, знатный чинъ — то и во снѣ лишь видѣлъ;
Другой богатствъ не ненавидѣлъ,
Однакожь ихъ и не искалъ,
А кажду ночь покойно спалъ.
„Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:
На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
Чегожь и намъ здѣсь ждать? — Со временемъ сумы.
Поѣдемъ лучше мы
Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
Авось мы и найдемъ, авось разбогатѣемъ."
— Ступай, сказалъ другой,
А я остануся; мнѣ дорогъ мой покой,
И буду спать, пока мой другъ не возвратится. —
Тщеславный этому дивится

И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть Дворъ;
Присталъ къ нему, и по обряду
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
Тамъ стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать,
Здѣсь такаетъ изъ всей онъ мочи,
Тутъ шепчетъ на ушко — короче: дни и ночи
Нашъ витязь самъ не свой;
Но все то было втунѣ!
,,Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
Да слушай объ одной Фортунѣ,
А самъ всё ничего!!
Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего.
Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
Въ Суратъ, въ Суратъ лечу! я слышалъ въ сказ-
кахъ, тамъ
Фортунѣ съ давнихъ лѣтъ курится ѳиміамъ.“
Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣлѣли.
Но что же? Не прошло недѣли,
Какъ странствователь нашъ отправился въ Суратъ,
А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою; корабль то загорался,
То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;
Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;
Бѣднякъ бѣсился, клялъ — извѣстно, лютый рокъ,
Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ
свѣта

Мы смерть ловить, а къ ней и дома два шага! —
Синѣютъ между тѣмъ Индійски берега,
Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ къ статѣ
Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Суратѣ!
„Фортуна здѣсь? его былъ первый всѣмъ вопросъ,“
— Въ Японіи, сказали, —
„Въ Японіи? вскричалъ герой, повѣся носъ,
Быть такъ! плыву туда,“ — И поплылъ; но, къ печали,
Разъѣхался и тамъ съ Фортуною слѣпой!
„Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняться за мечтой“ —
И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился,
Завидя издали отеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился,
И отъ души вздохнувъ, сказалъ:
„Ахъ! счастливъ, счастливъ тотъ, кто лишь по слуху зналъ
И Дворъ и Океанъ и о слѣпой богинѣ!
Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынѣ,“
И такъ съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ и въ глазахъ,
Въ отчизну, наконецъ, вступаетъ;
Летитъ ко другу, — чтожъ? какъ друга обрѣтаетъ?
Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ!

ЦАРЬ и ДВА ПАСТУХА.

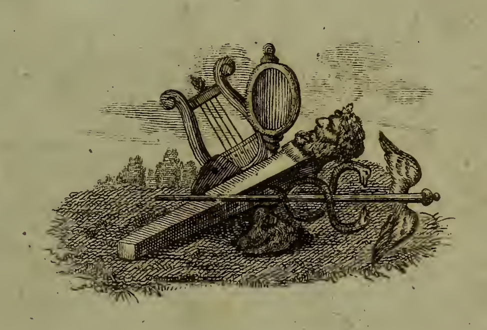
Басня XX.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о Царской долѣ:
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое;
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
Бояра лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ни чѣмъ!"
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? Разсыпанныхъ въ долинѣ

Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ; они подъ тѣнь ложатся,
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужь волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой! сказалъ Самовластитель;
И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такимижь, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду."
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ,
Куда? и самъ не зналъ,
И наконецъ, пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счоту нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью
их клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Ко маткинымъ бѣгутъ питательнымъ сосцамъ;
А пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
И пастуху свирѣль худая оборона."

А волкъ и подлинно откуда ни возмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ.
Пастухъ же всё поетъ, не шевелясь нимало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало:
— Возможноль? онъ вскричалъ, здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ ... умѣлъ сберечь большое стадо! —
„Царь, отвѣчалъ пастухъ, тутъ хитрости не надо;
Я выбралъ *добрыхъ* псовъ."

Конецъ.



СОДЕРЖАНІЕ
Третіей Части.

БАСНИ.

Книга первая.

Стран.

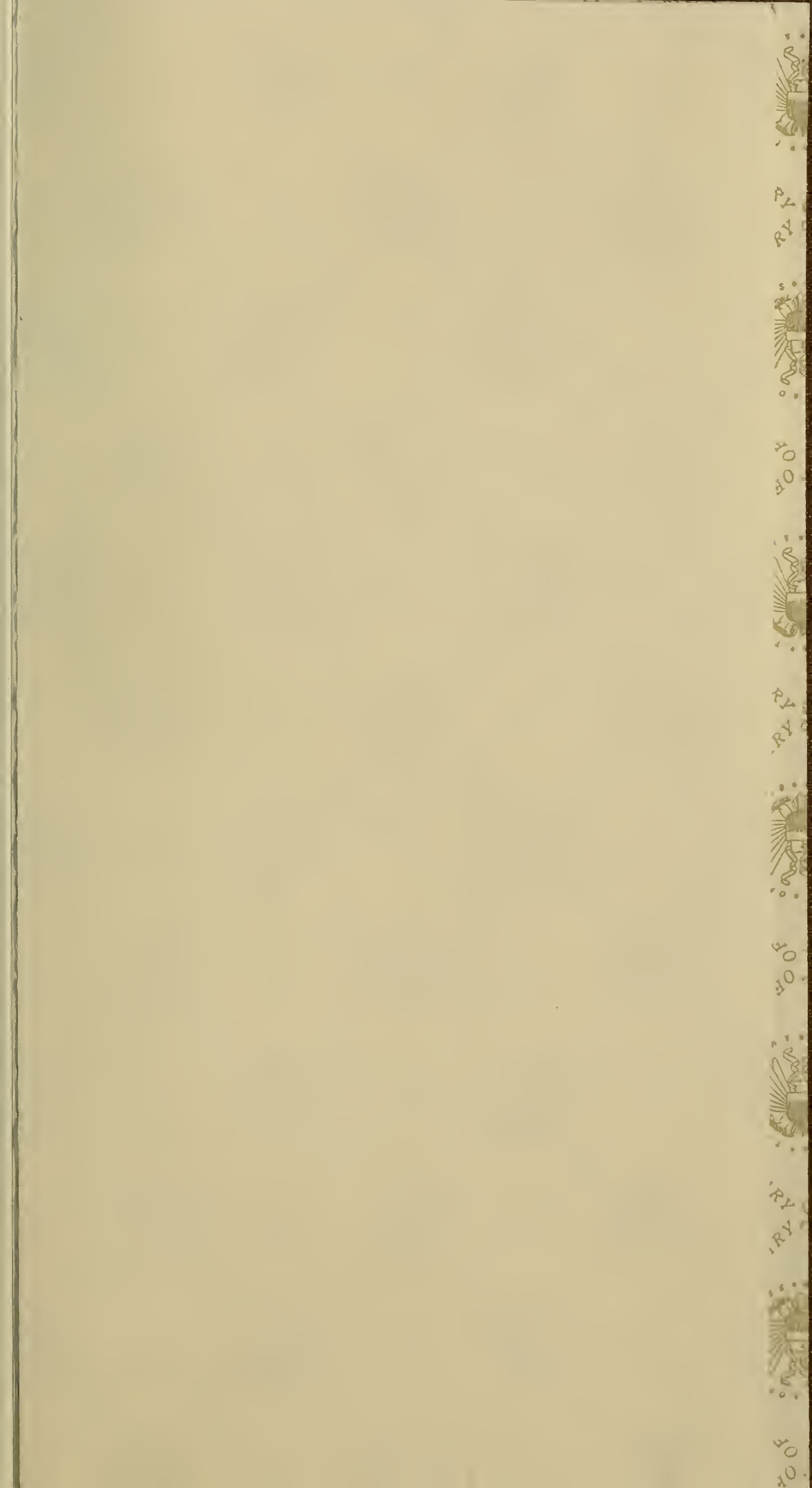
Книга Вторая.

Книга Третія.

Книга Четвертая.

Стран.	Стр.	*Вмѣсто:*	*Поставить:*
71.	14.	унижашься,	унижаться,
72.	22.	живешъ	живетъ
79.	8.	горделиво"	горделиво."
84.	2.	Басня XVII.	Басня XVI.
—	4.	вопишъ,	вопитъ,
—	5.	за чемъ	за чѣмъ
88.	13.	чемъ	чѣмъ
94.	15.	дав но	давно
96.	3.	,,ужь за родней по- шли. —	ужь за родней по- шли. —
—	15.	дѣши	дѣти
99.	1.	чемъ	чѣмъ
100.	10.	за всемъ,	за всѣмъ,
101.	4.	сшарика	старика
109.	18.	лекарсшво,	лѣкарство,
111.	4.	въ слухъ!	въ слухъ:
112.	5.	говорилъ"	говорилъ."
113.	5.	зевая	зѣвая
117.	3.	,,кшо на своемъ вѣку	кто на своемъ вѣку
122.	22.	счошу	счету

H7 88



Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS